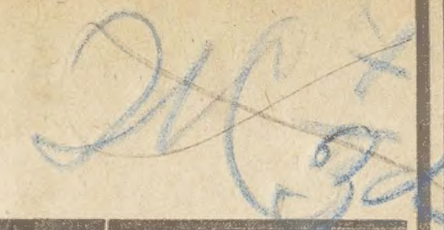
Р. С. Ф. С. Р. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

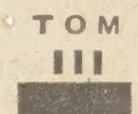

СБОРНИК ТРУДОВ

отделения военно-научного общества при военно-академических курсах высшего комсостава Р. К. К. А.

1921-1922

ТОМ III

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ИЗДАНИЯ
Высшего Военного Редакционного Совета

„Наставление для ведения занятий с гренадерами“, изд. II.
Кукушкин—„Красная дивизия“.
Шапошников—„Конница“.
„Руковод. для службы при 76 м./м. 3-дм. короткой пушке обр. 1912 г., отд. I. Устройство пушки“.
„Руковод. для службы при 76 м./м. 3-дм. противоштурмовой пушке отд. I. Устройство пушки“.
Черемных—„Басня про красноармейца, у которого из-за пуговицы голова пропала“.
„О деятельности военного ведомства по оказанию помощи голодающим“.
„Изменение основной инструкции для приема 3-хлин. боевых винтовочных патронов“.
Лучинин.—„Руководство для ведения военной игры со старшим и высш. ком.-составом войск в част. М. О.“.
Зеликман.—„От Вашингтона до Генуи“ (прилож. к № 2 „Политраб.“).
„Бюллетень Политуправления РВСР № 1—4“.
„Инструкция на прием капсюлей к 3-лин. винтовок.“.
Башинский.—„Пособие для стрельбы при 76,2 м./м. французской полевой скорострельн. пушки. Описание материальной части“.
„Памятка коммунисту, комиссару, политруку и политработнику Красной армии и флота“.
„Наставление для обучения молодых красноармейцев пехоты“.
Беркман.—„Конференция в Генуе и Красная армия“.
„Церемониал приведения Красной армии к красной присяге“.
Троцкий.—„Весенние происки врагов“.
Фролов и Куликовский.—„Государственная роспись доходов и расходов и исполнение финансовых смет“.
„Наставление для ведения стрелковых занятий с командным составом РККА“.
„Сб. воспоминаний непосредственных участников гражданской войны 1918 - 1922 г.“
Унтилов. — „Руководство по всем видам личного и денежного довольствия РККА“.
„О партконференции моряков“ (листовка).
Когоут.—„1-е мая“ (плакат).
„Инструкция осматривающим оружие в войсках“.
Горев.—„Голод и церковные ценности“.
Трунов.—„Краткие учебные пособия по воздушной артиллерии“.
„Полные таблицы стрельбы из 107 м./м. 42-лин. пушки обр. 1877 г. зарядами бездымного пороха“.
Моор.—„Торжественное обещание“ (плакат).
Окулов.—„Там, где смерть“.
Найденов.—„Измерительная фотография“.
Юрьев.—„Крылья типа Юнкер, прием аэродинамического расчета самолета“.
Лапчинский.—„Красноармейцу от летчика“.
„От Вашингтона до Генуи“.
„Основная военная задача момента“.
„Следи за умывальником“ (плакат).
„Наставление по строевому обучению красной конницы“, ч. I, подготовка всадника-бойца.

СБОРНИК ТРУДОВ

ОТДЕЛЕНИЯ
ВОЕННО-НАУЧНОГО
ОБЩЕСТВА
ПРИ
ВОЕННО-АКАДЕМИЧЕСКИХ
КУРСАХ
ВЫСШЕГО КОМСОСТАВА
Р. К. К. А.

1921-1922.

ТОМ III

*ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ.*

МОСКВА

1922.

ЭКЗЕМПЛЯР ПРОДАЖЕ
не подлежит.

Продажа будет преследоваться, как расхищение народного достояния.

В. В. Р. С. № 676. В. Н. О. Тираж. 500 экз.

Главлит № 2781. Типогр. „Красная Печать“, аренд. В. В. Р. С. Москва.

Роль и значение командира в армии. Отличие красного командира от других.

Введение.

Вслед за окончанием крупных войн, имевших действительно значительное влияние на дальнейшую историю человечества, всегда следовали более или менее значительные периоды повышенного интереса к вопросам войны, военной жизни и военного искусства.

Чем больше были по размерам те сдвиги и передвижки, национально-политического или социально-экономического характера, которые происходили в самом процессе или являлись в результате войны, тем ожесточеннее была полемика, не только вокруг новых вопросов, впервые выдвинутых жизнью в данной войне, но даже основные вопросы и факторы ее сплошь и рядом подвергались критическому пересмотру под углом зрения то новых условий материального характера, в связи со все возраставшим усилением и увеличением техники, то морально-психологического порядка, возникших на той же материальной основе, но в свою очередь оказавших влияние на ведение войны. (Вспомним хотя бы вопрос о кавалерии).

В настоящую эпоху, после империалистической и гражданской войн, замечается повышенный интерес к вопросам войны в широком смысле, о чем ярче всего свидетельствует небывалый размах и расцвет военной литературы, наблюдающийся во всех крупных военно-политических центрах современного мира.

Империалистическая война не только коренным образом нарушила сложившийся в течение десятков лет относительный порядок во всех областях жизни, не только исковеркала привычные географические границы, в рамках которых десятки лет совершалось экономическое и культурное развитие государств и народов,—она отчасти изменением этих границ в результате войны, отчасти в силу экономических факторов в самом процессе войны,—произвела колоссальную передвижку и перераспределение материальных и культурных ценностей между крупнейшими державами мира.

С другой стороны, она вызвала колоссальное обнищание народ-

ных масс в обоих лагерях противников, результатом чего явились голод, болезни, эпидемии. „Горе побежденным“,—сказано было еще в древности. Но в наш век сильно усложнившейся жизни, в особенности в социально-экономической области, горе постигло, без сомнения, и многих из победителей.

В результате 4-летнего воинственного азарта и шума задравшихся обитателей Европы, золотые птички, объект мечтаний буржуа-империалиста, незаметно перелетели на берега Тихого океана и своим золотым блеском освещают ныне банкирские дома Японии и Сев. Америки.

И победившая часть Европы несомненно права в своем недовольстве. Когда пришло время обновить позолоту на своих победных знаменах, то золота как раз и не оказалось. Цель войны поэтому почти всеми признается не достигнутой; реальная же польза того, что досталось в результате войны, является весьма проблематичной. Старый буржуазный мир, если бы это было возможно, без сомненья предпочел бы вернуться к 1913 году. Он устал от войны и хочет мира. Но если прежде говорили: хочешь мира—готовься к войне, то теперь каждый из участников империалистической войны рассуждает приблизительно так: хочу мира, чтобы иметь время подготовиться к новой войне. И старый мир к ней деятельно и неустанно готовится, даже не позаботившись предварительно о том, чтобы залечить, как это он делал прежде, свои раны. И этот факт слишком красноречиво говорит сам за себя.

Но мы подошли теперь к рассмотрению нового явления, которое все более и более начинает подогревать то пекло, в котором очутился буржуазный мир в результате войны. Мы говорим о призраках социальной революции, так нежданно вставших перед отягченным и без того сознанием буржуазии; куда она направит теперь свое оружие? Против нового ли своего врага, или будет продолжать свое самоуничтожение—вот вопрос.

Современное человечество очутилось таким образом в полосе, если так можно выразиться, „перманентных войн“. Но новый класс, стремящийся ныне к социальному господству в наиболее передовых и потому имеющих решающее значение на судьбы человечества странах, внес новое содержание в идеологию войны и коренным образом изменил и цели и объекты ее.

Отвергая принципиально метафизический взгляд о вечности войны, утверждая, что она есть явление исторически ограниченное, связанное с исторически ограниченным же социально-экономическим строем, основанным на частной собственности, пролетариат для данного момента должен признать, что вопрос о войне пока может быть решен только войною же.

Поставив себе цели не национально, а социально-политические, сделав объектом войны не государство вообще, а классовое государство своих социальных врагов, стремясь создать единую линию фронта и прове-

сти ее не по физико-географическим, а по классовым рубежам, пролетариат сам должен усиленно учиться и деятельно готовиться к войне.

И в настоящий момент мы видим на значительной территории земного шара, на территории Р. С. Ф. С. Р., тот плацдарм, где концентрируются силы пролетариата, организуются в армию, которая должна служить орудием для достижения его социально-политических идеалов. Здесь на территории Р. С. Ф. С. Р. зародился, крепнет и развивается новый мир, стремящийся к победе над миром старым. Старый мир, раздираемый войной и внутренними противоречиями, прозевал зарождение нового, который уже успел развиться и окрепнуть. В лице Р. С. Ф. С. Р. и ее Красной армии пролетариат выдвинул на арену истории свои классовые цели и стремления, являющиеся новыми факторами, тенденции которых по своей противоположности пересекают таковые его классовых врагов. Это новое условие, доказывающее невозможность длительного сосуществования двух миров; гибель одного из них является жизненно необходимой для развития другого.

Таким образом общая картина настоящего ставит перед нами весьма конкретные вопросы и наводит на размышления о ближайшем будущем. Нам, военным, необходимо иметь о нем ясные перспективы. Когда будет решаться вопрос быть или не быть, пролетариат потребует от нас и нашей армии напряжения всех усилий, чтобы решить вопрос в нашу пользу. А для этого наша армия сверху донизу должна быть соответственным образом организована и подготовлена. Мы недавно вышли из эпохи первых для нас гражданских войн, в процессе которых выросла наша армия; еще мало времени прошло с тех пор, как закончились для нас боевые бури и мы получили возможность осмотреться вокруг и уяснить себе свои плюсы и минусы, а также наметить пути дальнейшего развития и совершенствования. И в данное время, когда приходится решать основные вопросы строительства армии, - вопросы ее организации и подготовки,—мы часто наталкиваемся на громадную разницу в оценке явлений из недавнего прошлого, и требований настоящего, и планов на будущее. Но и при отсутствии единого метода оценки явлений войны две вещи уже сейчас, как нам кажется, не вызовут разногласий: 1) стихийная хаотичность организации нашей армии в процессе войны, не отлившаяся и до сих пор в более или менее законченные формы и 2) что побеждали мы многочисленных врагов наших на внешних и внутренних фронтах отнюдь не превосходством в технических средствах. Вопрос о том, чем и как мы победили, требует длительного анализа и изучения нашего опыта. Нам придется коснуться его, поскольку он имеет отношение к нашей теме.

Всякая армия делится на две части: командный состав и управляемые им массы. Неправильное разрешение вопроса о роли той или иной части и их взаимоотношении угрожает боеспособности армии и

самому ее существованию. Отсюда вся огромная важность вопроса для всякой молодой армии, а в особенности для армии пролетариата, которая в силу своей сущности не может просто перенять готовых образцов, а вынуждена сперва уяснить себе существо своих составных элементов, чтобы, последовательно проводя принципы своей идеологии, претворить их в жизнь в организации, комплектовании и подготовке своих единиц.

Поскольку армия строится по образу и подобию того класса, которому она исторически служит или предназначена служить, постольку она есть олицетворение своего класса и постольку, следовательно, все достоинства и недостатки ее отражаются, как в фокусе, в ее командном составе.

Командный состав армии—это ее стержень, мозг и душа. Без хорошего командного состава нет удовлетворительной армии, и ни один вопрос в армии не может быть решен, ни в мирное, ни в военное время, безотносительно к ее командному составу.

1. Что такое командир в армии?

Роль и значение командира в армии, роль решающая, огромная и ответственная, никем и никогда не оспаривалась. В мировой военной литературе всех времен можно найти все признаки идеального командира. Но были ли хотя в одной армии мира идеальные командиры,—вопрос весьма спорный. Всякая армия всегда стремилась создать себе соответствующих ее сущности и задачам командиров, и поскольку эти задачи в мировой истории в разные времена и у разных народов были совершенно различны, постольку различны были и командиры этих армий. Идеальные для одной армии, они были бы непригодны для другой,—с другими задачами и в иной среде. А иная среда естественно порождала и иные взаимоотношения, вызывавшиеся каждый раз конкретной исторической обстановкой. В дальнейшем изложении нам придется коснуться этой исторической обстановки в разные времена для того, чтобы лучше уяснить себе настоящую (тоже историческую) обстановку, в которой жить и работать приходится нам самим.

Несомненно однако, что если и невозможен универсальный для всех условий один и тот же командир, то все армии во все времена имели командиров со свойственными им всем и, следовательно, типическими для них чертами, вытекающими из самой сущности той роли, которую они призваны играть в армии.

На протяжении тысячелетий, параллельно тому, как усложнялась жизнь человечества, усложнялись и задачи армии, а посему повышался и уровень требований, предъявляемых к ее командному составу. Между командирами—вождями первобытных племен и командирами последней мировой войны—несомненно громадная разница. Но даже углубляясь в седую древность, мы и там находим те же типические черты.

Племя, государство, класс ставят своей армии задачи, которые она призвана разрешить и в разрешении которых заключается весь смысл ее существования вообще. У всякой армии единственными средствами разрешения поставленных ей задач является бой. Поэтому в жизни армии, строго говоря, чередуются только два периода:

1) когда армия готовится к бою (войне) и 2) когда она ведет войну. В тех случаях, когда армии подменяли свои задачи, увлекаясь чем-либо другим, они в результате неизбежно были биты. Роль командиров от высшего до низшего отождествляется с ролью армии и имеет те же признаки по времени: готовиться к бою, вести бой.

Начало подготовки есть организация. Командир организует свою часть, учит, воспитывает ее; он приводит в стройную систему не только материальные факторы, но и сознание подчиненных ему бойцов; тут он начальник, учитель и друг. Но настанет момент боевой жизни, когда результаты подготовки и всех связанных с нею отношений должны сказаться на поле боя. Командир задумывает операцию и для исполнения ее ведет в бой подчиненные ему массы. И здесь он не только начальник, требующий беспрекословного повиновения своей воле, но и товарищ бойца, с которым совместно делит он труды боевой жизни и победную славу, на которую оба они, и к--р, и боец, платят часто одинаково дорогою ценою—ценою собственной жизни.

2. Командир и начальник.

Командный состав современных армий представляет из себя слишком сложный аппарат, соответствующий таковому же самой армии. Отдельные части и звенья его далеко не однородны. Разделение функций в нем совершалось исторически. И сейчас в современных армиях мы наблюдаем в среде командного состава не только горизонтальные, но и вертикальные прослойки, роль и значение которых не во всем одинакова. Разница в ролях „командиров“ (строевых) и „начальников“ (учреждений) должна быть отмечена. В то время как первые связаны с бойцом своей части, так сказать, органически во всей своей жизни, в особенности на поле боя, вторые—только интересами общего дела и связь между ними проявляется почти исключительно только в стенах того учреждения, в котором они служат. В целях анализа мы должны разграничить командный корпус по вертикали на строевой и административный состав. В дальнейшем речь будет идти по преимуществу о первом, т.-е. строевом комсоставе.

3. Командир направляющий и командир ведущий в бой.

Строевой командный состав может быть подразделен по своим преимущественным функциям на две категории: командиров, направляющих в бой, и командиров, непосредственно ведущих в бой.

Такое разделение не может быть проведено строго по горизонтальной плоскости, но все же мы должны отметить, что первые функции (направления в бой) свойственны преимущественно высшему командному составу, вторые (непосредственного ведения в бой) низшему. Однако функциями первого по отношению ко второму обладает всякий вышестоящий по отношению к нижестоящему.

Но все они сверху до низу обладают одними и теми же качествами, ибо первые сыграли уже роль вторых в своем прошлом, вторые готовятся к роли первых в будущем и, следовательно, хотя бы в зародыше должны обладать свойствами первых.

Но разные функции в связи с неодинаковой величиной возложенных на каждого обязанностей, требуют в одно и то же время наличия неодинаковой степени тех или иных качеств. Так, первый по масштабу своей работы и ее последствиям значительно отличается от второго. Его неудачи могут роковым образом сказаться на судьбе не только армии, но и интересов страны в целом; поэтому он должен обладать достаточной долей гражданского мужества, чтобы дерзнуть на смелые и ответственные решения.

Его жизни ничто не угрожает в момент принятия им больших решений, но за последствия крупных неудач и расплата больше, значительнее потери и жертвы страны.

Неудачи второго не так ощутительны для армии; его личное мужество и любовь к нему подчиненных являются залогом успеха и достаточной гарантией от чрезмерных жертв.

4. Качества командира.

Физическое здоровье и выносливость необходимы командиру не менее, чем бойцу. „В здоровом теле здоровый дух“, говорили римляне; и командир, несомненно, должен обладать не только нормально здоровым, но надо прямо сказать—мощным духом, чтобы не только подчиняться и выполнять приказания, как боец, но и самому, учитывая обстановку, принимать решения вне зависимости от впечатлений боя, которых часто не выдерживают нервы среднего человека.

При всякой обстановке он должен быть спокоен, никогда не забывая, что его состояние инстинктивно воспринимается массой бойцов. Но командиру не достаточно одного самообладания; это, так сказать, пассивное качество.

Кроме способности на смелые решения, наличия твердого характера и железной воли, ему необходимо уменье внушать свою волю и свои решения массам путем приказания, повеления, команды.

Чтобы вести массы на поле смерти, притом не колеблясь, своей волей преодолеть в них инстинкт самосохранения, заставить жертвовать жизнью за не всегда сознаваемые ими цели и интересы, необходимы самые разносторонние таланты и качества: мужество, характер, воля и высокий нравственный авторитет. Мы не говорим уже о личном сознании долга, чести, самопожертвовании и презрении к опасности.

Командир, сумевший перелить в подчиненных свою веру в победу, развить в них чувства товарищества, взаимной выручки и любви,— способен творить великие дела, и военная история дает нам в этом отношении богатые и поучительные примеры.

Сложная обстановка войны требует от к—ра богатой эрудиции— почти энциклопедических познаний во всех областях военного дела и жизни.

Широко развитый, ясный, проницательный ум необходим к—ру не только для того, чтобы самому быстро разбираться в любой, как в калейдоскопе меняющейся обстановке боя и принимать соответствующие решения, но также и для того, чтобы не менее быстро схватывать сущность намерений своего старшего н-ка и уметь передать их своим подчиненным в ясной и понятной форме.

5. Командир случайный и командир, прошедший всю лестницу командных ступеней.

В армиях, развивавшихся органически, командный состав всегда подготовлялся исподволь; элемент случайный в них совершенно отсутствовал. Иначе обстояло дело в эпохи религиозных, национальных и социальных движений. Тут нам часто приходится наблюдать элементы случайности. Общественные движения, широко и глубоко захватывавшие сознание народных масс, выдвигали на командные посты людей случайных, т.-е. сплошь и рядом не прошедших всех ступеней командной лестницы, выдвижение коих было часто почти молниеносным; столь же быстрым был нередко и их закат. Нам придется коснуться еще раз этого вопроса при рассмотрении комсостава Кр. армии; здесь же необходимо упомянуть, что такие командиры, благодаря своим безусловным личным способностям и талантам, оказывали значительное влияние на современные им войны. Недостаток систематических знаний восполнялся у них личными достоинствами ума и таланта; как постоянный их признак—энергия, воля, уменье владеть массами (которые их и выдвинули), часто глубокое чувство гражданского долга, иногда непомерное честолюбие—качества, имеющие большую двигательную силу. Но несомненным их преимуществом было отсутствие рутины: они часто, по крайней мере наиболее способные, были и новаторами в области военного искусства (Юл. Цезарь, Вашингтон).

6. Откошение командира к бойцам.

Армия сильна, когда сильны и соответствуют своему назначению составные ее части: командный состав и массы. Но сущность ее силы заключается, по нашему мнению, отнюдь не в арифметической сумме этих двух слагаемых. Гораздо важнее правильная постановка взаимоотношений между ними; точнее говоря, характер отношений командного состава к массе бойцов и определяет собою качества армии в

целом, ее мощь и победы. К исторически-последовательному рассмотрению этого вопроса мы и должны теперь перейти.

Не углубляясь в далекое прошлое, мы должны предварительно разграничить армии по двум существенным в данном отношении признакам: 1) на армии кастовые и 2) армии народные, демократические. Первые являлись преимущественно принадлежностью монархий, вторые—республик.

Первые складывались постепенно, вырастали органически и часто в результате победоносных внешних войн; вторые — в эпохи социальных движений народных масс, вносивших в армию и запечатлевавших в ней сущность своих социальных отношений.

Гражданское равенство древних греческих республик переносилось в их армию и тем самым поднимало общий уровень массы бойцов. Во времена тяжелых военных испытаний происходил естественный отбор командного состава из массы бойцов: выделялись наиболее способные к военному делу. Но демократический характер отношений не претил служить в качестве бойцов даже таким гражданам, как Сократ. Культ героического духа в этих армиях—превыше всего.

С другой стороны, все армии восточных деспотий, с их кастовым командным составом во главе и облепившими его подневольными элементами наемников и рабов, были сильны только силой инерции своей массы, а при серьезных испытаниях часто рассыпались как карточные домики.

Сила римских легионов заключалась в их сознании своих интересов и вытекающего из них гражданского долга.

Человек всегда силен именно своими человеческими качествами, отличающими его и от машин, и от животных.

В феодальный период истории мы видим на поле боя рыцарей, дворянство и обслуживающих их крепостных. Тут есть бойцы, но нет армии в собственном смысле. Почетное право сражаться и красиво умирать на поле чести не признается вначале за „подлым сословием“. С введением огнестрельного оружия выросли наемные армии с кастовым командным составом из бывших рыцарей. Отношения остались прежние.

У нас в России тот же период являет собою несколько иную картину. Княжеские дружины удельно-вечевого периода носят в себе дух боевого товарищества. Позднейшие боярские ополчения напоминают более характер феодальных отношений.

Эпоха Петра представляет резкий и крутой поворот в отношениях внутри армии. Первый командный состав его армии, вышедший из рядов мелкого дворянства, мало в чем отличавшегося от широких народных масс, личный пример самого гениального организатора, его постоянные усилия к созданию прочных и правильных отношений боевого товарищества, необходимость для комсостава прохождения службы с рядов, заботы об образовании и развитии подняли армию на небывалую высоту. Петровская школа дала нам Румянцева и Суво-

рова́, но последующая эпоха, включая и Екатерину, превратила хорошие начинания в пустую формальность, а Павел I приказал проститься со всеми иллюзиями, введя прусскую казарму и палку капрала.

Эта палка капрала приобрела уже к тому времени права гражданства почти во всех европейских казармах и стала символом отношений между командным составом и солдатской массой и тень ее витала в казарме до последней империалистической войны.

7. Командиры революционных периодов.

Мы живем и действуем в революционную эпоху, в эпоху небывалого подъема сознания масс. В такие эпохи массы в высшей степени активны. И от уменья руководителей и организаторов, их сознанья и действий зависит часто ход истории. Последняя дает нам достаточно наглядных уроков; постараемся их использовать.

Европа знала очень много народных движений, которые под религиозными лозунгами стремились осуществить свои социальные идеалы. Наиболее ярким примером в рассматриваемом нами отношении являются в общем гуситском движении XV века табориты.

Несколько тысяч мелких ремесленников и крестьян организуются в религиозно-коммунистическую общину в г. Таборе (в Чехии), из своей среды выдвигают организованную вооруженную силу и своих прославившихся вождей (Иван Жижка и пр.) и в течение полутора десятка лет не только обороняются от нападений враждебного им окружающего феодально-монархического строя, но и сами переходят в наступление, многократно разбивают соединенные войска ополчившихся против них феодалов и наводят страх на всю Центральную Европу. Их число пополнялось, и армия возрастала временами до нескольких десятков тысяч. Табориты погибли на поле брани только тогда, когда общие социальные условия того времени вызвали внутреннее разложение их христианско-коммунистической общины.

Еще более разительный пример являют запорожцы. Прикрываясь простором диких полей и днепровских плавней, однородная по своему составу крестьянская масса, объявившая войну и крепостному праву польского государства, и хищническим тенденциям воинственного ислама, в течение почти трехсот лет ведет активную борьбу против двух враждебных ей миров: польского и татаро-турецкого, а впоследствии и русского. Рыцарский дух боевого товарищества, соединенный со своеобразным интернационализмом вовне и демократизмом внутреннего устройства и управления, поднимает на значительную высоту военное искусство запорожцев. Молодые польские шляхтичи, мечтающие о военной славе, считают своим долгом побывать на Сечи, чтобы поучиться там военному искусству запорожцев.

Атаман у них первый среди равных; в обстановке мирной жизни он пользуется уважением, как и всякий заслуженный казак

Но как только произнесено слово „война“, он—неограниченный повелитель. И эта полудикая, полупьяная орда наиболее ревниво хранила и воспитывала в своей среде культ воинских доблестей и рыцарской чести и совершенно не знала ни трусости, ни дезертирства, столь свойственных так - называемым регулярным муштрованным армиям вплоть до наших дней.

Прекрасный облик типичного атамана сохранила нам не только казацкая дума - песня, но и история, в лице Сагайдачного, с его знаменитыми сухопутными и морскими походами, освобождавшего не раз тысячи невольников и на малоазиатских и крымских невольничьих рынках.

Народные массы, из среды которых в такие эпохи выдвигаются Сагайдачные, Ермаки, Разины, Пугачевы, отражающие в себе все достоинства и недостатки масс своего времени, нуждаются только в развитии своих природных человеческих дарований и в правильном использовании динамической силы и движения. Беда бывала только тогда, когда во главе их становились люди, которые, кроме личного честолюбия, этого весьма легкого багажа, за душой ничего не имели. Таковы Разин, Пугачев. К ним, несмотря на свои чисто - военные достоинства, относится и Наполеон.

Конвент создал ему армию из широких народных масс, с высоким революционным сознанием и порывом, с молодым, но способным командным составом, он же, приклеив только к ней ярлык „национальная“, на штыках своих солдат поднявшись на ступени трона, приказал бить отбой по всей революционной линии. Промаршировав потом несколько раз по Европе, он добился только того, что народные массы возненавидели самые слова „Франция и революция“, а в собственной стране стало больше дезертиров, чем солдат в его армии.

8. Командиры армии мировой войны. Отношения в старой русской армии.

Подходя к эпохе последней империалистической войны, мы не видим в ней в исследуемом отношении ничего замечательного. Массовая фабрикация командного состава во время войны из той же „толпы миролюбивых мещан“, как и другие пополнения, не внесли ничего нового, поскольку эта масса командиров сама была только орудием в руках старого порядка отношений. Создавшееся таким образом положение, не изменившись радикально, уменьшило только плюсы прежних армий, с их кадровым командным составом, и понизило их общую боеспособность. Что же касается военных отношений в европейских армиях, то они общеизвестны. И нам незачем заниматься кропотливой работой по выискиванию мелочной разницы между прусской или русской, румынской или французской системой отношений. Между прусской казармой и французским иностранным легионом отнюдь нет качественной разницы. Между румынским офи-

цером, считавшим признаком дурного тона разговаривать с солдатами, и русским офицером, предпочитавшим бить по морде, а не отдавать под суд, что создавало в солдатской массе мнение о нем, как о добром командире,—все это, так сказать, Геркулесовы столпы старой системы, надо думать, навеки похороненной еще империалистической войной. Нам незачем вздыхать об этом покойнике, скверное воспоминание о котором начинает постепенно изглаживаться из памяти народных масс: сама история руками русского пролетариата в Октябрьскую революцию вогнала ему в гроб осиновый кол, а на расчищенном от обломков месте строит светлое здание казармы - школы для новой Красной армии, которая. если и умрет, то, мы уверены, только героической смертью.

Но прежде чем перейти к вопросу о Красной армии, необходимо остановиться на отношениях в старой русской армии до октябрьского периода. Мировая война, начатая царским правительством в момент, когда назревали уже новые условия, настойчиво требовавшие полной реорганизации существовавших до того отношений и в обществе, и в армии,—придавила на время рост разлагающего влияния социальных конфликтов на внутренний дух и отношения в армии. Со дня объявления мобилизации прекращается забастовочная волна; все молодое и жизнеспособное уходит в ряды армии, уходит на войну. Близорукое правительство торжествует победу над своим народом. История показала, однако, что это торжество оказалось преждевременным.

Мы не станем заниматься схоластическими измышлениями, что было бы, если бы царская армия не была разбита на внешних фронтах. Не станем и оплакивать ее гибели; приговор истории не нуждается ни в одобрении ни в порицании. Мы обязаны только понять прошедшее и сделать соответствующие выводы. Нам кажется, что поражения армии ускорили только тот внутренний процесс, который и без того развивался бы неотвратимо, поскольку массы, собранные воедино в армии, получили возможность наблюдать, как в фокусе, все оттенки социальных настроений старого порядка, перенесенных на фронт изнутри страны. С точки зрения массы картина была примерно следующая.

Старый командир, кадровый офицер, иногда и очень добрый человек, но строгий начальник, требующий и здесь, на фронте, исполнения тех же атрибутов воинской чести, человек, часто сознающий необходимость более близкого подхода к массе, но совершенно чуждый ей по своей идеологии, не могущий сломать ледяную корку чисто поверхностных отношений, сменяется с весны 15-го года прапорщиком. И масса сразу учитывает разницу между ними.

Новый командир пришел вместе с нею „с воли". Он лучше понимает ее, ибо ближе знаком с ее нуждами там „на воле" и отлично понимает ее нежелание воевать.

Казалось бы что вместе с новым командиром в армии явятся и новые отношения, которые крепче спаяют ее воедино, укрепят ее дух

и боевую мощь. Но нет. Война для массы бессмысленна. И новый командир не способен пересоздать существующих отношений; его собственная идеология слишком расплывчата; он в массе своей аморфен.

Получивши раз, другой подтяжку от командира полка за нетребовательность к подчиненным в отношении службы и отдания чести, он иногда подтягивается, начинает равняться по общему офицерскому фронту, иногда просто тянет надоедливую лямку.

Отрицательный пример прапорщика возбуждает глухую вражду по отношению к старому кадровому офицеру. Наиболее строгих и требовательных из них начинают кое-где на фронте постреливать собственные солдаты, иным отказывают в повиновении. Состояние общего напряжения в стране передается в армию; брожение усиливается. С падением царизма начинается разложение.

Гучков и Керенский своими декларациями и приказами только констатировали уже совершившийся неприятный для них факт, и толкование, что они своими действиями вольно и невольно разложили армию, представляется нам немного субъективным. Отдельные части, правда, еще сохранились, но армия в целом стала уже тогда распадаться на свои составные элементы. Выступление Корнилова ускорило этот процесс. Но еще до того крестьянство потянулось в деревню делить землю; началось массовое дезертирство из армии. Масса устала от бессмысленной войны и ее нельзя уже было уговорить, заставить воевать против ее желания и раз сознанных интересов.

9. Обстановка, при которой появился красный командир. Разные типы их.

В результате общего революционнаго движения и в тылу и на фронте власть перешла в руки советов. Новому правительству тоже нужна армия для защиты интересов своего класса, для закрепления добытых завоеваний революции.

Совершив посильную работу по разрушению старой армии, коммунисты должны были начинать строить новую,—из тех же элементов, но по новым принципам и в новых сочетаниях. Расшатанный организм старой армии мог только голосовать за мир, но оказался непригодным сражаться против вторжения враждебных сил. Армия расползалась; нужно было не только декретировать ее демобилизацию, но и ускорить этот болезненный процесс, чтобы на очистившемся месте начать строить новую армию, создания которой повелительно требовала начавшая вырисовываться обстановка предстоящей гражданской войны.

В начале правительство советов имело, пожалуй, достаточное количество бойцов в разрозненных рабочих отрядах красной гвардии, возникавших по всей стране, как грибы после дождя, но оно совершенно не имело скрепляющего эту массу воедино аппарата—своего пролетарского комсостава.

В стихийном росте частей и отрядов на многочисленных фронтах революционная масса начинает сама себе искать командиров в своей среде и вводить выборное начало.

Правительство мобилизует офицеров старой армии; многие из них идут добровольно в новую армию.

Но масса инстинктивно не доверяет им; в ней не изжиты еще былые предубеждения; она ставит им в вину старые отношения, которых она не забыла.

Потребовался институт комиссаров. Раздвоение власти вызывает вначале много трений; часто помогает; иногда парализует работу.

Но в общей жестокой борьбе люди сживаются быстрее; шероховатости сглаживаются.

Все принимает постепенно вид, как будто так и нужно, и как необходимое, входит в сознание масс. Гражданская война продолжалась. Контр-революционные отряды из элементов, враждебных новому порядку вещей, концентрируются по окраинам республики.

Крестьянство этих окраин, вкусив от „древа познания добра и зла", т.-е. прикоснувшись к помещичьей земле, с приходом этих отрядов начинает жестоко платиться за свои прадедовские иллюзии, что „земля—наша".

Уходя в леса, оно организует партизанские отряды и ведет войну с белыми под теми же лозунгами, что и Красная армия. Эти отряды часто потом со своими командирами вливаются в регулярные части.

Корпус красных командиров обогащается еще одной разновидностью к-ров—партизан.

Гражданская война ведется на уничтожение; она глубоко захватывает интересы и психологию масс. Старая армия научила их обращаться с оружием; оно используется теперь для защиты своих интересов.

Все наиболее активное в массах всплывает на поверхность революционной волны в качестве организаторов или командиров отрядов.

Им недостает технических познаний; но наиболее талантливые из них при общем моральном подъеме избытком воли и энергией восполняют эти недостатки. Живой горячий опыт в борьбе с беспощадным врагом, где за каждую ошибку приходится расплачиваться кровью, ускоряет процесс самообучения. Масса контролирует своих командиров, она льнет к более талантливым, в знании и опытности которых она уверена.

Менее способные часто гибнут, иногда отбрасываются массой, иногда, сознавая свою непригодность, сами уходят в сторону. Происходит естественный отбор, который беспрерывно продолжается, ибо борьба все усложняется и повышаются требования к командиру. Все случайное постепенно отпадает от армии; остаются только призванные и признанные вожди. Так в процессе беспрерывной борьбы создавался новый тип командира. Но процесс этот длителен и часто

болезненен. Старое офицерство, начавшее проникать во все поры молодого организма новой армии, постепенно сживается с новыми условиями, приспособляя свою психологию к общему ходу вещей. В массе оно служит честно, если не революции, которую не всегда понимает, то „народу" и „России". Но случаи измены и перебежек на сторону противника не прекращаются. Этот процесс перелетов был, правда, взаимным.

С одной стороны, это вело к очищению армии от неустойчивых элементов комсостава, а с другой, он также постоянно пополняется теми элементами противной стороны, кто случайно в начале революции очутился в другом лагере или же начал самоопределяться потом.

С течением времени, когда яснее и рельефнее вырисовывается политика новой власти, колебания уменьшаются и в партизанской среде. Командиры-партизаны приходят постепенно к сознанию необходимости организованной борьбы в рядах пролетариата. Наиболее сознательные и развитые из них, преодолев местнические и национальные предрассудки, вступают в ряды руководящей коммунистической партии; безъидейное же своеволие иногда механически устраняется рукой власти, иногда само уходит из армии, вырождаясь в бандитизм. В армии остаются наиболее способные, идейные, честные и стойкие элементы.

10. Командиры по призванию.

Так выкристаллизовывался новый командный состав. По своему образованию, развитию, военно-технической и политической подготовке он далеко не однороден.

Мы коснемся сперва наиболее ценной группы: командиров по призванию. Отчасти это люди старой школы, быстро освоившиеся и сроднившиеся с новой средой, отчасти самородки, недостаточные теоретические познания которых быстро пополнились избытком способностей и энергии.

В начале они с предубеждением относятся друг к другу, но в ходе общей работы скоро изучают друг друга, постигают и усваивают лучшие элементы своих качеств. Они быстро поднимаются по ступеням командной лестницы, ибо они природные и признанные вожди массы и в этом их главное для революции достоинство. Знание психологии массы, умение повелевать ею, идеологическая устойчивость, плюс чисто военные таланты и качества быстро создали им популярность в армии; история целых частей и соединений связывается с их именами. Для них оказывается широкое поле деятельности. Многие из них становятся не только военными, но и политическими вождями армии. Победы и слава Красной армии связаны неразрывно с их именами и деятельностью.

11. Командиры из народных масс; партийные и беспартийные.

Это первая, так сказать, направляющая и руководящая группа. За нею следует основной цемент армии—низы командного состава, вышедшие почти поголовно из тех же пролетарских и полупролетарских масс. Иные из них получили основную военную подготовку еще в рядах старой армии, другие прошли через многочисленные красные командные курсы. Несмотря на слабую общую и военную подготовку, они в общем выполнили свое назначение в эпоху гражданской войны. Знание массы, уменье расположить ее в свою пользу, вести за собою при всех невзгодах; самоотвержение, импонирующая массе храбрость и заражающий личный пример—вот их характерные черты в гражданскую войну. Среди партийной части этой группы выделились хорошие воспитатели сознания красноармейца в нужном направлении всякий раз, когда того требовала обстановка. (Их роль была особенно велика в полурегулярных, полупартизанских частях с малоустойчивым крестьянским элементом, в особенности на Украине, где столь много было всяких влияний национально-кулацкого характера).

Недостатки общего образования и специально военных познаний этой группы должны быть устранены в настоящее время. Это очередная боевая работа, без выполнения которой не может правильно развиваться наша армия; и Республика не может скупиться для этой цели ни на какие средства.

12. „Специалисты“.

Нам необходимо коснуться еще одной группы, которая сыграла громадную роль в строительстве армии в прошлом и не утратила своего значения и для настоящего. Мы говорим о так-называемых „специалистах“.

В массе это люди, значительно превышающие по общему образованию и военной подготовке средний уровень нашего командного состава. Эти несомненные достоинства и определили их положение и роль в строительстве Красной армии. Но их миросозерцание, чуждое и враждебное вначале новому порядку вещей, сперва очень туго поддавалось новым веяниям.

Вначале многие из них являлись в армию с чувством человека, идущего на плаху, потом постепенно освоились в новой обстановке и мало-помалу принялись за полезную работу. Иные же почти сразу взяли на себя роли, соответствующие их знаниям и способностям, и приняли активное участие в развившейся борьбе.

Еще рано относить их к истории.

При всех неблагоприятных условиях,—и субъективных и объективных—они все-таки не ушли от жизни, отнюдь не стали „бывшими людьми“, как часто приходится слышать от них же самих, и об этом

свидетельствует не только та громадная работа, которую они проделали и делают до сих пор в области строительства армии и создания и упорядочения ее аппарата сверху до низу, но и та колоссальная работа, которая проделывается ими в стенах наших военно-учебных заведений, а также в виде трудов военно-научной мысли отражается на страницах современной военной печати. И эта роль их не может быть ни оспариваема ни преувеличена. Пусть они служат только России, а не Социальной Революции. В данный момент это одно и то же, и будущий историк нашей армии и за это помянет их добрым словом.

13. Красный командир при милиционной системе и регулярной армии.

В нашей военной литературе шел длительный спор о преимуществах двух систем армии: регулярной и милиционной. Подробности этого спора не относятся к нашей теме. Нам только кажется, что он не может и не должен решаться отвлеченно-теоретически.

В ходе современной истории для данного момента он решен уже западно-европейской буржуазией, к которой нам следует внимательно приглядываться. Современная военная техника, все возрастающая сложность военного дела, классовые принципы комплектования армии, общая напряженность международных отношений—все это условия, настойчиво требующие содержания постоянной высококвалифицированной армии, с соответствующим командным составом и в полной боевой готовности. О „мире всего мира“ что-то никто не говорит в Европе, а посему и у нас малообоснованным экспериментам и кустарничеству не должно быть места. По нашему крайнему разумению, милиционная система, как практика жизни, станет возможной и допустимой только тогда, когда вообще не нужны будут армии, т.-е. когда исторически они отойдут в область преданий, но тогда не нужна будет и сама милиционная система, по крайней мере в том виде, как она понимается теперь.

Соответствующие же высококвалифицированные кадры командного состава должна иметь всякая регулярная армия, в предвидении печальной необходимости развернуться в массовую. Опыт мировой войны весьма поучителен в этом отношении, выводы из него напрашиваются сами собой.

14. Отношение к-ра к красноармейцу. Характер дисциплины.

В первой части мы уже упоминали о том, что, по нашему мнению, сила армии заключается не в арифметической сумме ее слагаемых—командного состава и массы бойцов, а в правильной постановке отношений между ними; отмечали также, что победы нашей армии объясняются тоже не превосходством нашей техники над техникой противников.

Что же является причиной наших побед?. Привычное к шаблону мышление отвечает сразу и без запинки: если не техника, то, значит, „дух“. И успокаивается на этом, забывая, что при таком отношении к этому самому „духу“ от него слишком уж отдает схоластикой, что он так же неуловим, как суворовская фортуна. А между тем, всякий знает, что дух войск—громадная двигательная сила. что им на 3/4 определяются победы.

Привычка к метафизическому объяснению особенно вредна в армии, где все элементы подлежат точному учету и анализу и должны пройти стадию предварительной организации. Без этого не может быть победы.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что дух войск, как мы уже пытались доказать на примерах истории, складывается из двух существенных и неотъемлемых элементов: 1) сознательного и сочувственного отношения масс к тем целям, за достижение которых они должны платить своей кровью и 2) соответствующих отношений между вождями и массами. Наличием этих двух элементов нашей армии и определились ее победы. Это одна сторона вопроса. Необходимо коснуться и другой, не менее важной стороны.

Всякая армия должна бить противника своими сильными сторонами—теми качествами, в которых она чувствует над ним свое преимущество. Сущность военного искусства и заключается в умении полководца организовать и развить до возможного максимума свои плюсы и использовать минусы противника в бою. У нас же, при нашей пестроте и общего образования, и военно-политической подготовки, не установилось еще единого, логически-последовательного взгляда на наши достоинства и недостатки.

Мы считаем нелишним остановиться подробнее на этом вопросе.

В чем сила Советской власти? В сознании широкими массами, пополняющими в том числе и нашу армию, что эта власть есть защитница их собственных интересов. Правительство, партия, вожди добиваются поголовной грамотности масс, поднятия их до того культурного уровня, когда каждый рабочий, крестьянин, красноармеец будет ясно сознавать, что сила власти—его сила, достижения культуры—его достижения, победы армии—его победы.

Таким образом, каждая вновь достигнутая ступенька в культуре и политическом развитии является новым фактором нашей силы, а следовательно и слабости наших врагов, ибо мы прекрасно знаем, что то, что нам здорово, то им смерть.

Эта общая линия направления политики страны должна быть последовательно продолжена и в армии. Малейшие колебания и непоследовательность будут только ослаблять нашу силу.

В полном согласовании с этой общей линией должны решаться и все военно-технические вопросы,—вопросы тактики строя боевых порядков, обучения и проч.

Лучшим красноармейцем у нас должен считаться не тот солдат,

который считался таковым в старой армии при господствовавших тогда социальных условиях и политических отношениях. Лучший красноармеец—это наиболее развитой, сознательный, критически мыслящий.

Мы не усмотрим нарушения основ в том, если такой красноармеец даже раскритикует своего командира за недостаточность его познаний; чем больше будет у нас таких красноармейцев, тем сильнее станет наша армия; до их уровня мы обязаны поднимать остальную массу.

Такой красноармеец, если он будет иметь достаточную военную выучку, как сумму специальных познаний и необходимое количество военно-технических навыков, будет несомненно и лучшим бойцом.

В эту сторону нас толкает не только логика нашего общего развития, но, к счастью, даже требования современной техники.

В то время, как французы вводят в свои уставы индивидуальный огонь стрелков, тактику мелких единиц—огневых звеньев, мы по-прежнему жуем старую мочалку о нашей некультурности, перепеваем устаревшие мотивы о необходимости муштры, как спасительной панацеи от некультурности, и как противоядие против более мощной техники наших врагов (был и такой взгляд). Иногда же, должно быть в насмешку над собой, пишем статьи и проводим дискуссии на тему, что лучше: индивидуальный или коллективный огонь Мы уже как будто забыли, что в старой армии в понятие „штурм" вкладывали иное содержание, которое не можем вкладывать мы, что в этом содержании было более политических мотивов, чем военно-технической необходимости; что там тоже отдавали предпочтение индивидуальному огню стрелка, несмотря на меньшее количество пулеметов в части; что муштра имела там главным назначением внедрять дисциплину и слепое повиновение. Мы же строим дисциплину на других основаниях и в муштре для этой цели не нуждаемся. Наша дисциплина—это сознание красноармейцем необходимости повиновения к-ру, как руководителю боя и старшему товарищу. В бою, на службе—один из них командир, другой подчиненный; вне боя, вне службы они равны, они товарищи. Таковы принципы, и от них не может быть отклонения. Социальные отношения в стране не могут быть без ущерба для духа войск нарушены и в армии.

Дисциплина в ней должна строиться на двух факторах: 1) морального порядка—авторитет командира, как опытного, знающего и безусловно честного начальника и товарища, 2) военно-технического, понимаемого как характер чисто служебных отношений.

15. Красный командир как учитель, политнаставник и друг.

Времена командиров, до собственного одурения муштровавших и до идиотизма замуштровывавших, с целью добиться гипнотизирующего влияния на массы, чтобы в таком состоянии вести эти массы в бой,—прошли безвозвратно.

Красный командир должен добиваться этого влияния иными путями и другими средствами. Ему необходимо добиваться овладеть не только умом, но и сердцем масс. Для этой цели он должен выступать перед ними, сродниться с ними, как учитель, наставник и друг. И тогда при всех невзгодах они признают в нем и своего вождя. Тяжелы и ответственны эти обязанности, но зато и благодарны. Здесь никакие усилия не могут пропасть даром; всякий луч света, который мы вносим в темную массу, отражается на нас же благодарным блеском. Красный командир должен помнить об этом. Он обязан стремиться к тому, чтобы стать и политическим наставником своих бойцов. Всякое раздвоение в этом деле вредно только для него самого. Он не может отговариваться ни неумением, ни недостатком времени. Собственные недочеты в этом отношении должны быть устранены прежде всего.

В период первых гражданских войн ему помогали комиссары. Он помнит много случаев, когда голодная и раздетая масса отказывалась повиноваться, не будучи больше в состоянии напречь сверхчеловеческие усилия. В таких случаях на помощь являлся „товарищ военком". Роль военкома он должен теперь стремиться взять на себя.

Война—не идиллия. Но необходимость подчас самой суровой дисциплины не должна нарушать общий дух боевого товарищества. Слова ген. Драгомирова: „смотрите на солдата, как на низшую ступень великого военного товарищества"—теперь могут и должны быть осуществлены. Когда настанет момент необходимости потребовать от бойцов чрезмерного напряжения, тогда не поможет никакая иная дисциплина, кроме основанной на спайке, чувстве товарищества и взаимной выручке. Хотя устав и не разрешает требовать сверхчеловеческих усилий, но сама война в целом и во всех ее видах неизбежно требует этого. И только такая дисциплина может гарантировать нас в такие моменты от поражений.

16. Отличие красного командира от других.

Выводы и заключение.

Мы пытались произвести исторический анализ отношений командного состава к массе бойцов в различных армиях с древнейших времен и до наших дней включительно, с целью показать, что дух армии, коим определяются победы, в значительной степени зависит от так или иначе сложившихся отношений между командиром и бойцом и что их отношения всецело определяются общими социальными условиями страны.

Дух касты и всяческих социальных перегородок, будучи перенесен в армию, создает духовное разобщение между командиром и бойцом. В данном случае Красная армия представляет исключение.

В то время, как в других армиях, в том числе и в старой русской, социальные перегородки, отделявшие к-ра от бойца, не давали возможности полного взаимного понимания и духовного сближения, и сама дисциплина имела главным своим назначением закрепить незыблемость этих перегородок,—красный к-р строит дисциплину, исходя исключительно из требований, предъявляемых сущностью военного дела, а посему более понятных и не оскорбляющих человеческого достоинства бойца. В этом смысле красный к-р находится в неизмеримо лучших условиях, чем командиры почти во всех прежних и иных современных армиях.

Но, с другой стороны, общие принципы гражданского равенства, перенесенные в армию рабочих и крестьян, в последнем счете предъявляют значительно более высокие требования к командиру. в смысле его личных качеств. Период гражданской войны дал нам в этом отношении много поучительных примеров.

Сознательный гражданин - красноармеец, тем паче, если он коммунист, а такие руководят настроением и симпатиями остальных, требует от своего к-ра, взамен подчинения, несомненного личного нравственного авторитета. В отличие от других армий, где командир по своему положению стоял вне критики своих подчиненных, где, несмотря на статьи дисциплинарного устава о жалобах, фактически сводившихся к фикции, характер дисциплины бронировал командный состав от критики массы,—в армии, которая во главу угла своей силы положила развитие сознательности бойца, предъявляются в этом смысле и более высокие требования к ее командирам.

В других армиях, например, вопросы личной жизни и этики к-ра находятся вне сферы досягаемости и обсуждения бойца. Красный командир должен отдавать себе точный отчет о каждом своем шаге, сообразуясь с тем, как его поступки отразятся в глазах массы на его моральном авторитете.

И мы часто наблюдаем, что лишний фунт хлеба, например, взятый командиром для себя, рождает подрыв его авторитета.

Комъячейка части является тем верховным судилищем, где масса устанавливает степень авторитета своего командира.

Сама по себе дисциплина, если отбросить ее старые придатки, порожденные социальным неравенством,—дисциплина, поскольку она вытекает из самой сущности военного дела, как профессии,—остается прежней. Но поскольку общие законы страны не закрывают для бойца доступа к „маршальскому жезлу“. постольку такой боец смеет гораздо больше по отношению к своему командиру. Ведь, в личной жизни и вне службы он—равный ему гражданин. А последнее обстоятельство подчеркивает для к-ра настойчивую необходимость строить дисциплину части, базируясь в большей мере на своем моральном авторитете, чем на статьях дисциплинарного устава.

Отрицая в корне панибратство, как безусловно вредную крайность, мы считаем нужным подчеркнуть, что такая дисциплина, основанная

на моральном авторитете, более соответствует духу нашей армии и, несомненно, более надежна в бою.

А отсюда ясно, что красный к-р должен предъявлять к самому себе исключительные требования, не только в смысле повышения своих специальных познаний в области военного дела, но, главным образом,—необходимости постоянной самокритики в вопросах личной жизни и своих отношений к бойцам.

Поскольку в понятие „командир“ Красная армия вкладывает содержание не только начальника, но и товарища, не только учителя, но и политического наставника и воспитателя, постольку его нравственный облик и личный пример получают исключительное значение.

В общей цепи элементов, из которых складываются отношения между командиром и бойцом, на первом месте следует поставить необходимость постоянной заботы о последнем.

В этом вопросе никогда не было разногласий. Еще Наполеон I говорил что „путь к сердцу солдата лежит через его желудок“. Положение красного командира среди общей нищеты и разрухи страны, в данном отношении, представляется нам сугубо ответственным.

В буржуазных государствах, несмотря на их показной демократизм, каста командного состава неизбежно сохраняется в армии. Ее положение в обществе определено соответствующими узаконениями и самым укладом жизни с давних времен и потому глубоко проникло в психологию масс.

Буржуазное государство, ясно сознавая значение командного корпуса армии, как орудия для удержания в своих руках власти, всегда стремилось поддержать чистоту кастовых принципов, системой узаконений поднять в обществе авторитет офицера и более или менее обеспечить его соответствующими материальными благами.

В эпоху крепостных отношений для указанной цели служили поместья, наполненные всякими „смердами“, „холопами“, „быдло“, в наши времена понадобился соответствующий классовый отбор по признакам материальной обеспеченности командира. И только создавши и обеспечивши офицеру авторитет в обществе, государство требовало от него слепого повиновения своей воле, воспитывая в нем дух самопожертвования за интересы „отечества“.

Характер отношений к былому немецкому офицеру и в обществе, и в государстве, перенесенный в казарму, в значительной мере укреплял его авторитет и потом уже представлял в его распоряжение массу обреченных питомцев пресловутой прусской казармы, нашумевшей даже в рейхстаге 1913 года.

В обоих вышеуказанных отношениях положение красного командира диаметрально противоположно. Он и недостаточно обеспечен, и не привилегирован. Он только гражданин и не больше.

Посвящая всю свою жизнь военному делу, требующему от него постоянного совершенствования и громадного напряжения всех своих

сил, как мы старались доказать выше,—отчасти вследствие все усложняющихся условий самого военного дела, отчасти вследствие радикальной разницы во внутренних отношениях в армии—в смысле его отношений к бойцу, поставившей перед ним новые задачи и возложившей новые и сложные обязанности,—красный командир, по сравнению с командирами других армий, очутился, несомненно, в худшем положении. Объем прав его весьма сократился, количество обязанностей значительно возросло.

Конечно, какие - либо исключительные узаконения, регламентирующие положение командного состава в стране даже как профессии, явились бы первым шагом на пути к созданию касты.

Но положение нашего комсостава действительно заставляет призадуматься. Он молод, хочет жить и работать и нуждается в пополнении своих знаний.

Но общие условия таковы, что мы и до сих пор продолжаем наблюдать какую-то неустойчивость в его среде, какой-то непрекращающийся и по сие время отбор, особенно остро выявившийся с началом новой экономической политики. Нам кажется, что этот отбор происходит по идейным признакам, что при создавшихся условиях в среде комсостава остаются только наиболее стойкие, идейные и честные элементы, связавшие свою судьбу с судьбою Красной армии.

Но придя к вышеуказанному выводу, мы считаем своим долгом подчеркнуть, что при общей необеспеченности нашего командного состава из армии могут уйти и несомненно полезные в боевом отношении элементы.

Красный командир, обращаясь к Республике Советов, с полным правом мог бы сказать: дайте мне возможность жить и работать в мирное время,—я отдам взамен мою жизнь, когда настанет война.

Слушатель Военно-Академических курсов
высшего комсостава РККА *Зюзь-Яковенко.*

Методы организации восстания, по примеру такового на Екатеринославщине в 1918 году.

В тяжелые дни начала 1918 года, когда на Украину по приглашению Центральной Рады хлынули полчища немцев, а вслед за ними на свои достаточно уже разоренные. насиженные гнезда стали возвращаться помещики, казалось, что реакция восторжествовала. что дело Социальной Революции окончательно проиграно. Части нашей, начинавшей только свое существование, Красной армии беспорядочно откатывались при малейшем на них нажиме. Крестьянство было пассивным зрителем происходящих событий, вследствие непонимания сущности происходившего и обманутое, вдобавок к этому, политикой Центральной Рады. Обыватели в городах устраивали манифестации и крестные ходы, с цветами и хлебом с солью, встречая немцев и служа благодарственные молебны по случаю избавления от „большевистской заразы“. Кое-кто и кое-где начинал вслух уже петь „Боже царя храни“. Но уже в этот момент нашлась группа убежденнейших революционеров, которая решила во что бы то ни стало, оставшись на Украине, организовать восстание и при посредстве такового не дать возможности погасить пламя Социальной Революции. Для такой цели была избрана Екатеринославская губерния с ее уездами: Александровским, Павлоградским, Мариупольским и Ново-Московским. Для того, чтобы стало ясно, почему был избран этот район, нужно остановиться на кратком описании характерных особенностей этого края. Весь этот район, входящий в состав Украины, являлся ее юго-восточным углом и граничил на востоке с добровольческим Доном, на юге с „демократическим“ Крымом, на западе—естественной границей—рекой Днепр, с возможными переправами только в районе г. Екатеринослава и южнее г. Александровска. Вся местность—слегка всхолмленная равнина, изрезанная в разных направлениях массой небольших реченок, густо поросших камышами—„очеретом“, с общим покатом в западном и юго-западном направлении. Изредка, и то вблизи населенных пунктов, встречаются небольшие перелески-рощицы и только в северной части имеются довольно большие леса, всюду удобопроходимые. Весь район густо населен, села замечательны своей величиной и самое малое из них насчитывает не менее одной—двух тысяч жителей. Материальное благосостояние населения следующее: от 50 до 70% земли принад-

лежит помещикам и немцам-колонистам, остальная в недостаточном количестве крестьянству. Вся лучшая земля принадлежит колонистам, эксплоатирующим крестьянство. Благодаря введению отрубного (Столыпинского) хозяйства, крестьянство быстро начинало беднеть, земля—концентрироваться в руках кулаков-хозяйчиков, скупавших ее и затем отдававших за баснословно дорогую цену в аренду тем же крестьянам. Несмотря на малоземельность, население, благодаря естественному плодородию почвы, довольно зажиточно; состав его почти исключительно—украинцы, потомки прежнего запорожского казачества, с сильно развитым духом вольницы, ленивые, но с горячим темпераментом, сильные физически, способные на подвиги и в боевом отношении являющиеся самым желательным элементом, гостеприимные и добродушные, но вместе с тем скрытные и мстительные. Первая русская революция 1905—1906 года прошла бурно в этом краю, здесь прокатилась волна помещичьих погромов; сменившая-же ее затем раекция, ценой колоссальных репрессий лишь наружно потушившая пламя Социальной Революции, заставила крестьянство с вожделением мечтать о том дне, когда оно снова сможет развернуться и уничтожить всю, насильно насаженную ему на шею, клику помещиков и колонистов. 1917 год здесь ознаменовался разгромом помещичьих имений, причем не забыты были, сыгравшие роль предателей в прошлом, кулачки, хозяйчики и немцы-колонисты.

Все паразитическое и эксплоатирующее, к концу 1916 года слетевшее с земли и скрывшееся в городах, с уходом наших красных частей и приходом немцев полезло из своих нор и, принявшись за конструирование новой „законной власти“, исподволь приступило к реставрации своих, покрытых еще не остывшим пеплом, насиженных гнезд. Все наиболее активное, революционное, оставшееся в селах, обманутое лживыми обещаниями Рады и только по этой причине не ушедшее с отходившими нашими частями, начало скрываться, уходя на день в камыши. Рада быстро сменилась гетманом, избранным на съезде помещиков, и гетманщина стала прелюдией к реставрации монархического строя. Все стеснявшееся в период Рады распоясалось с нарождением гетманщины; край наводнился офицерскими отрядами, прибывшими с Дона, помещики и колонисты, сопровождаемые вооруженными отрядами из бывших стражников, жандармов и офицеров, начали прибывать в свои именья. Все это вместе с немцами обрушилось на крестьянство, и село на его шею. Начались массовые аресты и порки; не щадится никто—даже женщины и дети; села облагаются баснословной контрибуцией, в качестве залога берется рабочий скот; мало-мальски причастные к революционному движению вешаются или расстреливаются. Весь активно-революционный элемент окончательно уходит либо в камыши, либо в другие районы, горя ненавистью, мечтая о мести. Уже в начале мая начали наблюдаться случаи налетов на устраивающихся поме-

щиков со стороны групп недовольных; но эти налеты только подливали масла в огонь и каждый оканчивался тем, что немедленно после него в место налета прибывал карательный отряд и все крестьянство близ лежащего села выпарывалось, многие расстреливались, контрибуция увеличивалась. Во всем районе появился целый ряд сформировавшихся на свой риск и страх отрядиков партизан, возглавляемых отчаянными головорезами, не имевшими ничего общего с революцией и с сомнительной, вдобавок к этому, репутацией прошлого. Налеты носят бандитский характер, имения разграбляются, репрессии увеличиваются.

В отряды партизан идет наиболее бесшабашная часть крестьянской молодежи и те, кому нет иного выхода. Широкие массы крестьянства, все сознательно революционное, лучшая его часть, инстинктивно чувствуя, что разрозненными действиями никаких результатов добиться невозможно, чувствуя, что нужно что-то объединяющее, согласующее и направляющее борьбу, относится отрицательно к этим анархическим выпадам и, в то же время, мечтает о создании мощной сплоченной организации, отвечающей политической платформой их наболевшим запросам и требованиям. Массы естественно жаждут объединения, естественно ищут вождя-организатора, смогшего бы направить в правильное русло борьбу против ненавистной власти,—вождя авторитетного и известного для них в то же самое время. Такова была обстановка к моменту начала работы по организации восстания. Весь последовавший затем ход работы можно разделить на два периода: первый—скрытной, подпольной, второй—открытой; период подготовки и скрытной организации сил и период открытого выступления, самого восстания.

С чего должна начинаться работа вообще и с чего она началась?

Прежде всего, устанавливается связь хотя с незначительной группой недовольных какого-либо села, затем при посредстве уже этой последней завязывается связь с недовольными соседних сел. Где-либо в укромном месте (овраг, камыши, старое заброшенное кладбище) устраивается конспиративное собрание, на которое приглашаются представители от целого ряда сел. Здесь объявляется задача организации и избирается временный повстанческий комитет, для работы в котором привлекаются наиболее авторитетные из числа прибывших с мест делегатов. Эта первая работа и есть самая трудная и неблагодарная; здесь необходимо колоссальное напряжение силы воли, терпения и выдержки. Приходится тщательнейше ознакомливаться с характерными особенностями каждого отдельного члена, пожелавшего принять участие в начале организации восстания, особенно опасаться провокации, необходимо вселить в сердца всех пожелавших работать уверенность в конечном ее торжестве, разбить ледок взаимного недоверия и, наконец, заставить начать

активно работать. После организации повстанкома, начинается период усиленной работы по расширению организации, увеличению захваченного ею района.

При посредстве родственных связей и знакомств, в каждом селе начинают организовываться ячейки; представители группы вместе с новыми членами повстанкома кочуют из одного села в другое, проводя в каждом организационную работу, намечая ответственных организаторов, проводя массовки-митинги, следя за подбором людей в ядре организации каждого села, намечая кандидатов для будущих волостных повстанкомов. Все собрания проводятся конспиративно, в большинстве случаев ночью и где-либо на окрайне села—в саду, либо вблизи его в рощице или овраге. По мере расширения района начинают конструироваться волостные повстанкомы, причем место таковых никогда не должно совпадать с местом, где расположен волостной административный центр, так как здесь больше возможностей провала, здесь группируются элементы, сочувствующие существующей власти, сюда чаще прибывают всякие карательные отряды и экспедиции, здесь группируется новосформированная полиция. Волостной повстанком всегда находится в каком-либо захолустном, стоящем вне большой дороги селе, находящемся по возможности не только в центре всей волости, но и вблизи такого места, где удобнее было бы устраивать волостные съезды, периодически для текущей работы собирать отряды. Связь между отдельными ячейками поддерживается цепочкой. Ячейка одного села, зная, что везде—по всему району ведется работа, что все близлежащие села имеют свои организации, между тем состава последних не знает и только одни ответственные руководители одного села знают, кто руководит в другом, другого—кто в третьем и т. д. Каждое ядро ячейки в этот период ведет не только пропагандистскую работу, но и чисто боевую, организационную и разведывательную, широко пропагандируя идею восстания, вовлекая в работу не только активную молодежь, но и вообще всех недовольных, одновременно из числа наиболее боеспособных и годных для этого формирует отряды, добывает вооружение и патроны, выдвигает кандидатов на командные посты из числа наиболее верных и подготовленных к этому, берет на учет все ненадежные элементы села, стремясь предотвратить возможность предательства со стороны последних. В этот момент организации приходится обратить внимание на необходимость создания ячеек по возможности во всех селах намеченного района.

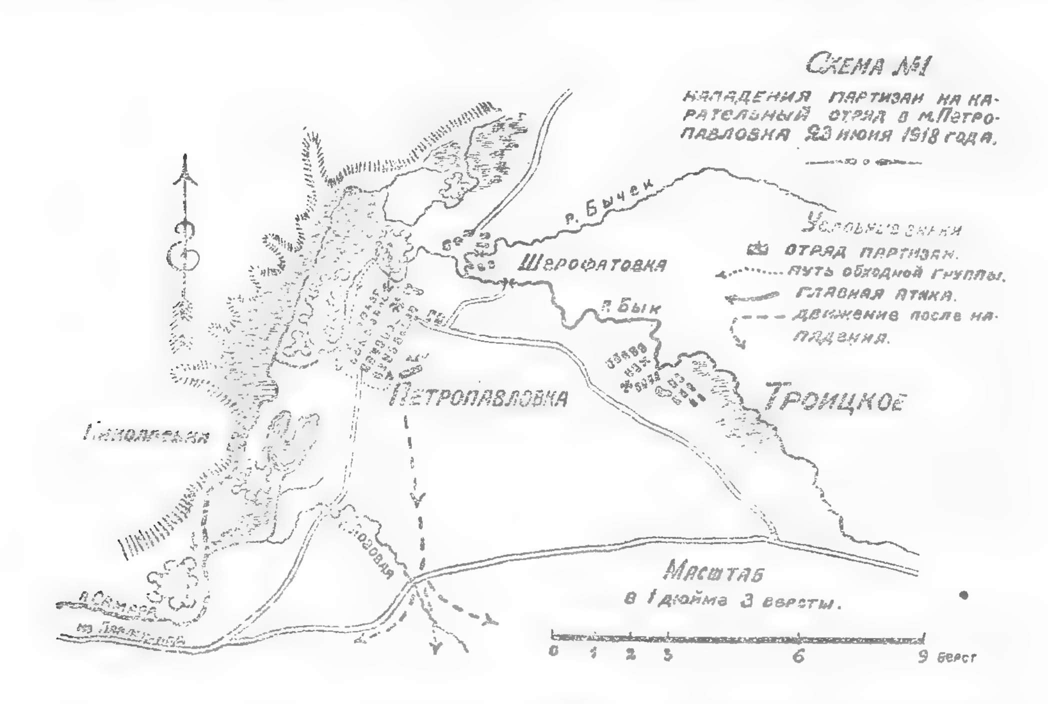
Уже с первого дня начала организации имеет место и чисто боевая работа, которая является средством, с одной стороны, терроризировать ненадежный элемент, с другой—средством борьбы с карательными отрядами и тем самым средством поддержания пламени жажды борьбы и ненависти и, наконец, что самое важное—лучшим средством популяризации идеи восстания и поддержания в массах авторитетности организации и организаторов.

Все боевые отрядики, сформированные сельскими ячейками, объединяются в один волостной; из числа кандидатов самый лучший назначается командиром; отрядики один-два раза собираются при волостном повстанкоме, производится разбивка на взводы и отделения, одно-два пробных учения и отряд, готовый для боевой работы, распускается по своим селам, будучи готовым в то же время по первому требованию собраться в указанном на каждый отдельный случай отдельном месте. Налаживается как между собой, так и с районным повстанкомом, связь и взаимная информация, причем таковые поддерживаются при посредстве конных следующим образом: немедленно по получении в каком-либо селе важного сведения, на лошадь усаживается снабженный донесением мальчишка, который, ближайшими путями без дорог, летит в ближайшее село, где передает записку доверенному лицу, последний немедленно таким же образом передает донесение в следующее село и т. д. Распоряжениями повстанкомов налаживается агентурная разведка, для каковой цели либо во все необходимые пункты высылаются агенты, либо из числа жителей, сочувствующих восстанию, вербуются информаторы. Когда намечается объект для боевых действий, указывается время и место сборного пункта, в каковой собирается весь отряд и направляется для совершения налета, по окончании которого все участники быстро, заметая следы, резбредаются по своим селам, прячут оружие и снова либо продолжают скрываться, либо заниматься мирным трудом. Никогда собранный для налета отряд не производит такового в своем районе, ибо случайный захват раненым партизана в плен (здоровыми никто не сдавался и не брался) влек за собой массовый расстрел крестьян.

Каждый налет должен отличаться внезапностью и производится или с наступлением темноты или на рассвете. Действия начинаются демонстрацией на более неуязвимое место противника и продолжаются затем одновременным нападением извне и изнутри. Стремительность натиска бывает так велика, что бой сразу же начинает носить характер рукопашной схватки и кончается, конечно, поголовным уничтожением объекта нападения—налета. Для большей ясности того, как производятся эти налеты, необходимо указать на бои у местечка Петропавловска и селения Минияричь.

22 июня 1916 года в м. Петропавловка из г. Павлограда (схема № 1) был направлен сводный карательный отряд немцев и офицеров в общей численности около 250—300 человек при шести пулеметах. Время выступления отряда из г., а также задача ему поставленная были известны повстанкому. В м. Петропавловке отряд должен был прибыть к 18 часам с целью взыскания контрибуции в виде хлеба и скота, а затем, переночевав в мест., на другой день отправить далее — в соседнюю Троицкую вол. с такой же целью. М. Петропавловка расположено в 45 верстах юго-восточнее

г. Павлограда на большой трактовой дороге с Украины на Дон. Почти вплотную прилегая к самому местечку с разных сторон, протекает река Бык, образующая здесь плавни, густо поросшие высоким камышем и лесом. Открытая и ровная, как стол, местность с редкими

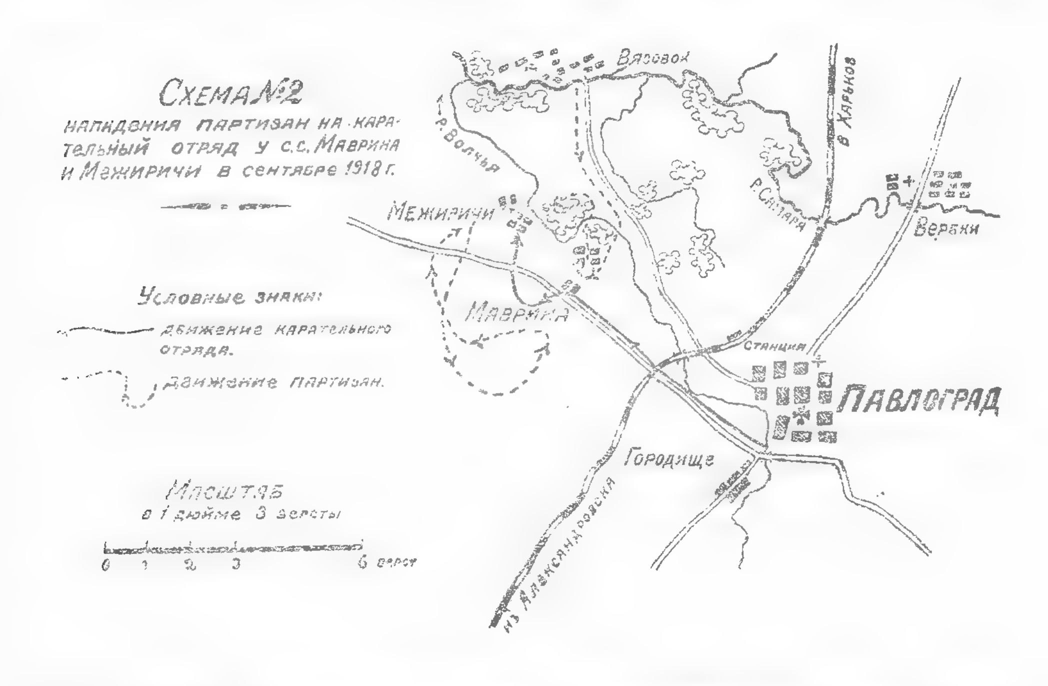

холмиками на ней, бывшими казацкими могилами, прилегает к местечку с юга и востока. Повстанкомом решено было уничтожить карательный отряд по приходе его в м. Петропавловка. Для этой цели время нападения назначено было на рассвете следующего по приходе немцев дня. Еще до прихода карательного отряда в местечко, под видом едущих за углем в Донецкий бассейн крестьян, прибыло около 25—30 боевых партизан с автоматом, ружьями, седлами и гранатами, спрятанными в повозках и разместились по заезжим дворам группами по 4—5 человек. К вечеру в местечко прибыл карательный отряд и расположился в земской школе, стоящей на площади, заняв к ночи караулами и пулеметами все выходы из местечка и особенно сильно, что выходили на восток, так как в этом направлении с наступлением темноты партизанами было зажжено, находящееся в верстах 45, небольшое именьице. Ночью к местечку прибыл собранный отряд партизан числом около 120—130, которые расположились в леске, что у северо-западной окраины местечка.

На рассвете 23 июня, лишь только показалась утренняя зорька, группа партизан 12—15 человек, пробравшихся задворками на юго-восточную окраину местечка, произвели налет на караул, спавший в хатах, захватили пулемет и караул уничтожили, заняв крайние

хаты, произвели обстрел местечка из ручного пулемета и зажгли несколько отдельно стоявших сараев. В местечке началась паника, немцы бросились в восточном направлении на выстрелы, завязалась перестрелка с упорно оборонявшимися, засевшими на юго-восточной окраине за заборами, партизанами. Спустя несколько минут, когда перестрелка начала усиливаться, бывшие в местечке партизаны из автомата и винтовок начали обстреливать метущихся по площади и в ш‹к›оле немцев, со стороны леса с гиком, улюлюканием и стрельбой на ходу ворвались остальные партизаны. Бой, вернее избиение, длилось несколько минут и все, даже сдавшаяся большая группа немцев, были перебиты; и отряд партизан, собрав трофеи, быстро ушел в южном направлении, унося с собой своих убитых и раненых, затем, отойдя 7—8 верст от местечка, рассыпался на малые группы, ушедшие в разных направлениях. Вся операция длилась 2-3 часа. Результаты—весь карательный отряд уничтожен, все оружие, обмундирование и лошади захвачены. Уцелела только незначительная часть спрятавшихся своевременно по чердакам, погребам и сеновалам офицеров—все остальное перебито. Потери партизан: 1 убитый и до 6 раненых—все вывезены.

Другая характерная операция была в районе с. с. Мжиричи—Маврина в 10—14 верстах к северо-западу от того-же города Павлограда. (Схема № 2). В селе Мжиричи были мастерские, где произ-

водился ремонт оружия партизан; в лесу около села были устроены склады оружия и огнеприпасов. Повстанческая организация была одной из самых мощных; протекавшая у самого села, сильно поросшая камышами, река Волчья и вплотную прилегавший большой

лес, делали это село удобным для постоянных сборов отрядов. В середине сентября из города Павлограда, где неизвестно по чьей вине стало известно о Мжирической организации, был выделен офицерский карательный отряд, общей численностью 150—200 человек, которому приказано было, произведя в селе повальные обыски, изъять все оружие, сжечь село и вернуться к вечеру снова в г. Павлоград. Отряд выступил из города в начале 12-го часа, а к 12-ти об этом стало известно в Мжиричи. Собранного отряда не было, карательный же отряд к вечеру нельзя было пустить в село, так как только к этому времени можно было собрать партизан и из села вывезти мастерские. Повстанкомом решено было на линии селения Маврина, что по дороге из г. Павлограда в Мжиричи, задержать возможно дольше офицеров, пустив их в Мжирич только к вечеру, и воспользовавшись тем, что карательный отряд останется ночевать в селе, ночью их уничтожить, для чего собрать в лесу, что северо-западнее, из соседних сел и волостей отряды партизан. Мжиричский отряд численностью до 30—40 партизан получает задачу, обойдя на рысях с западной стороны движущихся в северо-западном направлении офицеров, напасть на таковых с юга при втягивании их в село Маврино и, заставив развернуться и слезть с тачанок, отводить их к юго-западу, не сходясь на близкие дистанции, но не отходя слишком стремительно. Группа конных 10—12 человек с одним автоматом должна была устроить засаду в самом селе Маврине с целью захвата и угона оставленных офицерами по разворачиванию тачанок и подвод в восточном направлении. Прибывший в $12^1/_2$—1 час отрядик в 15—20 человек из села Вязовой был двинут вдоль правого берега реки Волчья с задачей обстреливать с тыла офицеров, развернувшихся против Мжиричского отряда. Маневр удался, офицеры, с песнями ехавшие на тачанках, будучи внезапно обстреляны с тыла при втягивании в село Маврино, сначала смешались, а затем начали вести перестрелку с Мжирическим отрядом, а немного спустя перешли в наступление, бросив свои подводы с запасами патронов. Когда партизаны, устроившие засаду в самом селе, после того как офицеры удалились, увлекшись преследованием, без выстрела захватили подводы и угнали в указанном ранее направлении. Подоспевший на выстрелы к самому разгару боя Вязовский отряд обстрелял офицеров во фланг и в тыл, внес большое замешательство в их ряды. Бой затянулся до 18—19 часов, окончился—когда партизаны, выполнив свои задачи, скрылись с горизонта окружными путями и ушли на свой сборный пункт, что у села Мжиричи. Время было выиграно и к 9 часам в лесу собрался отряд партизан—около 150 человек, ожидая наступления, темноты и прихода в село офицеров, которые не заставили себя долго ждать и к 20 часам начали втягиваться в село со всеми мерами охранения.

Придя в село, карательный отряд расположился в центре его. выставив охранение на окраины; было выделено несколько групп,

которые бросились по хатам, производя обыски и устраивая порку старикам, женщинам и детям, оставшимся в селе. Никто не оказывал сопротивления. Затем начались оргии, а село в это время постепенно наполнялось пробиравшимися в темноте по задворкам партизанами. Часа в 2—3 ночи в село, изрубив пост на окрайне, ворвалась группа конных партизан, которая сейчас же бросилась к дому, где остановился штаб офицерского отряда.

Ударили в набат, кое-где запылали хаты, послышались отдельные выстрелы, в селе началась резня и вылавливание по хатам, сараям, дворам и переулкам обезумевших от неожиданности офицеров. К рассвету все было кончено, ни один человек из карательного отряда не остался живым.

Вот какой характер носят боевые операции этого периода подготовки, организации сил и скрытной ожесточенной борьбы. Постоянного отряда нет, и в случае появления карательного отряда большой мощности, таковой может свободно ходить по всему району и нигде не найдет ни одного вооруженного человека, нигде не встретит сопротивления; но отдельные оторвавшиеся от него группы немедленно уничтожаются, узнать же, кто, из каких сел, в каком числе производит эти налеты, нет никакой возможности, так как выдавать и быть предателем, даже при пытке и порке, никто не станет, ненавидя, с одной стороны, офицерскую власть, с другой—боясь кары со стороны партизан. Материальные же убытки, понесенные в защиту интересов повстанческого движения, оплачивались с избытком. К концу первого периода каждый партизан свободно может искать убежища даже у крупного кулака, завзятого контр-революционера.

Постепенно, с увеличением и ростом повстанческого движения, ячейки расширяются. Когда почва в селе настолько подготовлена, что ядро уже является органом власти в нем, тогда оно начинает выполнять и функции мобилизованного аппарата. Все способное носить оружие крестьянство разбивается на роты первой, второй и третьей очереди, составляются списки, назначается командный состав, причем на роты первой очереди возлагается обязанность явиться в указанный повстанкомом пункт немедленно по объявлении восстания, роты второй очереди должны приступить к несению местной гарнизонной службы, являясь территориальными отрядами самообороны местного назначения, роты третьей очереди—это резерв пополнения для первых двух.

Постепенно с ростом организации начинает шириться район, захваченный ею. Наступает момент, когда напряжение борьбы и недовольство достигает апогея своего развития, когда начинает чувствоваться и даже появляется уверенность в том, что немедленно с объявления восстания все подымается, все пойдет, от мала до велика, на открытую борьбу. Приходит время, когда трудно даже

сдерживать свои партизанские отряды от разрозненных анархических выпадов, когда властью во всем подготовленном к восстанию районе становится повстанком, когда умы всех уже подготовлены и свыклись с мыслью о необходимости объявления восстания и жаждут начала такового. В этот момент, когда начинают официально на сходах в целом ряде сел выноситься постановления о необходимости объявления восстания, — целые волости присылают своих делегатов в районный повстанком с категорическим требованием объявления такового, в этот момент организаторам приходится напрягать колоссальные усилия для того, чтобы восстание не возникло стихийно. Вместе с тем необходимо еще проделать большую работу по окончательной подготовке восстания, а именно: 1) окончательно намечается тот район, который должен будет начать восстание, 2) производится окончательный учет сил своих и противника, 3) существующие отряды сводятся в более крупные соединения— батальоны и полки, 4) отдел агентурной разведки районного повстанкома усиленно работает по собиранию по возможности исчерпывающих сведений о том, какие части противника имеются в соседнем с намеченным к восстанию районе, 5) все села и волости, вошедшие в состав намеченного района, через посредство своих повстанкомов ставятся в известность об этом, 6) объявляется всем селам, какие, куда, в какую очередь и в какой список должны быть высланы роты первой очереди, 7) указывается, в каких волостях роты второй очереди должны быть сведены в более крупные соединения и какие на них возлагаются задания и какое направление и когда они должны будут прикрыть, взорвать железнодорожные сооружения, испортить телеграфные и телефонные линии, 8) намечаются и указываются, в каком наличии, когда, какие и в какую очередь села должны будут привозить продовольствие, фураж и лошадей для обще-районных повстанческих войсковых частей, 9) намечается объект для первых боевых операций и таковым объектом всегда является и должен являться крупный административный центр—уездный город с группирующимися в нем правительственными учреждениями, войсками, штабами, и наконец, 10) назначается день, когда должен быть захвачен административный центр и объявлено восстание, что вседа должно совпадать одно с другим к моменту захвата уездного города, к таковому скрытно стягиваются из всего подготовленного района отряды повстанцев, распределяются каждому задания, назначается час общего нападении, указывается условный сигнал, в город заблаговременно вводится, для одновременного нападения изнутри на штабы группы, отличные партизаны с спрятанными на себе и в повозках оружием.

В момент начала операции и к захвату административного центра, таковой изолируется от всего окружающего мира, телефон и телеграфные провода обрезаются, железнодорожные пути на границах района взрываются против тех пунктов, откуда может придти

помощь атакованному и осажденному городу, выдвигаются заслоны из рот второй очереди и поскольку все обдумано и предусмотрено, учтены все возможности, постольку успех операции заранее обеспечен. Как только занят административный центр, об этом сейчас же ставятся имеющимися под рукой средствами в известность все волостные и, через посредство последних, сельские повстанкомы всего намеченного района и немедленно после этого начинается работа второго периода. Согласно прежних указаний из сел в захваченный город направляются роты первой очереди, в указанные пункты роты второй очереди, из которых немедленно образуется кордон на границах всего восставшего района. Прежний районный повстанком начинает выполнять функции штаба, выделив из своего состава Уездный Революционный Комитет, для участия в работе которого широко привлекает представителей от волостей и пролетариата.

Во всех волостях и селах из бывших повстанкомов создаются ревкомы, в обязанность которым вменяется широко пропагандировать идею продолжения непримиримой борьбы наблюдением за немедленным и неукоснительным проведением в жизнь всех распоряжений нового аппарата уездной власти, организация подвоза продовольствия для воюющих, наблюдение за быстрой мобилизацией и, наконец, изоляцией а частью и уничтожением всего ненадежного элемента села. Новосоздавшийся штаб главным образом руководит всей боевой организационной работой и одновременно направляет в правильное русло работу всех революционных комитетов.

С прибытием из сел рот „первой очереди“, по принципу территориальности отделом формирования штаба формируются полки регулярного типа, в которые в качестве кадра вливаются работавшие еще в подпольный период партизаны и из числа наиболее годных и подготовленных назначается командный состав. Отдел агентурной разведки еще шире развивает свою работу, охватывая своей деятельностью все новые и новые районы. Отдел пропаганды ведет лихорадочную работу по установлению связи, налаживанию организаций во всех соседних с восставшим районах, выбрасывая в таковые большое количество агитаторов и главное внимание обращая на те направления, в которых предположено и возможно дальнейшее расширение восставшего района, создавшее таковой обстановку, благоприятствующую развитию боевых операций.

Первые дни по началу восстания таковые переживают самые тяжелые моменты, так как на район, охваченный со всех сторон, устремляются правительственные войска. Приходится одновременно с проведением организационной работы вести бои на всех направлениях, напрягать колоссальные усилия на то, чтобы восстание не было зажато снова в подполье, так как это означало бы почти совершенно срыв всей предыдущей работы и разгром всей повстанческой организации и вырождение восстания в партизанщину, ложащуюся тяжелым бременем на крестьянство и не дающую боль-

ших положительных выгод для дела Социальной Революции. Работа по углублению восстания и расширению восставшего района ведется и должна вестись лихорадочным темпом; новосформированные и наспех сколоченные части выбрасываются на границе в заранее намеченном направлении и, опираясь на результат работы отдела пропаганды штаба, с одной стороны, и сведений агентурной разведки с другой—ведут бои и завоевывают все новые и новые районы.

Почти на всех направлениях и по всей границе идут либо бои, либо просто мелкие стычки с противником, которые носят в одном месте характер оборонительный, в другом наступательный, а в третьем — налетно-партизанский.

Разведка сил и задача неприятеля производится исключительно агентурным способом и так как противник подобно нам всегда пользуется обывательскими подводами, то удается во всех случаях в число крестьян, перевозящих его, ввести своих агентов и благодаря этому иметь исчерпывающие сведения о цели движения и планах противника; а так как сочувствие крестьянского населения—безусловно на стороне повстанцев, то сведений всегда даже больше, чем нужно. Боевой войсковой разведке почти не отводится место, да она и лишняя, так как нарушала бы принцип внезапности удара по противнику, с безусловным соблюдением которого проводятся в жизнь все боевые операции повстанцев.

Так как о противнике всегда имеются исчерпывающие сведения и внезапность появления его невозможна, то сторожевое охранение при расположении по селам на отдых почти совершенно отсутствует и заменяется сельскими ночными сторожами и патрулями у штаба, задачей которых является скорее указывать всем ищущим таковое место его стоянки, чем охранять отдых своих товарищей. По той же причине походное охранение заменяет пара — другая пулеметов на тачанках, идущих в небольшом 3 — 4 версты удалении от колонны главных сил, да несколько идущих на расстоянии полуперехода конных, задача которых—быть скорее сборщиками подвод, сменой в впереди лежащих селах, чем охранением или разведкой. Особенностью походного движения является то, что вся пехота едет на подводах, обоз, кроме патрон и снарядов тоже на подводах, совершенно отсутствует и, так как больших привалов совершенно нет, смена подвод отнимает не более 3 — 5 минут и пища раздается на руки во время смены, то средняя скорость марша 9 — 11 верст. Смена подвод производится следующим образом: несколько конных высылаются в села, лежащие на пути следования отряда, с приказанием ревкома к определенному часу выставить на такой-то дороге у въезда в село необходимое количество подвод, и подготовив пищу на указанное количество человек, раздать таковую по всем подводам, на каждую для 4 — 5 человек; в движущемся отряде указывается, какие роты и в каком селе будут сменять подводы и получать пищу; к определенному часу вдоль правой обочины дороги у въезда

в село стоит выстроенная в затылок смена, рота (одна или несколько), предназначенная для смены, идет в хвосте колонны, село всей колонной проходится шагом и лишь по вытягивании из него хвоста переходит на рысь; повстанцы, сменившие подводы, на таковых находят пищу, которую и съедают во время движения. Длина дневного марша, при таковой организации его, может доходить в случае необходимости до 120 и даже более верст в сутки, без всякого переутомления для повстанцев и вызванной тем самым потери боеспособности. Порядок движения частей следующий: впереди на удалении 3 — 4 верст несколько пулеметов на тачанках, идущих с интервалами в 100 — 200 шагов и представляющих из себя авангард, задача которого при встрече с противником быстро развернуться, обстрелять его и маневрируя стараться выскочить на фланги, при чем первая останавливается на дороге, остальные размыкаются вправо и влево; в голове колонны снова несколько пулеметов на тачанках, обязанность которых выездом на рысях и карьере поддержать авангард; далее следует штаб, а за ним — одна треть пехоты, артиллерия, вся остальная пехота и наконец в самом хвосте колонны снова пулеметы—огневой резерв начальника, а за ним кавалерия, которая, при этом необходимо отметить, при больших переходах часто отстает, так как лошадей меняет только в исключительном случае, при очень же больших переходах, связанных с предстоящим боем, едет на подводах, ведя лошадей в поводу. Следование кавалерии в хвосте колонны вызвано тем, что при нанесении удара по противнику ее задачей всегда является наскок с тыла и окончательное уничтожение противника. По одной дороге ни в коем случае не движется более двух-трех батальонов, т.-е. одного полка при общей численности тысяча пятьсот, две тысячи повстанцев. В приказе никогда не указывается порядок движения (по ранее указанной причине), а указывается только: 1) цель движения, 2) пути следования, 3) час и место сборного пункта—исходного положения для боя, 4) задача каждой части, 5) час или время начала боя и, наконец, 6) сборный пункт на случай неудачи.

Скорость марша и исчерпывающие сведения о противнике дают возможность широко применить принцип внезапности при ударе как по наступающему, так и обороняющемуся и отходящему противнику. Столкновение с движущимся с наступательной целью и обороняющимся противником всегда начинается демонстрацией, в которой принимает участие небольшая, но отличная по своему качеству часть отряда, производимой с целью заманивания на линию засады, и оканчивается нападением частей, входящих в состав засады, на фланг зарвавшегося противника и ударом кавалерии по обозам и тылу. В тех случаях, когда бой закончился не полным уничтожением противника, а отходом уцелевшей части его, ведется параллельное преследование, при чем конные части повстанцев все время отрезают пути отхода, заставляя затравленный отряд против-

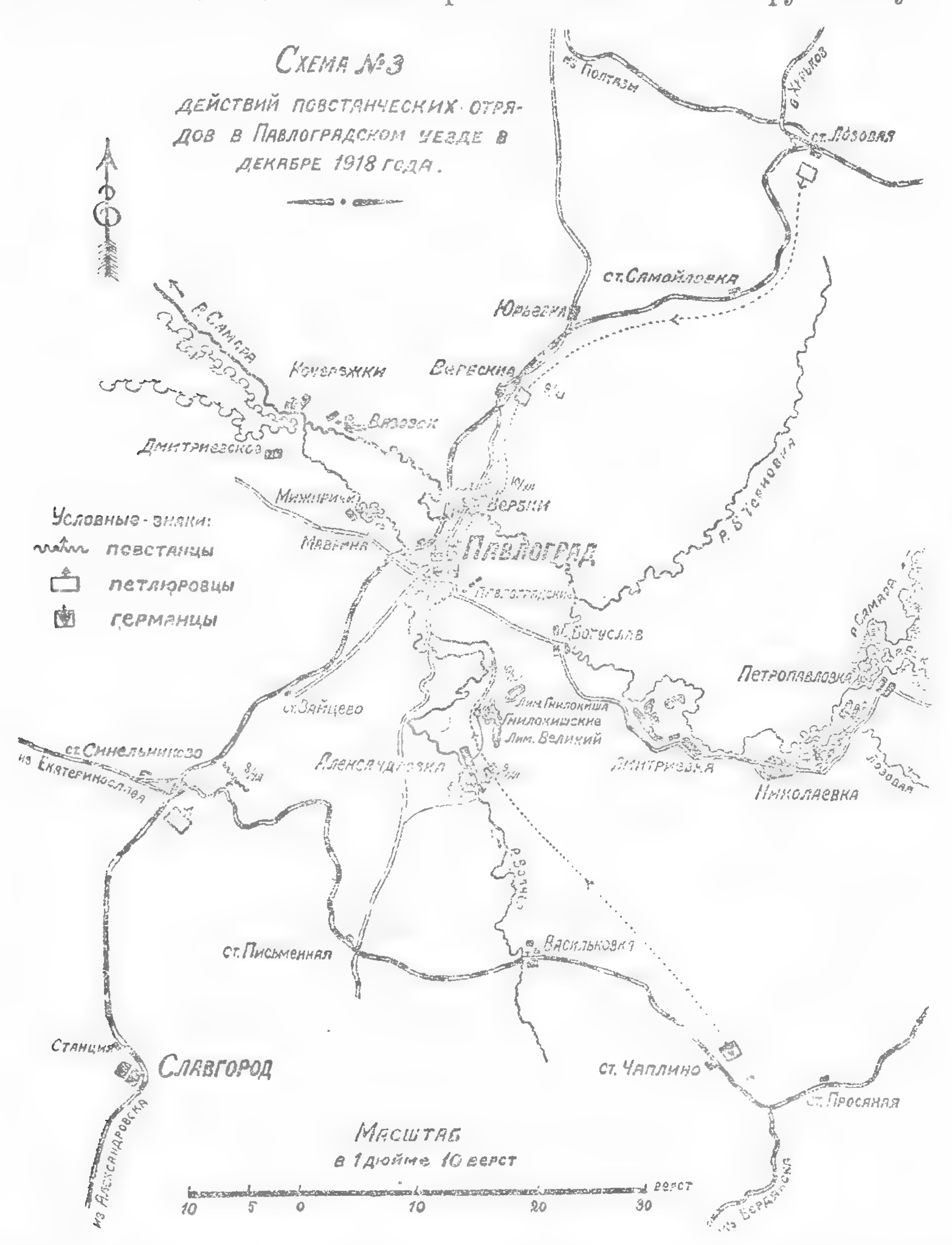
чика кружиться по всему району—до полного уничтожения, в случае же неуспеха нашей операции — атаки, части, каждая самостоятельно, по условному сигналу или знаку, разными путями отходят к указанному ранее на этот случай пункту, каковой всегда находится в направлении противоположном тому месту, откуда прибыл для нападения отряд партизан — центру восставшего района; этот маневр всегда не дает имевшему успех противнику возможности: 1) развить интенсивное преследование, так как он естественно вынужден будет повернуться тылом к жизненным центрам восставшего района и этим самым облегчить высланным поддержкам нанесение удара по самому уязвимому месту, 2) на плечах отходящих и расстроенных частей ворваться в повстанческий административный центр и 3) пользуясь успехом, быстро двинуться для занятия такового, так как на тылах у него начинает висеть, правда, потерпевший неудачу, но не уничтоженный совершенно отряд повстанцев.

Бой всегда носит скоротечный характер, сближение с противником отмечается стремительностью и непрерывностью движения, полное отсутствие перебежек и самоокапывания и обеспечение такового огнем быстро маневрирующих пулеметов на тачанках и выезжающей на открытые позиции артиллерией. Начавшись всегда неожиданно для противника нападением со всех сторон и вызвав этим у него отсутствие возможности принять соответствующий боевой порядок и полное замешательство, быстро переходит в стадию рукопашной схватки и оканчивается либо поголовным уничтожением объекта нападения, либо, в лучшем случае, сдачей в плен—на волю победителя. Общий резерв у частей, ведущих бой, всегда отсутствует и части все, до последнего человека, принимают участие в ударе; общим же резервом для всех частей, дерущихся на разных направлениях, всегда является все население — крестьянство восставшего края.

В случае пассивной обороны противника на какой-либо определенной линии сближение с ним и атака производится исключительно ночью при одновременном устройстве паники в тылу и удара по флангам. При захвате какого-либо укрепленного пункта (город, местечко, село) нападение производится всегда ночью извне и изнутри, причем начинается захватом штаба изнутри и сопровождается стремительным натиском с разных сторон—извне.

Для того, чтобы ясны были особенности методов ведения боевых операций повстанцами, необходимо привести несколько характерных примеров и таковыми будут: 1) бой по занятию административного центра—города Павлограда, 16 ноября 1918 года, утром в день начала восстания, 2) и 3) два связанных между собой и непосредственно вытекающих один из другого боя в районе г. Павлограда и селения Александровка 9, 10 и 11 декабря того же 1918 года.

(Схема № 3). Административным центром, который необходимо было занять к моменту объявления восстания и в котором в это время группировались правительственные войска, был уездный город Павлоград. В городе гарнизоном стояли: 1) 1 полк германцев в составе около 2500 штыков при 16 тяжелых и 12 ручных пуле-

метах, 8 минометах, 12 бомбометах и 4 легких орудиях, 2) сводный донской офицерский отряд — около 250 человек при 4 пулеметах. 3) конная и пешая уездная полиция (варта) — около 100 штыков и 60 сабель при 2 тяжелых и 1 ручном пулемете и 4) городская, сформированная из буржуазных и помещичьих сынков, самооборона

общей численностью в 150 человек, вооруженных, при 2 ручных пулеметах, итого около 3000 штыков, при 22 пулеметах тяжелого типа, 15 ручных, 8 минометах, 12 бомбометах и 4 орудиях. Немцы стояли в войсковых 2-этажных казармах на окраине города, а штаб в центре города, офицерский отряд расквартирован казарменно в центре города, остальные по частным квартирам. Повстанкомом было решено взять город, атаковав его на рассвете 16 ноября 1918 г.

С таковой целью 1) еще с вечера 15-го под видом крестьян, приехавших на рынок-„базар“ (16 ноября приурочено было к четвергу, по каким дням еженедельно в город съезжаются крестьяне со всего округа, при чем приезжают с вечера предыдущего дня, так как базар начинается с утра и к 12—13 часам прекращается), было введено в город и размещено по заезжим дворам около 100 (сто) чел. вооруженных — отличных повстанцев, с задачей: на рассвете, после того, как часы на соборе пробьют 6 часов, напасть на немецкий штаб и офицерский отряд, расположенные один против другого в в центре города, 2) группе в 20 человек повстанцев, тоже введенных в город, приказано было, действуя самостоятельно, к 6 часам занять городские телефонную и электрическую станции и выключить весь город, заставив его потонуть в темноте и остаться без связи, 3) повстанческим отрядам всех восточных волостей уезда, сведенным в один батальон с числом бойцов около 350 человек, при четырех пулеметах, было приказано к „вторым петухам“ (около 3 ч. ночи) занять северную окрайну Подворок и с первыми выстрелами в центре города быстро атаковать казармы со стороны лагерей и кладбища, установив на кладбищенской стене, для обстрела из них верхних этажей окон казармы, пулеметы, 4) все отряды южных и западных волостей, сведенные также в один батальон с общим числом до 400 бойцов, при 3 пулеметах, к „вторым петухам“ должны были сосредоточиться на северной окрайне села Лихачева и с началом стрельбы в центре города, заняв рощу, что за р. Волчьей, у юго-западной окрайны города—„Лихачевский лес“, повести дальнейшее наступление в северо-восточном направлении для занятия города, право-фланговым отрядом в количестве 70 человек заняв тюрьму, освободив из нее до 300 крестьян, сидевших там, и направив их для вооружения в село Лихачево, 5) отрядам всех северных волостей, сведенным в две роты общим числом в 200 чел., при двух тяжелых и двух ручных пулеметах, к „вторым петухам“ занять южную опушку леса, что севернее вокзала, и с началом стрельбы в городе завладеть таковым, захватив стоявшие там, приспособленные под бронеплощадки с 2 пулеметами и одним орудием на каждом, два угольных пульмана с бронированным паровозом, 6) штаб повстанкома к „вторым петухам“ должен был прибыть на северную окрайну села Лихачева вместе со всей повстанческой конницей с целью по первым выстрелам в центре города ворваться в него через мост, что у с. Лихачева, и, наконец, 7) роты 2-ой очереди край-

них северо-восточных и юго-западных волостей к „вторым петухам“ (за 1—$1^1/_2$ часа до рассвета) должны были занять ст. Самойловка и ст. Зайцево, первая в 42 верстах к северо-востоку от ст. Павлоград, вторая в 18 верстах к юго-западу, обрезав железнодорожные проводы и разрушив пути. Около 5 часов утра 16 ноября в штабе повстанкома были получены донесения о том, что все отряды заняли свое исходное положение, из города донесли, что все обстоит благополучно—никто ничего не ожидает и почти все, вплоть до часовых у штабов и караулов на мостах и окрайнах города и тюрьмы, спит мирным сном.

Стояла темная ноябрьская ночь; город был ярко освещен электричеством; был солидный морозец, месяц только изредка, да и то на мгновенье, чуть показывался сквозь обложившие все небо облака. Оставалось два с половиной—три часа до рассвета и 1 — $^1/_2$ до начала боя; штаб расположился в крайней хате с. Лихачева, в нескольких стах шагов от моста через р. Волчью и мирно спящего на нем, сидевшего в будке с городской стороны его, германского часового; у штаба выстроенная в колонну по шесть стояла конница повстанцев, с надетыми на головы лошадей, в предупреждение ржания, торбами с овсом. Стояла мертвая тишина, не слышно было лая собак, загнанных еще с вечера крестьянами по хатам. Повстанцы молча жались к лошадям, держа в руках обнаженные шашки, намотав накрепко на руку темляки и с нетерпением ожидая сигнала к бою и только из хаты, занимаемой повстанкомом, изредка, при открывании дверей, на улицу вырывались страстные слова кого-либо из членов его, говорившего о наступающем дне и планах на тяжелое, но красочное и светлое будущее. Через несколько минут, после того как на городском соборе пробило 6 час., город весь внезапно погрузился в темноту, раздались тихие, но в то же время режущие ухо команды: „по коням“, „садись“—и не успели еще конные повстанцы как следует усесться в седла, как из города послышались первые, далеко прокатившиеся эхом по вблизи находившемуся лесу, ружейные выстрелы в центре города и захлебываясь затакал автомат. Команда: „за мной, в карьер марш,-марш“, подобно электрическому току бросила всю конницу на мост, и таковая, растоптав выскочившего из будки и не успевшего выстрелить немца, ворвалась в город.

Все вышло так, как предполагал штаб: немцы, пытавшиеся было вначале оказать сопротивление, лишенные и отрезанные от своих офицеров, захваченных спящими в городе, к 8 часам сдали все оружие и остались сидеть интернированными в казармах; офицеры, до 8 часов отчаянно дравшиеся водиночку, частью были перебиты, частью покончили жизнь самоубийством; один только „броневик“ долго, до 9 часов продолжал упорствовать, обстреливая артогнем город, выскочив удачно из района вокзала, но затем, свалившись у железнодорожного моста под откос, тоже замолчал.

Административный центр был занят. Начался первый день восстания. Наши трофеи: все имущество, вооружение и снаряжение противника и около двух тысяч четырехсот пленных немцев; наши потери: около тридцати убитых и раненых повстанцев плюс несколько лошадей.

Весь последовавший затем период на разных и диаметрально противоположных направлениях велись бои, и так как гетманская власть во всей Украине в это время качалась, то все они были успешны для повстанцев. В начале декабря г. Харьков и г. Екатеринослав были заняты петлюровцами, в ряды которых, переменив только погоны на нашивки на воротниках, пошли почти все ранее служившие верой и правдой гетману офицеры, жандармы и буржуазная интеллигенция. В первых числах декабря Павлоградскому районному повстанкому петлюровцы предъявили ультиматум: либо примкнуть к их движению, либо, сдав оружие, очистить весь район и разойтись по домам; в ответ на этот ультиматум был произведен налет на станцию Лозовую, прочно занятую большими силами петлюровцев при нескольких бронепоездах, окончившийся, правда, только занятием прилегающего к станции местечка и скорым оставлением его.

Заключив 8 декабря соглашение с немцами на предмет совместной ликвидации повстанческого района, петлюровцы 9-го с утра приступили к активным действиям, при чем со стороны Лозовой (северо-восточное направление) наступали гайдамаки, с юга, со стороны станции Чаплино (южное направление), 2 батальона немцев при 4-орудийной батарее, 18 возимых пулеметах и большом количестве (учесть которое потом не удалось, так как большая часть потонула в реке) ручных пулеметов, бомбометов и минометов. Так как в это время в распоряжении штаба имелся только один полк с общей численностью около 2000 бойцов при 2 орудиях и 12 пулеметах, все же остальные части (партизанский отряд батьки Махно, 1 Павлоградский сводный полк и др.) вели бои в районе ст. Синельниково (юго-западное направление), что в 40 верстах от г. Павлограда, и в районе ст. Гришино (восточное направление), что в 60 верстах, то положение было довольно критическое и угрожающее. Повстанкомом решено было разбить противника частями при посредстве тех сил, которые у него имелись в качестве резерва, ударив сначала по немцам, как более сильным, а петлюровцев, прикрывшись от них в начале слабым, медленно отходящим заслоном и дав им возможность занять на несколько часов г. Павлоград, уничтожить в таковом.

Силы противника были следующие: петлюровцы ок. 2000 бойц. при 6 орудиях, большом количестве пулеметов и 2 бронепоездах; у немцев одних бойцов пехотных 2000; кроме того, немецкие батальоны из состава отличного второго Саксонского полка, петлюровцы же —слабо сколоченный сброд из офицеров, студентов, гимназистов и прочей строевой и нестроевой публики. 9 декабря к вечеру буферные отряды роты 2-ой очереди Лозовского направления откатились на

линию с. Вербки, что в 7 — 8 верстах к северу от г. Павлограда. Отряды Чаплинского направления оставили с. Александровку, что в 20 верстах к югу от города. Петлюровцы расположились на ночлег в районе Вербские хутора, немцы в с. Александровке. Выбросив на подкрепление из состава полка в с. Вербки 2 роты общей численностью в 300 чел. при 4 пулеметах. и приказав им в случае нажима со стороны петлюровцев медленно отходить в юго-восточном направлении, правым флангом придерживаясь жел. дороги, вокзала и железнодорожного моста через р. Волчью, и по выходе на линию левого берега р. Волчьей, во что бы ни стало задерживаться до утра 11 декабря, повстанком с остальными частями бросился навстречу немцам, решив уничтожить их в районе с. Александровка—Гнилокишенские хутора в течение 10-го того же месяца.

Все правительственные учреждения были вывезены в течение ночи с 9 на 10 на юго-восточную окраину Павлоградских хуторов, для прикрытия самого города оставлен, сведенный с этой целью из разных штабных, комендантских и местной охраны, отряд общей численностью около 200 бойцов при 3 ручных пулеметах, который должен был, дав бой петлюровцам на самых подступах к городу на его северо-восточной окраине, отойти на линию северо-западной окраины Павлоградских хуторов, где, закрепившись, во что бы то ни стало продержаться до ночи 10 числа, обеспечивая тыл полка, оперирующего в районе с. Александровка. Отряду самоохраны с. Лихачева приказано были занять мост через р. Волчью у самого села, во что бы то ни стало не дав петлюровцам до утра 11 переправиться на левый берег, и обеспечивая тем самым правый фланг отряда, отходящего под нажимом петлюровцев за реку Волчью, в район железнодорожного моста и севернее его. Таким образом, отступление велось в разные стороны от г. Павлограда—децентрически и петлюровцам, поставившим себе целью занятие города во что бы то ни стало, а не уничтожение живой силы повстанцев, готовилась, в случае успешного окончания боя с немцами, ловушка-западня в самом г. Павлограде. Немцев разбить решено было следующим образом: заманив их в мешок, образуемый р. Волчьей с западной стороны, притоком ее и камышами с северной и озерами Лиман Гнилокиш и Лиман Великий с восточной и юго-восточной и южной стороны, здесь окружить и, напав внезапно, ударом во фланг и в тыл по колонне со стороны камышей, не дав развернуться, уничтожить. Зима стояла гнилая, все время шли дожди, по льду на реке можно было с большим риском переправиться, и то отдельным людям, знающим течение и в одиночку, так как здесь много подземных ключей, образующих даже в хорошую зиму во многих местах только слегка замерзшие прогалины, камыш вдоль озер достигает роста человека и вырезывается только в конце января—начале февраля каждого года, да и то нерегулярно. К рассвету 10 декабря все повстанцы были на своих местах, буферная рота, отошедшая и

ночевавшая в Гнилокишских хуторах, еще задолго до рассвета ушла из них, распространив слух и обязав крестьян говорить, что уходят в западном направлении за реку Волчью, так как город уже занят петлюровцами, а все повстанцы отошли к Синельниково. Часу в 9 утра немцы со всеми мерами походного сторожевого охранения выступили, двигаясь на подводах, из с. Александровки по дороге через селение Гнилокишские хутора на гор. Павлоград, так как по другой дороге вследствие большой грязи не было возможности двигаться.

Около 11 часов головные подводы-дозоры начали втягиваться в „мешок“ и вскоре за ними показалась колонна подвод с едущими на них по 5—6 чел. немцами, тянущимися с припряженными крестьянскими лошадьми орудиями и колоссальным обозом награбленных продуктов в хвосте колонны. Когда передние подводы подошли почти вплотную к протоку р. Волчьи и камышам, что на северной окраине „мешка“, взвод артиллерии повстанцев, стоявший немного севернее за небольшим бугорком, беглым огнем на шрапнель почти без промаха начал обстреливать в глубину всю колонну и одновременно с трех сторон заработали пулеметы, а выскочившие почти у самого селения Гнилокишские хутора из камышей конные повстанцы начали рубку немцев-обозников. Началось что-то неподдающееся описанию, задние бросились на передних, передние на задних, повозка полезла на повозку; все поле покрылось в панике бегущими людьми и мчавшимися переворачивающимися повозками в западном направлении и к р. Волчье, где почти всех бросившихся на лед постигла еще более печальная участь.

К 12 часам все было кончено, и только бедные крестьяне-подводчики, потерявшие несколько человек убитыми, собирали по полю остатки своих повозок, да кое-где раздавались отдельные выстрелы —это пристреливали захваченных живыми немецких офицеров и унтерофицеров. Наши потери ни одного убитого и раненого, со стороны немцев свыше 400 пленными—остальные убитыми или дострелянные раненые, большинство же потонуло в реке. Все имущество, снаряжение и вооружение стало трофеями. Только к 15 часам можно было закончить сбор повстанцев и трофеев, после чего, отправив в с. Богуслов, что в верстах 6 северо-восточнее места боя, всех пленных и трофеи, отряд с песнями двинулся выполнять вторую задачу и только к 18 часам присоединился к отошедшим уже на линию Павлоградских хуторов своим товарищам.

В то время как происходила ликвидация группы немцев, на другом участке происходили следующие события. К 10 часам 10 же петлюровцы перешли в наступление и, сбив арьергарды, к 12 часам подошли к селению Вербки, где встретили довольно сильное сопротивление; около 14 час. петлюровцам удалось обойти правый фланг, обороняющиеся повстанцы начали медленно отходить на левый берег р. Самары и к полотну железной дороги; петлюровцы

быстро начали-было продвигаться в сторону города своим левым флангом, но, обстрелянные артогнем нашего, захваченного ранее у немцев, бронепоезда, замедлили движение, ожидая подхода своих двух бронепоездов, исправлявших повреждения пути. Около 15 час. подошедшие бронепоезда открыли интенсивный огонь по отошедшим на правый берег повстанцам и последние снова начали отход, придерживаясь правым флангом железной дороги, а бронепоезд повстанцев отошел за мост через р. Волчью, продолжая обстрел подступов к городу со стороны с. Вербки. К 16 час. петлюровцы своими правофланговыми частями начали подходить к вокзалу, левым же флангом и центром устремились к городу, где были встречены сильным ружейным и пулеметным огнем с близких дистанций, благодаря которому, понеся большие потери, откатились назад. Около 17 часов бронепоезда петлюровцев, подойдя вплотную к мосту через р. Самару и не имея возможности по нему переправиться, так как таковой был поврежден, начали с дальних дистанций обстреливать северную окраину города, не имея в то же время возможности заставить замолчать бронепоезд повстанцев, который мешал продвижению пехоты противника. Около $17^1/_2$ часов, когда начали уже наступать сумерки, повстанцы быстро отошли в указанном им направлении, а петлюровцы, опьяненные успехом, заняли город и, не найдя в нем ни одного повставца, почили на лаврах, ожидая приказа немцев. Собрав донесения ото всех отошедших частей, штаб повстанкома решил с рассветом 11-го атаковать петлюровцев тем же порядком, как и немцев, приказав ротам, отошедшим на левый берег р. Волчьи, заняв к рассвету лесок, что у вокзала, сейчас-же атаковать таковой, и выслав в с. Вербки одну роту с целью порчи путей в тылу у бронепоездов, останавливавшихся у железнодорожного моста в одной—двух верстах южнее села. С рассветом 11-го начался бой и к 9 часам отряд петлюровцев прекратил свое существование.

Такой характер носят боевые операции второго периода восстания. Таковы замечательные и характерные особенности работы по углублению восстания и постепенному расширению района, им захваченного; так было организовано восстание без всякой поддержки со стороны Советской России, местными людьми и на местные средства. Отсутствие предварительной подготовки, заранее подготовленных складов оружия, патронов, снаряжения—все время были излишним тормозом и мешали быстроте организации; малое число организаторов мешало правильному палаживанию организации, отсутствие правильно подготовленного командного состава не давало возможности широко развернуть планы формирования войсковых единиц и придать большой размах боевым операциям, но и, несмотря на эти дефекты, это восстание принесло колоссальную пользу делу Социальной Революции, явившись большой помощью нашей Красной армии при ее победоносном шествии в начале 1919 года.

Все тылы противника были разрушены, коммуникации прерваны,

переброски и перегруппировки сделались невозможными, планомерный отход его, без потери транспорта, снаряжения и вооружения, сорваны и разложены.

* * *

Учитывая опыт, полученный в период организации этого восстания и других, устраиваемых в период деникинщины, можно с уверенностью сказать, что в стане врагов есть всегда некоторые перспективы на организацию в тылу у них, в случае их выступления против Советской России, восстания тем же путем длительной и тщательной подготовки срыва изнутри, нужно лишь только умение правильно использовать обстановку и учесть психологию масс. При затяжном характере мировой революции, все возрастающих возможностях новых попыток нападений извне на нашу Советскую Россию и нашей экономической слабости, срыв изнутри и организация в тылу у противника восстания является одним из вернейших залогов нашей победы и одновременно победы Социальной Революции. Но для того, чтобы такое восстание могло сразу же и дать большие результаты, необходимо на подготовительную работу затратить, не жалея, много времени, а главное, средства—и первые будут всегда обратно пропорциональны количеству вторых; подготовку надо всегда вести заблаговременно, организуя возможности, скрытые склады и арсеналы самых элементарных вещей войскового снаряжения и вооружения. Как на период подготовки, так и на время самого восстания должны быть брошены отборные люди с высокими как физическими, так и умственными и моральными качествами, а не какие-либо случайные люди, каковую ошибку допускали в прошлом реввоенсоветы наших армий, бросая на эту страшную по ответственности работу всех попадавшихся под руку, лишь только изъявивших свое согласие, сомнительного свойства личностей.

Что было бы, каковы были бы результаты, если бы все те восстания, которые имели место на Украине в период гетманщины и деникинщины, были заблаговременно подготовлены? Но на этот вопрос трудно ответить, так как даже при отсутствии таковой результаты восстания были колоссальны и являются одними из главных причин легкости нашей победы над нашими противниками.

Н. Котов.

Исторический очерк

Административного устройства и советизации в прифронтовой и освобожденной от противника местностях.

I.

Основные положения строения Советской власти.

Период зарождения Советской власти.

Советская власть. как классовая власть, представляющая собой диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства, впервые в России признана „де-юре“ с момента Октябрьского переворота, который был совершен сразу только в наиболее крупных городах и центрах, как Москва, Питер, Урал и др.

Промежутки между этими центрами представляли вначале площадь, усеянную приверженцами старого строя и врагами трудящихся, хотя и не преобладавшими количественно, но опиравшимися на неосознавшую еще себя массу и строгие репрессии, которые им и помогали удерживаться еще у власти. Однако, вскоре после Октябрьской революции массы, руководимые общей ненавистью к эксплоататорам, объединились под знамя советов в борьбе за свое будущее и спустя некоторое время мы уже видим, как стихийно начинает покрываться сетью советов территория России.

Правда, эти советы формировались в зависимости от местных условий и долгое время не признавали никакого вмешательства со стороны центра.

„Вся власть на местах“.

„Вся власть на местах“,—таков был их лозунг. Таким образом Советская Россия представляла из себя ряд самостоятельных, не связанных с единым центром, советов. В ходе борьбы эти советы принуждены были вступать в связь друг с другом; возникали волостные, уездные и губернские объединения, столь же ни от кого независимые Казанская, Калужская и другие республики.

Постепенное подчинение местной власти центру.

Интересы трудящихся в их борьбе с разбитыми в бою, но еще упорствующими эксплоататорами, требовали объединения всех разрозненных между собою органов борьбы, а эти независимые советы и „республики“ решительно сопротивлялись всяким попыткам высшей Советской власти централизовать их. Не мало пришлось затрачивать советскому центру усилий, чтобы путем разъяснений, посылок специальных инструкторов, а подчас и репрессий, подчинить их общесоветской воле и направить в русло единой советской работы работу всех этих, разбросанных по безграничной русской равнине, разрозненных рабочих и крестьянских советов.

Местничество постепенно изживалось, разрозненность отдельных органов власти уступала место стройной системе связанных между собою и центром советов. „Вся власть на местах", как своего рода независимость от общесоветского центра, к июню 1918 года бесповоротно исчезла.

Это положение было закреплено затем конституцией РСФСР, утвержденной 5 Всероссийским съездом советов в июле 1918 года.

Советы и съезды советов. В означенной конституции мы находим те формы построения власти, которые пролетариат создавал, как оружие борьбы с эксплоататорами в течение долгого времени, закладывая первые основы советов еще в период революции 1905 года и воздвигнув гигантское советское здание в период великой революции 1917—1918 г.г., когда вся Россия покрылась сетью советов.

Весь аппарат Советской власти строился на том принципе, что вся власть в Советской республике принадлежит только трудящимся и что широкие массы, миллионы трудящихся, под руководством наиболее сознательных из них, участвуют в повседневной работе управления государством. Этот принцип формулирован в первой же статье конституции, которая говорит: „вся власть на местах и в центре принадлежит советам", и на нем, как на фундаменте, построена вся советская организация, начиная с сельских, поселковых, городских советов и кончая Всероссийским съездом советов, являющимся высшей властью РСФСР.

На этом фундаменте, построенном из десятков тысяч советов, возвышаются три этажа, это съезды советов: волостные, уездные и губернские с их исполнительными комитетами.

Волостные съезды являются высшим органом власти в пределах своей волости, объединяют и руководят деятельностью всех советов, находящихся на территории волости, и подчинены выше стоящему уездному съезду советов и уездному исполнительному комитету.

Уездные съезды являются такими же органами власти в пределах уезда и подчинены губернскому съезду советов и губисполкому.

Губернский съезд советов и губисполком являются высшим органом власти на территории губернии и подчинены ВЦИК'у и Совнаркому.

Таким образом, в центрах административных единиц, каковыми остаются еще старые волости, уезды и губернии, образуются только объединения советов: съезды и их исполкомы, а не советы, которые существуют лишь в отдельных населенных пунктах: селах, деревнях, городах и т. п.

Этот общий план построения Советской власти ясно указывает нам, что Советская власть строится снизу, с мест, от десятков тысяч советов, проходит через ряд все более и более широких объединений (съездов советов) и поднимается, наконец, до объединения всех советов: Всероссийского съезда советов.

Эти советы и их съезды являются высшей властью в пределах их территории и имеют предметом своей деятельности:

а) проведение в жизнь всех постановлений существующих высших органов Советской власти;

б) принятие всех мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношениях;

в) разрешение всех вопросов, имеющих местное (для данной территории) значение;

г) объединение всей советской деятельности в пределах данной территории.

Советы как органы государственной организации трудящихся.

Таким образом, в круг задач местных органов Советской власти входит все, что связано в своем осуществлении с местными условиями. Советы должны обслуживать местные нужды в областях правовой, культурно-просветительной, здравоохранения и хозяйственной. Но этим не ограничивается круг их задач: советы являются в то же время агентами государственной власти, правящими организациями и в этом их основное отличие от органов местного самоуправления буржуазных государств.

Органы местного самоуправления в буржуазном государстве.

Буржуазное государство управляет на местах, с одной стороны, при помощи непосредственных органов государства, правительственных чиновников, особой бюрократической касты, а с другой стороны, через органы „местного общества", через местное самоуправление, возлагая на них осуществление некоторых функций управления.

Эти местные органы буржуазного общества имеют свои особые местные интересы, противополагаемые общим интересам государства и отражающие волю местного населения, т.-е. живущих на данной территории членов господствующих классов буржуазного общества.

Советская система управления не знает такого противопоставления непосредственных органов государства органам самоуправления. Советы—это органы государственной организации трудящихся. Местные органы власти—советы, так же как и центральная власть, выражают общую волю всех трудящихся.

Принцип двойной зависимости.

Из центра идут связующие нити от каждого комиссариата к отделам исполкомов губернских, уездных и волостных. Все эти части государственного аппарата связаны между собой отношениями соподчиненности: низшая инстанция подчинена высшей. Каждый местный орган управления обязан проводить в жизнь все постановления соответствующих органов Советской власти, т.-е. органов выше его стоящих; таким путем создается так-называемая „вертикальная" централизация по отраслям управления.

В то же время на местах все органы власти, все отделы исполкома, все учреждения и предприятия в той или иной степени связаны с местным центром—исполкомом и объединены вокруг него, как центра.

Таким образом, создается „горизонтальная“ местная централизация. В итоге каждый отдел исполкома оказывается находящимся в двойной зависимости: он зависит, с одной стороны, от исполкома, с другой — от центрального органа власти, Народного Комиссариата. На этом принципе двойной зависимости и построено взаимоотношение между местными и центральными органами Советской России.

Советская власть — власть массовых организаций.

Советская система отличается от буржуазной не только тем, что в советских органах управления принимают участие депутаты, выбираемые лишь трудящимися, советы, как органы управления, опираются на целый ряд рабочих организаций.

Советская власть — это власть организаций пролетариата и крестьянства. Все рабочие организации являются в то же время органами власти.

В Советской республике все органы, от самого верхнего до самого нижнего, суть работающие коллегии, связанные с организациями, опирающиеся на них и втягивающие через них всю массу в дело социалистического строительства.

Это широкое и непосредственное участие самих трудящихся в управлении государством является основным признаком всего строительства Советской власти.

II.

Военно-политические органы советизации.

Политические отделы Красной армии.

Изложенные нами принципы строительства Советской власти находили свое осуществление в местностях более спокойных и находящихся вне сферы непосредственной борьбы враждующих сторон. Там же, где эта борьба продолжалась и в силу боевой обстановки, создание гражданских органов Советской власти выполнялось Красной армией, как передовым авангардом революционного народа. Она, вместе с выполнением своих специальных задач—боевых, несла идею советов и свободу угнетенным.

Первыми носителями знамени и идей советов, реально осуществлявшихся в жизни, являлись политические отделы Красной армии.

Политические отделы имели также целью спаять ряды Красной армии, в которой преобладающим элементом все же являлось крестьянство, требовавшее по своему низкому развитию объяснения и примера, для вкоренения сознания необходимости вести борьбу в его же пользу. Масса, шедшая на пополнение армии, нуждалась в постоянном разъяснении причин войны и ознакомлении со сложной международной обстановкой и политикой советского правительства, а также знакомства с многочисленными вопросами внутренней жизни Красной армии. На ряду с этим поли-

тические отделы путем издания и распространения литературы, воззваний, листовок, митингов и конкретными примерами подготовляли население к восприятию идей Советской власти.

Политотделы издавали также специальную литературу и перебрасывали ее за кордон для популяризации власти советов, разъясняя сущность классовой войны.

Мы имели массу примеров, когда подготовленное население и целые части войск противника радостно встречали красные войска.

Политические отделы являлись первыми ласточками советизации; они организовывали революционную власть в только-что освобожденных местностях и часто сосредоточивали все управление таковой в своих руках.

С этой целью сначала при реввоенсоветах армий и фронтов, а затем уже и при политических отделах всех степеней имелись специальные советские отделы, на обязанность которых и ложилось формирование Советской власти в освобождаемых местностях.

Агитпункты. В начале 1919 года, впервые на Южном фронте, политический отдел фронта, для работы среди населения и проходящих красных частей, создает агитпункты. Агитпункты создавались сначала на узловых станциях, но с течением времени их можно было встретить на каждой станции и в больших селах (избы-читальни).

Агитпункты разъясняли населению текущие события и жизнь Советской республики в их истинной сущности и, таким образом, способствовали созданию настроения сочувствия Советской власти и всем ее мероприятиям.

В агитпунктах население и проезжающие красноармейцы всегда находили самый радушный прием и помощь в смысле растолкования того или иного волновавшего умы мероприятия Советской власти, и всегда получали свежую газету.

В общем агитпункты являлись рупорами, передающими в местности, где еще не установилась организация Советской власти, а также по дорогам следования армейских пополнений, все события и достижения в ходе революционной борьбы.

Особые отделы и отделения ВЧК. Само собой разумеется, что в только-что освобожденных местностях имелись довольно сильные ячейки противников Советской власти, как явных, так и тайных. К числу первых относятся всех родов эксплоататоры, к числу вторых—шпионы и подпольные белогвардейские организации.

Ячейки эти стремились сорвать всякое начинание Советской власти, насаждая своих членов не только в советских органах, но, главным образом, в рядах Красной армии, пытаясь изнутри подорвать ее боевую мощь.

Для борьбы с означенными явлениями имелись специальные чрезвычайные органы, особотделы ВЧК.

4*

Задачей особых отделов, главным образом, ставилась работа по борьбе с контр-революцией, преступлениями по должности и другими видами преступления исключительно в рядах Красной армии.

На особых отделах лежала также обязанность по борьбе со шпионажем, учет и наблюдение за иностранными подданными.

Ревтрибуналы. Для проведения решительного карающего правосудия над врагами Советской власти в районе действующей армии, учреждались специальные военные трибуналы, которые придавались дивизии, армии и фронту.

Ревтрибуналы разбирали по преимуществу дела контр-революционные, крупные должностные преступления, злостное дезертирство и проч.

Трибуналы играли роль не только как орудия суровой революционной кары, но и являлись орудием живой агитации, устраивая публичные заседания, на которые приглашалось местное население, рабочие и красноармейцы и таким образом содействовали советизации освобожденных местностей.

Военкоматы. В оставленных противником населенных пунктах находился также элемент, необходимый для пополнения действующей армии; последняя не всегда могла изъять, а тем паче учесть все нужное ей для усиления ее боевой мощи. Большую помощь в этом деле, а также в деле строительства Советской власти — сыграли военкоматы. военкоматы занимались прежде всего учетом способного носить оружие населения, учетом подвод, лошадей, упряжи и т. д., а также формировали новые войсковые части для пополнения действующей армии.

В деле же советизации за военкоматами числится большая заслуга. Посредством своих агитационно-вербовочных отделов они дали не одну тысячу добровольцев в ряды Красной армии и организовали изрядное число изб-читален и комитетов бедноты.

Комдезы. Так как в ближайшем тылу, за отсутствием твердой гражданской власти, скоплялось большое число дезертиров, то ловля таковых, учет, следствие и предание суду,— вся эта работа велась военкоматами с помощью комиссии по борьбе с дезертирством.

III.

Органы граждаксого управления на театре военных действий.

Ревкомы и положение о них. В местностях, только-что освобожденных от противника, где полувоенная обстановка еще не позволяла произвести выборы советов и где советская работа не могла еще сразу развернуться во всем своем масштабе, приходилось создавать менее сложные аппараты власти. Таковыми органами, более простыми

по своему устройству и более приспособленными к условиям военного времени, являлись Революционные комитеты—„Ревкомы".

Положение о „Ревкомах", утвержденное ВЦИК'ом 24 октября 1919 года, устанавливает три их вида:

1) Ревкомы местности, освобожденной от противника;
2) Прифронтовые „Ревкомы" и
3) „Ревкомы" тыла.

Общая всем этим трем видам „Ревкомов" особенность, отличающая их от обычных органов гражданского управления (Исполкомов), состоит в том, что „Ревком" не является выборным советом или съездом советов, „Ревком" назначается в составе 3—5 членов военной властью, при чем в организации прифронтовых, и отчасти тыловых „Ревкомов", принимали участие и местные исполкомы.

Ревкомы освобожденных от неприятеля местностей.

Оглядываясь на пройденный Красной армией путь, мы видим, что „Ревкомы" освобожденных от неприятеля местностей образовывались, по мере продвижения Красной армии, Реввоенсоветами действующей армии. Тотчас же по освобождении города или района, Реввоенсовет армии, а иногда комиссар (по соглашению с начальником дивизии или командиром бригады), назначали в городе или районе военную комендатуру, как орган высшей военно-гражданской власти данной местности. Но Реввоенсоветы тотчас же обыкновенно приступали к организации „Ревкома", пользуясь для этого содействием местных революционных организаций, работавших подпольно во время занятия местности неприятелем. С момента образования „Ревкома" комендатура подчинялась „Ревкому". Большинство „Ревкома" составлялось из иногородних работников и дополнялось местными, чем обеспечивалась связь с местным населением.

Большое значение имел выбор председателя „Ревкома" Председатель должен был сочетать коммунистическое сознание и стойкость с достаточным опытом в советской работе.

Такие „Ревкомы" образовывались в губернских, уездных городах, в больших узловых пунктах, в больших волостных селах и фабрично-заводских местностях.

Губернские „Ревкомы" состояли из 5 членов: председателя, продкомиссара, военного комиссара и двух членов по общим делам.

Уездные, волостные и тому подобные „Ревкомы" состояли из 3 членов. Основными задачами „Ревкомов" местностей, освобожденных от противника, являлось содействие Красной армии, находящейся в районе „Ревкома", и установление революционного порядка среди населения.

Для осуществления первой задачи „Ревкомы" принимали все меры для правильного и достаточного снабжения армии продовольствием, снаряжением (1918—1919 г.), средствами связи, жилищами, медикаментами и т. д. Для этого они совместно с органами снабжения

армии (дивизии) производили учет продовольствия и государственного имущества, мобилизацию подвод, отвод помещений и т. д.

Установление твердого революционного порядка являлось самой сложной задачей „Ревкомов", требовавшей от работников политического такта и уменья учитывать своевременность тех или иных мероприятий.

Одновременно „Ревкомы" имели своей задачей разъяснять населению сущность Советской власти.

При помощи военно-политических органов „Ревкомы" издавали воззвания, листовки, а в некоторых местах издавали газеты, устраивали совещания с представителями профсоюзов и т. д., словом принимали все меры к популяризации идей Советской власти.

Организовывали помощь беднейшему населению, пострадавшему от войны, принимали все меры для снабжения городов продовольствием, железных дорог топливом и т. д.

Для выполнения всех этих задач „Ревкомы" образовывали несколько наиболее важных отделов: военный, земельный, продовольственный и др.

При дальнейшем продвижении Красной армии и при создании возможности перехода к нормальному построению органов управления, „Ревкомы" приступали к организации выборов в советы, а затем уже к съезду советов.

Обыкновенно раньше всего производились выборы в городской совет губернского города. Перед созывом съездов иногда устраивались совещания представителей „Ревкомов" для разрешения ряда организационных вопросов.

Избранному на съезде исполкому ревкомы сдавали дела и финансовые средства и с того момента считались распущенными.

Ревкомы прифронтовой полосы.

В период гражданской войны, благодаря большой маневренности армий, когда она откатывалась назад, то в прифронтовой полосе глубиною примерно 50—75 верст от линии фронта, иногда оказывалось необходимым для согласования военной и гражданской работы, заменять местные исполкомы „Ревкомами".

В таких случаях Реввоенсовет армии совместно с губисполкомом составляли „Ревком" из представителей Реввоенсовета и исполкома.

Ревкомы прифронтовой полосы, будучи органами военной и гражданской власти, подчинялись одновременно и Реввоенсовету и центральным гражданским органам. Ревкомы, принимая в свое ведение отделы исполкома, приспосабливали их работу к военной обстановке: сосредоточивали работников на более необходимой работе, закрывали некоторые отделы, сливали их с другими и т. п.

По миновании надобности приказом Реввоенсовета армии „Ревкомы" распускались и исполкомы вновь вступали в свои права, или же производились выборы в обычном порядке исполкома, которому „Ревком" и сдавал свои дела.

Ревкомы тыла. В практике строительства Советской власти, когда требовались совершенно исключительные условия и наивысшее напряжение сил дла обороны угрожаемого неприятелем района, образовывались „Ревкомы“ тыла.

Так было в сентябре 1919 г., когда набег Мамонтова и падение г. Курска поставили под серьезную угрозу центральный Московский район. Советом Обороны РСФСР этот район был объявлен на военном положении и были учреждены в губерских и уездных городах тыловые „Ревкомы“.

Губернские „Ревкомы“ были подчинены Реввоенсовету Республики, а уездные—губернским „Ревкомам“ и состояли из 3—5 членов, в том числе председатель исполкома, один из членов исполкома и военный комиссар.

Образование таковых „Ревкомов“, как было указано выше, может происходить лишь по особому каждый раз постановлению Совета Обороны. Поэтому введение военного положения в той или иной местности не должно обязательно сопровождаться образованием „Ревкома“, совета обороны или иного какого-либо чрезвычайного органа.

Руководство проведением военного положения возлагается на президиум исполкома, который пополняется на это время представителем военной власти.

Основные задачи Ревкомов. Задачей „Ревкомов“ являлось быстрое проведение всех мероприятий, необходимых для укрепления обороны занятой местности, а именно: а) содействие военным властям в производстве оборонительных работ, где это признано необходимым; б) содействие военной власти по проведению мобилизации и расквартированию войсковых частей; в) содействие в выполнении военно-заготовительных работ; г) содействие по поставке в Красную армию продовольствия; д) принятие мер по поддержанию революционного порядка и е) усиление агитационно-политической работы.

IV.

Партийные органы.

Ячейки РКП в советизации. В деле советизации Р. коммунистическая партия играла решающую роль путем посылки как на места, так зачастую и за кордон своих членов, которые, объединившись в ячейки, подготовляли общественное мнение для дальнейшей работы органов Советской власти. Каждый член РКП в армии и вне армии был активным деятелем в деле организации и упрочения советских аппаратов.

В любой местности, на фабрике и в селе, где есть хотя бы три коммуниста, образуется ячейка. Эта ячейка и является основой партийного строения. Все ячейки, которые находятся в одной волости или районе, объединяются вместе и образуют волостную или районную организацию.

Уездные и губернские комитеты.

Затем эти организации объединяются в уездные, губернские, областные и, наконец, Центральный Комитет партии. Высшей властью во всей партии является Всероссийский съезд партии, созываемый раз в год. Само собой разумеется, что ячейки за кордоном ведут свою работу подпольно; с освобождением территории таковые являются первыми организаторами Советской власти.

В общем вся работа по советизации проходила под знаком коммунистической партии и члены таковой, в силу партийной дисциплины, шли безоговорочно туда, куда им указывала партия, хотя бы на самый тяжелый труд, зная, что этим они служат великому делу освобождения человечества.

V.

Взаимоотношение и связь органов гражданского управления с органами военно-политическими.

Взаимоотношение политотделов Красной армии с Главполитпросветом и его местными органами.

В условиях военной обстановки большое значение имели органы военно-политические, как первые организаторы Советской власти на местах. Естественно, что все сформированные органы гражданского управления зависели от политических органов Красной армии не потому только, что нужно было подчиниться условиям боевой обстановки, а главным образом, потому, что все эти гражданские органы управления не были сколочены еще борьбой за Советскую власть и в большинстве случаев были, если можно так выразиться, „небоеспособны“. Военно-политические органы являлись органами временными на данной территории и исполняли роль как бы инструкторов для местных товарищей по организации советов.

Регулярная же работа по советизации всецело ложилась на местные партийные и специально созданные органы.

В последнее время вся работа, носящая агитационно-пропагандистский характер, возложена на Главполитпросвет и его местные органы.

Главполитпросвет руководит политико-просветительной работой во всей стране, следовательно на его обязанности лежит и работа в только-что освобожденных от пр-ка местностях.

В дальнейшем мы увидим, насколько широки задачи Главполитпросвета.

В своей деятельности пуокры и пуармы руководствуются положениями и инструкциями, издаваемыми Главполитпросветом совместно с Пуром, и ведут работу на местах через политотделы соответствующих дивизий, бригад и отдельных частей. Политико-просветительная работа военно-политических органов Красной армии согласуется на местах с деятельностью губ и уполитпросветов, что на театре военных действий за время гражданской войны пока не имело места.

Взаимоотношение политотделов с партийными организациями.

Пуфронты, поармы и подивы, строго соблюдая установленный в военно-политических органах порядок руководства от Ц. К. через Пур, пуфронт и т. д., в то же время свою работу в деле советизации ведут в контакте с соответствующими парткомами, на территории которых действуют их войсковые объединения.

Местные партийные организации не могут отменять постановлений и распоряжений политотделов по вопросам партийной и политической работы в частях Красной армии.

Члены ком'ячеек воинских частей принимают равное с местными ком'ячейками участие во всех партийных собраниях, конференциях, выборах и пр.

Зависимость органов советизации от войскового командования.

Несмотря на такое обилие органов административного гражданского управления и органов военно-политических, все же весьма трудно было их организовать сразу и наладить правильное функционирование местной жизни.

Даже при организации указанных органов, таковые не могли справиться с контр-революционной работой пр-ка и мы видим, что обыкновенно вся власть в полосе недавно освобожденной местности принадлежала тому войсковому командованию, которое оперирует войсками на этой полосе. Отсюда вытекала некоторая зависимость всех органов гражданского и военно-политического управления от войскового командования.

Работа по советизации лучше всего шла там, где была хорошо налажена обоюдная связь военного командования с гражданскими органами.

Примеры работ органов советизации.

Наилучшая и тесная связь с гражданскими организациями была достигнута на Западном фронте. Тесная связь политических органов армии с партийными кругами Западной области объяснялась тем, что на руководящие посты в армии назначались члены областного комитета Западной области

Армия самым усиленным образом взялась за строительство Советской власти и быстро проводит организацию „Ревкомов" уездных и волостных в 13 ти уездах Гомельской, Витебской и Минской губерний. „В такой „Ревком" по общему правилу включалось не менее одного ответственного военного политработника в качестве представителя соответствующего войскового соединения, бригады или дивизии.

Помимо этого, для усиления работ „Ревкомов", в декабре 1919 г. было выделено 50 человек политработников и спустя некоторое время еще 48 работника.

Бывали, конечно, и трения с местными органами гражданской власти, но сколько-нибудь серьезного характера они никогда не носили и быстро изживались; несколько хуже обстояло дело в смысле сов-

местной работы органов военно-политических с войсковым командованием. Но и эти трения не имели особенно серьезного значения.

VI.

Заключение.

Не взирая на то, что работа по советизации в общем шла дружно и успешно, необходимо все же признать, что часто бывали серьезные перебои в результате отсутствия тонкой согласованности между органами, которые вели эту работу.

Согласованность может быть достигнута только лишь путем единого руководства всеми органами советизации, чего у нас, к сожалению, не было. Такое руководство может быть осуществлено через начальника тыла.

Обязанности начальника тыла можно было бы сосредоточить в руках комиссара дивизии (для дивизии) и в армиях и фронтах в руках одного из членов Реввоенсовета. Возложение означенных обязанностей именно на этих лиц желательно по двум причинам: во-первых, эти лица пользуются безусловно авторитетом и политически вполне подготовлены, а во-вторых, им придется больше всего работать по устройству органов советизации и самим вести таковую. Для осуществления своей работы н-ку тыла вовсе не нужно создавать никакого аппарата, ибо он может вполне пользоваться имеющимся. Что же касается его обязанностей в этой области, то они представляются в следующем виде:

а) общее руководство работой по созданию органов гражданского управления на территории оперирования его войсковой части и руководство работой органов военно-политических;

б) борьба с бандитизмом (не только путем уничтожения живых сил, но и путем мер предупредительных, как-то: обуздывание местного враждебного населения, привлечение на сторону советов колеблющихся и т. д.);

в) улаживание конфликтов с местным населением и организациями;

г) содействие в изыскании и продвижении питания фронту и

д) эвакуация всего ценного.

С. Спильниченко.

Роль классового элемента в армии.

„История до сих пор была борьбою различных классов между собою".

Карл Маркс.

Армия—отражение государственных идей, их носительница.

Всякая армия—это благоустроенная и вооруженная сила, имеющая целью защиту чести и интересов своего государства, охранение его границ и сохранение внутренней его безопасности. Поскольку у аппарата государственной власти стоят представители определенного класса общества, постольку государству этому присуще соответствующее определение (военное, олигархическое, буржуазное, капиталистическое, пролетарское). Государство есть орудие подавления враждебных ему элементов общества и общественных группировок, следовательно, оно должно обладать армией, чутко охраняющей его интересы.

Армия—это мышца, сжимающая в стальной кулак пальцы полков по первому приказу государственного мозга. Она, являясь носительницей идеи данного государства, неминуемо должна отражать эту идею в себе, как в зеркале. И чем чище поверхность отражения, чем однороднее состав отражающей массы, тем ярче и правдивее кажет нам свое истинное лицо государственная власть. Рассмотрим зависимость между изображением и сплавом той отражающей массы, которую мы называем армией.

История военного искусства изучает целый ряд эпох, и каждая из них имеет огромное научное значение. Времена наибольшего упадка военного искусства так же поучительны, как и времена наибольшего его развития. Только изучая те и другие, можно уяснить причины, способствовавшие развитию военного искусства или его падению.

Древний мир. Индия.

Древнейшие воинские организации мы встречаем впервые в Индии и Египте. И там и здесь организации эти были кастовыми. Тесный круг индийских князей и их приближенных, составляя аристократию своего времени, держал в руках меч страны. Постепенное вырождение, вызванное ограждением своей среды от лиц другого круга, сделало мечи слишком тяжкими для ослабевших рук касты, и мы видим бодрые, живые, жадные к наживе наемные рати ассирийцев, вавилонян и мидян—выбивающими индийский меч из рук одряхлевшей касты.

Египет.

Египет обладал также кастовой организацией во главе с фараоном. При всем могуществе и процветании, при всей

внешней силе кастового устройства, лень и распущенность, страсти и пороки превратили фараона и его сподвижников в изнеженного владыку с громадным штатом наместников и царедворцев. Войска стали наемными (явление характерное для многих народов); мощная организация с вековой культурой быстрыми шагами шла к упадку. В войсках не было идеи, за которую они могли бы сознательно бороться; привольная жизнь, оторванность от народных масс, благополучие которых они были наняты защищать,—все это было слишком далеко от мысли о самопожертвовании. Сердце билось отдельно, мозг был оп'янен роскошью жизни, и мышцы народа Египта—его армия—ослабели. В результате—покорение Египта персами в 525 году до Р. Х. в битве при Пелизиуме.

Персы. Из всех древнейших народов Азии и Африки более всех замечательны были персы. Они основали громадную монархию, имевшую в свое время мировое значение. До Кира это был немногочисленный народ, подвластный сначала ассирийцам, а затем Мидийскому царю. Они отличались простыми и суровыми нравами. Право носить оружие и заниматься войною принадлежало высшему сословию, подготовленному к военному делу с малых лет и отличавшемуся физической выносливостью и отвагой.

Эти „благородные", составляя отборную часть персидского народа, отличались высокой преданностью своим повелителям, были пропитаны до мозга костей идеей освобождения от власти поработителей, и составляли по тому времени превосходное войско. Первое военное столкновение древних времен, в подробностях дошедшее до нас,—это битва при Фимврах в 548 году до Р. Х., в которой Кир Персидский с 196000 своих войск на голову разбил 420000-ную армию Мидийского царя Креза и доказал, что меньшие силы, но об'единенные чувством долга, подготовленные к войне и хорошо руководимые, побеждают огромные массы, подгоняемые кнутом.

По мере завоеваний, это войско было усиливаемо войсками побежденных народов и составило ядро вооруженных сил Персидской монархии. Теперь персы обладали могучей армией, состоявшей как из постоянных войск, так и наемников. Непомерное увеличение этих сил имело неизбежным следствием понижение качественной стороны войск. Усвоив отрицательные стороны иностранных народов, войска мало-помалу утратили прежние доблести и, теряя воинственный дух, дошли до того, что в период 500—450 г.г. до Р. Х. уже не могли состязаться с греками, несмотря на свое численное превосходство.

Греция. Греки, заимствовав военные учреждения у Востока, сообщили им резкий отпечаток своей народности и с течением времени усовершенствовали их. Народные войска греческих государств, составленные из свободных граждан, одушевленных любовью к родине и отлично приготовленных к исполнению обязанностей воинов общественным воспитанием, стояли неизмеримо выше современных им персидских войск. Поэтому они одержали верх над пер-

сами и остановили их продвижение в Европу. Однако успехами своими не воспользовались, в виду особенностей своей политической структуры.

Страна, пересекаемая по разным направлениям непроходимыми горными хребтами, создала ряд отдельных государств. Она представляла собой два или несколько союзов таких государств с гегемонией одного из них. Степень богатства и внутренний склад этих государств зависел и от географического положения их городов. Нам известны богатые, художественные, сильные, кипящие философами, математиками и писателями Афины, расположенные на прекрасных торговых путях и замкнутая, хмурая, грубая, воинствующая Спарта—окруженная горными хребтами с севера и бурными морями с юга и запада. Главною болезнью Греции было отсутствие единства и сильной центральной власти, которые сделали бы ее устойчивым политическим органом и направили бы ее силы на защиту независимости и действительных интересов страны.

По солоновским реформам все население дробилось на 5 классов: 1) пентакосиомедимны, т.-е. люди, имевшие состояние 500 медимнов (мера), 2) обладающие 300 медимнами и т. д.

Это отразилось и на организации армии: 1-й класс поставлял гоплитов—тяжело вооруженную пехоту и всадников, с дорого стоющим вооружением, 2-й класс давал среднюю пехоту; остальные легкую и отдельные команды.

Я далек от мысли верить наивным легендам о Солоне, мудреце древности, и склонен полагать, что от Солона во всей этой потемневшей от времени истории осталось не больше имени. Все же это классовое деление произошло в результате ожесточеннейшей борьбы нового—появившегося из старых родовых племен—первого класса богатых землевладельцев за власть над другими классами. Отсюда—необходимая, острая нужда в армии, и армии ярко классовой, армии чисто национальной. Теперь, пожалуй, станет ясно, почему греческая фаланга при Платее разбивает персидские полчища. Здесь дело даже не в способностях полководца, так как ему негде было применить свое искусство: бой фаланг применялся на открытой местности и был чрезвычайно непродолжителен. Исход боя зависел исключительно от доблести воинов. Пелопонезские войны—войны междоусобные, истощающие, поведшие к духовному разврату в войсках. Так происходило превращение народных войск в наемные, что сильно понизило их качество. Причина всего этого кроется в беспорядочности политической организаци всей Греции вообще и отдельных греческих республик в частности. Греция была каким-то многотуловищным организмом, ничем не возглавленным.

Македония. В 338 году Филипп Македонский при Херонее бьет греков и образует Греческий союз под верховным своим предводительством.

Варварская, полудикая, с патриархальным бытом страна, с национальным крепким войском, бьет разрозненные изнеженные Афины, Спарту и Фивы. После этого естественно воскресает заснувший греческий дух, пробужденный новым ядром—македонской армией, которая стала центром здорового Греческого Союза. Македония направляет все силы соединенной Греко-Македонии на Персию. Интересно отметить теперь состав войск великого македонца. Начал создание новой греческой мощи Филипп. Продолжал и закончил его сын Александр. Они оба усовершенствовали греческую фалангу, сделали ее гибким, способным к маневру строем. Они создали постоянное национальное войско. Но, в связи с продвижением в глубь завоевываемых стран, возникал вопрос о комплектовании, о пополнениях в убыли. Родина была далеко, а время чрезвычайно дорого. Армия начала пополняться частями войск завоеванных областей, наемными войсками, стала разбухать. Все то же и то же явление: увеличение количества влечет понижение качества. Тут с'ыграл свою роль блестящий организаторский талант великого полководца. Он отделяет от массы своей армии рафинированные, не тронутые еще смешением части, составляет из них гвардию, которая является отборной частью его армии. Вокруг нее нарастает вся остальная масса его войск. Гвардия составлена так:

1) тяжелая конница (всаднический класс)—15 илосов по 200 коней каждый;

2) тяжелая пехота 12000 человек (1 и 2 классы);

3) средняя пехота 6000 человек (3 и 4 классы) и

4) легкая пехота.

Отметим здесь же, что конница составляет значительную часть ($^1/_7$) этой небольшой армии.

Соответственно количеству, гвардия эта строилась:

конница в 4 шеренги, тяжелая пехота в 16 шеренг, средняя пехота в 8 шеренг, легкая же пехота действовала врассыпную, впереди фронта армии, или в интервалах. Если даже бегло просмотреть таблицу этой отборной части греческих войск, то можно заметить, что подавляющее большинство воинов гвардии—имущий класс, представители крупных землевладельцев и аристократии.

С разложением Македонской монархии, с падением общих государственных интересов, громадная армия македонян начала быстро распадаться и разлагаться. Чувство классовой солидарности угасает даже в рядах гвардии, и на смену ей является ремесло, солдатчина в худшем смысле этого слова.

Рим. Между тем на западе появляется новый великий народ, блестящих военных способностей, одушевленный любовью к родине и в нравственном отношении превосходивший македонян, не говоря уже о народах Востока. Даже те чисто военные строи, которые применяли римляне, были чрезвычайно характерны для этого молодого энергичного народа. Греческой фаланге они противопоставили римский легион,

обладавший прерывчатым, боевым порядком в несколько линий, доставлявших взаимную поддержку друг другу.

Насколько характер тактики греков был пассивен, настолько же активна была римская тактика. Весь секрет заключался в участии в войске не всего народа, а некоторых общественных групп.

В древнем Риме воинская повинность имеет характер милиционный. Римляне—вооруженный народ-гражданин.

При опасности на площади собиралось войско—армия и выступало в поход. По миновании надобности легионеры отпускались. Каждый чувствовал себя гражданином. Уходя в поход, он знал, что сам от этого получит большую прибыль.

С распространением римского владычества, Сервию Туллию пришлось разделить население на 6 классов, в зависимости от годовой доходности граждан. Занимать в армии почетное место легионера, носить это имя—синоним гражданства, мужества и воинской доблести, быть одним из почетнейших граждан великой страны имели право только первые 5 классов, при чем первый, самый богатый класс разделялся на столько центурий, сколько их было во всех остальных, а потому и выставлял воинов более, чем другие, в том числе и конницу. Так как право занимать государственные должности предоставлялось лишь прослужившим 10 лет в пехоте или 5 лет в коннице (время походов засчитывалось вдвое), то ясно, что богатые имели преимущество. Сделаем и здесь соответствующий вывод: римская армия была, как никакая другая древних стран, ярко выражена своим классовым элементом. Граждане от 17--46 лет (juniores) зачислялись в д. армию, от 46—60 (seniores) в резервную армию. Классовая рознь подчеркивалась еще тем обстоятельством, что совершенно не имели права служить в армии рабы, вольноотпущенники, банкроты. актеры и ремесленники. Право служить в армии было, как я уже указывал, весьма почетным правом, и обнаруженный в легионе раб, случайно попавший на службу в легион, предавался казни.

За военные и государственные преступления лишались права военной службы не только отдельные лица, но даже целые отряды, города и области.

Впоследствии эти законы, обеспечивавшие комплектование армии наиболее надежными людьми, под влиянием обстоятельств изменились. Сначала военная повинность распространилась и на 6-й класс населения, потом на вольноотпущенников и рабов. При Марии вербовалась городская чернь, а в период упадка Рима армия комплектовалась наемными варварами.

Военное дело перестало быть правом и обязанностью каждого гражданина, а сделалось более или менее прибыльным ремеслом. Патриотизм исчез, уступая место корыстным целям. Легионы Рима сделались легионами политических партий и предводителей (М. Антоний, Ю. Цезарь). Отчуждение армии от народа тотчас же отразилось и на ее качестве в смысле ухудшения.

Действительно, с расширением границ Римской империи римские граждане потеряли склонность к военной службе, пользуясь богатством и правом занимать правительственные и административные места. Кроме этого, число граждан увеличивалось, а боевые качества их, а значит и легионов, ухудшалось.

Создались условия, способствовавшие отдельным лицам захватывать власть. Но в виду отсутствия у этих лиц каких бы то ни было прав на власть, добыть которую они могли, имея у себя за плечами лишь армию, они не брезгали принимать и таких лиц, которым не было места в прежних легионах. Таким образом, ухудшался состав римских войск в моральном отношении Быть воином не считается уже священной обязанностью и правом римского гражданина, но составляет удел беднейшего класса населения, идущего в армию ради личных выгод. Войска стали комплектоваться наемными варварами, контингент которых значительно увеличился (при Грациане (374—383) и Феодосии Великом (378—395) они занимают уже посты военачальников и полководцев).

В последние 30 лет существования Римской империи (425—455) от Валентиана III до Ромула-Августула (475-476) исключительно варвары составляли римскую армию, а главные их начальники, тоже варвары, приобретали подчас даже решающее значение в государственной и общественной жизни, Чем же об'яснить падение такой армии? Да тем, что не было в ней ничего связующего; не было ничего, что могло бы мощно слить в одно целое разнообразные массы войск.

Их составляли люди, которым до правительства никакого дела не было. Вне классов, иногда подонки—они были чужды идее о государстве, и служили исключительно ради выгод.

Результат налицо: Римская империя пала под ударами варваров.

Итак, в какую бы сторону ни посмотрели от Индии и до Рима, на всем протяжении седых веков, всюду мы можем увидеть процветание армии при наличии кастового или классового интереса. Падению армии, а вместе с нею и крушению самих государств в значительной мере способствовали упадок в армии классового интереса к войне и отсутствие классового элемента в такой армии.

Средние века. Средневековье интересно тем, что в этот период образуется типичнейший класс, которому суждено было играть выдающуюся роль не только на протяжении средних веков, но и в последующие столетия вплоть до наших дней,—класс крупного дворянства, помещиков феодалов. Западная Римская империя пала, будучи не в состоянии вынести напор переселения народов, преимущественно германского происхождения. В то же время и Восточная империя переживала крупные потрясения. Среди Геркулесов, потрясавших отживающие устои Востока, видное место принадлежало славянам. Европа разделилась на 2 части: Восток и Запад.

Германия. В складе древне-германского общества заключались все элементы социального неравенства, которое приняло резкие формы впоследствии. Собственно народ, в настоящем смысле этого слова, составляли лишь свободные люди волостей; кроме них были еще „дворовые" люди или рабы и оброчные.

Каждый свободный пользовался правом ношения оружия. Это право давало ему право на владение землею. С этим же правом оружия соединялось и право возведения укреплений. Но подобные укрепления, служившие опорой его личной безопасности, были в то же время и опорным пунктом волости или даже племени, к которому он принадлежал, являясь, таким образом, достоянием народной обороны. Вообще право оружия соединялось со всеобщей воинской повинностью, от которой освобождались лишь старики и дети. Поэтому германское племя называло себя войском. Призыв воинов под знамена для наступательной войны совершался, когда война эта являлась следствием общенародного собрания. Из всех свободных людей составлялось народное ополчение. Предводителем был герцог или полководец, избираемый на время войны из числа храбрейших и опытнейших воинов и, преимущественно, из наиболее старых родов—эделингов, „благородных". Звание герцога в то время не было равносильно этому званию впоследствии, которое незаметно перешло в королевское достоинство.

Воинственный дух германцев положил начало дружине того или иного вождя или героя, так-называемого geleit, нечто в роде свиты, которая служила своему вождю и в мирное время. Свита получала содержание и оружие, увеличивала блеск его славы, была обязана воевать с вождем и защищать его. За это ей уделялась часть добычи. Иногда, имея в виду какое-нибудь важное предприятие, несколько таких geleit-ов соединялись под предводительством одного герцога, составляли новый союз и получали название или по месту своего пребывания (маркоманны—пограничные люди) или от своего оружия, как лонгобарды (Langen Barden—длинные копья) и т. д.

Аллодиальная система и бенефиции. При покорении края, одна часть добычи выделялась предводителю, а другая делилась между воинами сообразно их заслугам, по жребию. Подобный участок поступал в потомственное владение дружинника и назывался аллодом (Loos allezo—общий жребий).

Величина этих участков зависела от заслуг воинов и не была одинакова. Во главе каждого города с его округом у франков стояли графы, которым подчинялись викарии и сотники, командовавшие сотнями свободных людей. Несколько графств подчинялись власти герцога. Военную службу несли туземцы, обладавшие определенным имуществом. Король был военной главой народа, но не мог вести войны без его согласия. В случае войны, созывали воинов и предупреждали графов.

На войну шли не все викарии, а только те, которых назначал король. Только в случае серьезной опасности со стороны вторгнувше-

гося врага, все поголовно призывались к защите, а король обязательно становился во главе своих войск. Часто действия таких армий были неудачны, вследствие отсутствия дисциплины в войсках, отличавшихся буйными нравами, жаждою грабежей и раздорами между графами.

Таков был порядок вещей, установившийся при аллодиальной системе и не налагавший на их вадельцев никаких обязанностей, кроме службы в военном ополчении и по народному решению.

С течением времени, наряду с аллодиальной системой, является система бенефициальная—система временных пожалований, существенно отличавшихся от прежних аллодиальных наделов. Короли жаловали бенефициями лиц, особыми заслугами отличившихся перед ними. и этим путем увеличивали число обязанных им особой службой и верностью, дававших королям клятву в последней.

В это сословие дружинников поступали как свободные, так и несвободные люди. По примеру королей, многие знатные люди раздавали бенефиции и приобретали дружинников. Между владельцами бенефиций и лицами, раздававшими их, установились отношения, сводившиеся к так-называемому с е н ь о р а т у. Владельцы бенефиций обязаны были по призыву своих сеньоров являться во всеоружии. По отношению к сеньорам владельцы бенефиций назывались в а с с а м и, вассалами и свободными подручниками или арьер-вассалами. Вассы являлись на службу с известною свитою, вассалы служили лично, а арьер-вассалы подчинялись не только личным, но и материальным обязательствам. Позднее вассы стали также называться вассалами.

На такой системе сеньората и бенефиций основывалось военное устройство во времена Каролингов. Сначала, когда короли владели обширными земельными участками, раздача бенефиций содействовала усилению их власти. Далее богатейшие аллодиальные владельцы, увлекаемые жадностью к приобретениям и возможностью получения бенефиций, поступали в вассальную зависимость от королей и, став близко к ним, занимали первые места в народе. Вообще все правление стало выше свободных людей, обыкновенных свободных граждан. Скоро аллодиальные владельцы исчезли в массе вассалов, а короли сделались независимыми от народа.

Ленная система. Но каждая медаль имеет и свою обратную сторону. Королевские чиновники и суды потеряли всякую связь с народом и участками, пожалованными в виде бенефиций, владельцы которых—вассалы короля сделались неограниченными повелителями принадлежавших им имуществ, в состав которых входили и люди. Короли же, раздарив все свои земли, не имели более средств удовлетворять дальнейшие требования л е й д о в, которые, видя, что с короля нечего более взять, начали отказывать им в повиновении и прибегали даже к вооруженному сопротивлению. Следствием таких обстоятельств явилась борьба между королями, с одной стороны, и будирующими вассалами — с другой, которые при преемниках Карла Великого

настолько властно предъявили свои требования, что короли вынуждены были около половины IX в. (843 г.) допустить пожизненные вечные владения, а в 888 г. признать наследственность бенефиций. С этих пор владения вассалов являются уже не бенефициями, а ленами или феодами и бенефиц. система превращается уже в феодальную. Герцоги и графы, бывшие при Карле Великом только королевскими чиновниками и обязанные призывать прежде воинов на службу короля, сделавшись сами королевскими вассалами, стали во главе ополчения и призывали уже на свою службу как подручников, так и второклассных вассалов и бывших лейдов, признавших их сеньорат. Из числа первоклассных, т.-е. королевских вассалов, маркграфы (пограничные), пользуясь отдаленностью своих феодов и предоставленной им широкой властью, постарались отторгнуть свои области и обратить их в самостоятельные мелкие государства. За ними пошли и другие королевские вассалы, присвоившие себе почти все аттрибуты верховной власти, включая и пресловутое Dei gratia. Всюду обнаружилось стремление к раздельности, а королевская власть потеряла прежнюю силу настолько, что теперь король с трудом удерживал за собой звание primus inter pares. Таким образом создавался класс крупных помещиков-феодалов, которые, предоставляя земельные угодья своим дружинникам и крестьянам, в течение долгого периода имели в своих рядах людей, хотя и не принадлежащих к помещичьему сословию, но защищающих его классовые интересы, так как защита эта связывалась с некоторым. Как уже было указано, феодалы фактически владели всеми землями королевства, и короли постепенно теряли свою силу.

Графы и сеньоры, от которых зависел призыв свободных людей, из корыстных побуждений разрешали за выкуп богатым оставаться дома, а призывали неимущих. В то же время громадные штрафы короля за неявку на службу заставляли свободных владельцев искать помощи у сеньоров и, таким образом, число свободных людей уменьшалось. В этот период вся военная система основывается на ленах, и верховной власти пришлось отказаться от призыва общего ополчения, а в случае надобности, обращаться к вассалам, занимавшимся исключительно военным делом, приобретшим большие навыки в искусстве владеть оружием, привыкшим управлять массами.

Чем слабее становилась императорская власть, тем больше интересы мелких государей-феодалов шли вразрез с обще-имперскими интересами, и все труднее было заставить подняться на войну князей и имперских вассалов. Они стали требовать наград за свою службу, а при таких условиях выгоднее была наемная армия, которая и получила право гражданства на ряду с ленными войсками.

Наемные войска пополнялись обедневшими свободными людьми, беглыми крепостными и военными ремесленниками.

Они умели драться, повиновались тому, кто их нанимал (но до тех пор, пока им исправно платили, в противном случае они грабежами восполняли свои убытки, часто разоряя и истощая страну).

Чего-нибудь, что было бы похоже на класс, здесь искать не приходится. В конечном итоге наиболее сохранен был воинский дух все же в феодальных классовых войсках. С развитием феодальной системы войско уже не было народным, как в древних общинах Германии. Военное звание стало принадлежностью богатого являвшегося на службу сюзерена на коне и закованного в броню, — появилось рыцарство.

Рыцарство и города. Историческая и классовая роль рыцарства заключалась в единении дворянства всех западных стран. С другой стороны, горожане, защищая свои интересы, состоя главным образом из ремесленников, организовывали свои войска в противовес феодальным. Здесь сталкиваются два классовых интереса, и мы можем наблюдать неутомимую борьбу в течение столетий городов с феодалами. Борьба ведется долго и упорно. С одной стороны выступает класс крупного дворянства, с другой — только что народившийся ремесленник, вчерашний крепостной. Против феодальных лат рыцаря выступает выставленный и снаряженный городом генуэзец арбалетчик, пробивающий рыцарские латы; город организует пехоту, успешно борющуюся против железной конницы феодалов; город завоевывает положительные симпатии крестьянских масс, средства к жизни прежде давала земля, теперь ему стали необходимы и изделия города, которые деревня не производила. Феодал начал обременять крестьян денежными оброками. Крестьяне жгли поместья и земли, подвергая все разрушению и уничтожая документы на право владения землей.

XI век — век развития средневекового рыцарства, крестовых походов, борьбы империи с папством и полного развития сеньорального землевладения и феодального порядка. Замки и города, поместья и лачуги около них—все это владения князей, графов, сеньоров, дюков—фактических государей, независимых друг от друга, только на словах признающих над собой власть императора Германии, короля Франции, Англии или Польши, в зависимости от того, где расположен их замок или поместье. Некоторые владели поместьями в различных государствах и подчинялись в зависимости от выгод то английскому, то французскому королю. Так было во время Столетней войны Франции и Англии, когда сеньоры—князья и графы титуловались то по французским, то по английским поместьям, то объявляли себя фактически независимыми от тех и других. Так поступали герцоги бургундские и нормандские во Франции, короли чешские и герцоги баварские по отношению к Германскому императору; литовские бояре в спорах королей Польских с Московскими великими князьями решали вопрос, кем им быть—англичанами, французами, или немцами, поляками или русскими, в зависимости от соотношения сил борющихся противников и экономических выгод переживаемого момента.

С течением времени во всех государствах стал чувствоваться острый недостаток в правильно организованной пехоте и Франсуа I эдиктом 14/VII 1534 года приказывает сформировать по „римскому

образцу“ 7 легионов по 6000 человек. Это учреждение было по существу тем же, чем и вольные стрелки, но и оно положительных результатов не дало. Легионы комплектовались из общественных подонков, а симпатии широких народных масс были совершенно не на их стороне, так как крестьянство не видело для себя никаких выгод служить королю.

Конец XV и начало XVI веков знаменуется созданием более или менее правильно организованной пехоты во всех почти европейских странах. Однако новая пехота не была национальной и не давала возможности судить о могуществе государства, на-страже которого она стояла, так как лучшие ее войска—швейцарцы и ландскнехты были наемниками.

Швейцарцы. Несколько слов о швейцарцах. Яркие классовые враги феодалов, отчаянно боровшиеся за свою экономическую независимость, лучшие сыны вольных городов, превосходные стрелки, из ярко классового элемента превратились в бесцветных деклассированных наемников под влиянием личного благополучия.

Наемники. Господство наемников в массе вызывалось: 1) социальными причинами (получил начало ростовщический капитал, зародился вместе с тем торговый; ремесленники—будущий организованный рабочий класс — были заняты своими ремеслами, служили неохотно и плохо), 2) недостатком средств у владетельных лиц, 3) недоверием последних к народным массам и 4) недостаточным могуществом и даже слабостью центральной власти.

Значительная политическая раздробленность западно-европейских государств, как наследие феодальных времен, недостаточная устойчивость верховной власти, скудость финансов и другие обстоятельства были причинами того, что военное устройство государств в течение 30-летней войны находилось почти в том же состоянии, что и в переходную эпоху. Постоянных правильно организованных войск почти не было. Во Франции в 1610 году было 141.000, в 30-летнюю войну 281.000 постоянного войска, но пополнялось оно вербовкой, равно как и гвардия государей и отчасти гарнизоны крепостей в других государствах. Моральные качества таких армий не могли быть высокими, потому что солдат-наемник сражался ради денег и добычи, а внутренняя подоплека дела, за которое он стоял, его не касалась. Армия была внеклассовая. Из этого цикла армий несколько выделялась только одна—шведская, бывшая в значительной своей части народным войском, а потому и имевшая решительное превосходство над противником.

Великая Французская Революция. Всякое правление, каждая система управления имеет две жизни—экономическую и политическую. Когда в экономических отношениях назревает перелом, старые политические формы еще живут и дряхлеют. Чтобы возродить к утраченной жизни такую страну, освободить ее от мертвых форм, глушащих ее жизнь и мысль, являются на арену новые силы, происхо-

дят большие потрясения—совершается революция и страна оживает. Так было во Франции в 1792 году. После того, как образовалась армия Конвента, состоявшая из освобожденного крестьянства и нового молодого и сильного 3-го сословия, мы имеем возможность проследить, какую яркую роль сыграл во французской революционной армии классовый элемент: 1) он разнес швейцарцев-наемников—лучшую пехоту того времени, 2) сумел отстоять революционные завоевания от попыток реакции и коалиции и установить status quo, 3) крестьяне и буржуазия дали лучших своих сыновей в армию Наполеона, который победоносно прошел всю Европу. Заметим кстати, что до войны с Россией Наполеоновские войны носили оборонительный характер против реакции. Это воевали интересы мелкого крестьянства и нарождавшегося торгового капитала за свое право жизни. Но как только французская нация почувствовала тяжелую руку Императора Наполеона, его кодекса, его установлений, как только оборонительная война Франции против реакционных сил коалиции начала принимать наступательный характер, тотчас ярко выразилось настроение масс и, в связи с этим, крестьянство и буржуазия отошли от Наполеона. Конец известен. Если стать по ту сторону Франции и наблюдать настроения в войсках коалиции, то увидим, что при неизмеримо лучшем вооружении, снаряжении и снабжении, армия ее успехом не пользовалась, так как рабы шли против свободных людей. Защищать же чужие интересы у рабов этих, очевидно, охоты не нашлось.

1870—1871 г.г. В эпоху сильнейшего развития торгового капитала при Наполеоне III Франция экономически цветет. Колониальные войны дали ей Канаду и другие мощные торговые базы. Крестьянство и ремесленники прижаты, крупная буржуазия постепенно накладывает руки на все в стране. Армия — одна из сильнейших в Европе. Комсостав, в противовес идее Наполеона I, состоял из того же Мак-Магона, Бурбаки и др., являвшихся здесь не яркими представителями, ведущими к победе свой класс, а воинствующими марионетками. С другой стороны, идея национального возрождения, объединения Германии, внушила не менее крупной германской буржуазии дать обязательный реванш французам. Она посылает в армию лучших своих сынов, командиры ее—яркие выразители и представители идеи своего класса, энергичные, полные инициативы. Мы видим полный разгром французов и ряд блестящих побед немцев, приведших их через несколько месяцев к стенам Парижа. Чтобы оттенить военную мощь Франции 1870 года, необходимо, пожалуй, отметить, что французская армия вышла на войну без мобилизации. Такова была уверенность в успехе правителей.

В этом примере вы видим, что класс, это—цемент, связывающий в железо-бетонный монолит щебень, песок и железо разрозненных человеческих интересов.

Анализируем наши дни, исторически самые яркие и самые трепещущие из всех подобных во всей мировой истории,—так как они

затрагивают самые жгучие, самые больные интересы всего населения земного шара.

В известном своем „Антидюринге“ Энгельс говорит: „Только такая революция, как французская, которая экономически эмансипировала буржуа и крестьянина, могла изобрести массовую армию и в то же время найти для нее свободные формы движения—военную силу, сумевшую разбить сражавшуюся в рядах союзных войск старую, неуклонную армию, представляющую собой „военный“ слепок с абсолютизма. „В буржуазном обществе государственная власть оторвана от народа. Буржуазная армия — „этот военный слепок с буржуазного строя“—противопоставлена народу, как орудие принуждения в руках буржуазии“.

Новая эра. В Р. С. Ф. С. Р.—государственная власть—это власть самого народа, рабочих и крестьян. И Советская армия —„слепок“ с советского строя, не может быть армией не народной. Она должна быть армией рабочих и крестьян. Между народом и ею нет непроходимых пропастей. Армия и народ в данном случае совпадают. Как характерный пример, развертывающий в полной мере силу классового элемента в армии, приведу следующий случай:

4/VIII—1917 года Московское совещание пригласило все буржуазные партии и группы, которые потребовали полного восстановления власти генеральского состава на фронте, неприкосновенности частной собственности на землю, словом отказа от всех завоеваний революции. Эти же буржуазные партии выдвинули против Керенского—популярного в армии, генерала Корнилова. Когда совещание не привело к желательным буржуазии результатам—последняя решила прибегнуть к оружию.

27/VIII—1917 года генерал Корнилов двинул против Петрограда и правительства Керенского войска. Революция висела на волоске. Классовым сознанием, вернее подсознанием, масса рабочих и крестьян Корниловских полков поняла, что идет удушать сама себя своими же руками, и, поняв это, отказалась драться против своих. Затея лопнула. Революция была спасена. Классовый элемент в войсках сыграл свою роль блестяще.

Выводы. Является вопрос из современной русской действительности: почему белые бывали так сильны в начале своих наступлений и почему, если классовый элемент играет в армии такую роль, они, несмотря на превосходное техническое снабжение, неизбежно проигрывали кампании?

Ответ не сложен. Для ясности осветим вопрос двусторонне: с точки зрения белых и красных.

В настоящую эпоху, при наличии массовых армий, трудно и даже невозможно, при всеобщей воинской повинности, сделать армию классовой от командующего до стрелков включительно. Достаточно, если по своим кадрам она будет классовой. Остальная, зачастую большая

часть, внеклассовая, беспринципная и, в силу своей аморфности, тянется более энергичной и жизнеспособной меньшею частью.

Белые армии вначале обладали не сильным количественно, но мощным качественно составом высококвалифицированных войск. Зачастую мы встречали сплошь офицерские части противника. Красная сторона противопоставила такой организации большую количественно, но слабо, сравнительно, снабженную технически Красную армию с не менее мощными классовыми интересами.

В процессе столкновений сначала Красной армии пришлось терпеть жестокие поражения, но вместе с этим таяла и мощная классовая организация белых. Их войска уже пополнялись внеклассовым элементом мещан и крестьян, как и в Красной армии, не говоря уже о том, что классовые интересы красной стороны более были по душе этой внеклассовой части белых войск, чем буржуазно-помещичьи устремления белых. С этого момента начиналась военная кадриль. С той и другой стороны замечаются перебежки мелкими и крупными частями.

Почему же, все-таки, победа у красных? Да потому, что белые армии разбухали от этого пополнения и разжижали ими свои классовые кадры, а Красная армия этим пополнениям прививала классовое пролетарское сознание, укрепляла и усиливала свой классовый состав. Росли классовые кадры красных войск и бледнели и чахли таковые же белых. Результаты нам известны. Вывод прост: никакое оружие, никакое снабжение не сделают армии такой могучей, как может ее сделать классовый элемент, находящийся в ней самой. И в настоящее время не может быть армии не классовой. В современном обществе обилие классовых группировок не позволяет, разумеется, думать об устройстве армий чисто классовых. Но, поскольку класс в армии морально и количественно преобладает, постольку такая армия может назваться классовой и быть защитницей интересов и носительницей идей того класса, часть которого она собой преставляет.

В. Авсюкович.

К вопросу о моральной подготовке Красной армии при переходе к решительным военным действиям.

Вопрос о моральной подготовке Красной армии при переходе ее к решительным боевым действиям требует особо внимательного, широкого и всестороннего рассмотрения.

Только путем полного учета нашего богатого опыта гражданской войны мы найдем руководящие данные для моральной подготовки нашей армии в неизбежных будущих столкновениях с капиталистическим Западом, этим обладателем мощной, всеразрушающей военной техники.

Старая истина, что успех операции зависит на $^3/_4$ от морального состояния войск, приобретает для нас теперь сугубое значение. В столкновениях ближайшего периода наша слабая военная техника не будет в состоянии конкурировать с техникой империалистических армий, и ее роль сведется в значительной степени только к нравственной поддержке бойцов.

Но надлежаще проведенная перед решительными действиями моральная подготовка должна заполнить недостаток в нашей технике, поставив в противовес таковой на Западе могучее стремление к победе.

Во избежание могущих возникнуть недоразумений, необходимо оговориться, что в настоящей статье не затрагивается вопрос о боевой и политической подготовке войск, проводимой в наиболее сконцентрированном виде в казармах, на „мирном положении“. В нашей военно-политической печати имеется много трудов, посвященных этому вопросу, и всем, конечно, известно, что чем лучше поставлена и проведена эта подготовка, тем прочнее фундамент для дальнейшей работы по созданию большой моральной упругости армии.

Переходя к беглому анализу и оценке нашей работы по подготовке Красной армии в моральном отношении перед решительными боевыми действиями, начнем с характерного момента перелома на Южном фронте осенью 1919 года.

Совершившийся на Южном фронте перелом, принесший с собой полный разгром Деникина, помимо других объективных условий, явился следствием большой напряженной работы.

Для большей наглядности, обрисуем в нескольких штрихах обстановку Южного фронта во время стремительного наступления белогвардейцев.

Изнемогая под ударами Деникинских армий, мы отходили на север, оставив врагу Курск и Орел... Путь нашего отхода был усеян трупами лучших павших в боях товарищей. Мы оставляли орудия и прочую материальную часть.

Состояние духа было апатично-угнетенное. В плохо обмундированных и истощенных массах не чувствовалось веры в свои силы, веры в успех ближайшего будущего.

Ряды коммунистов и других сознательных бойцов, составлявших основу нашей армии, наполовину поредели, и это печально отразилось на общем ее состоянии. Наше поражение было настолько очевидным, что многие товарищи в ту тяжелую осень уже не верили в возможность победы.

Что-же повлияло на решительный психологический перелом?

В чем выразилась работа командования и политотделов его подготовившая?

Прежде всего, основным реальным условием, которое дало возможность приступить в армии к моральной подготовке, явилось то обстоятельство, что темп наступления белых значительно уменьшился, вследствие подтягивания ими своих тылов и пополнений, с одной стороны, и несомненного упадка их наступательного порыва, с другой. Благодаря этому, Красная армия на многих участках, если и не оторвалась совсем от добровольческих армий, то во всяком случае имела перед собой незначительные малоактивные передовые их части, которые не были в состоянии помешать нам остановиться на заранее подготовленных оборонительных позициях. Наши армии укрепляли эти позиции, ведя незначительные стычки.

Пользуясь этой обстановкой, командование и политорганы немедленно приступили к той большой работе, которая, дала нам разгром Деникина.

Быстро и удачно проведенной короткой агитацией мы добились, что в сознании масс укрепилась внушенная им мысль о нашем успехе. Мы определенно говорили, что Деникин нам теперь не страшен. Хотя добровольческие армии нами еще не опрокинуты, и белогвардейцам сданы Харьков, Курск и Орел, но все же успех уже на нашей стороне. Он не является результатом решительных наступательных действий, а выражается в обессиливании и изматывании добровольческих армий. Идя за нашими отходящими армиями на Москву, Деникин все время терпел поражения, наносимые пройденным расстоянием, все более и более отделявшим его от базы.

Мы внушили массам, что силы белых истощены, и поражение их неминуемо Результатом нашего успеха будет полный разгром добровольческих армий и окончательная их ликвидация.

Мы уже задержали Деникина, не пустили дальше его офицерские батальоны, Корниловские и Марковские полки, хорошо

обученные, обмундированные и снабженные. Отсюда, с этого рубежа, после короткой передышки, мы будем гнать белых обратно, очищая захваченную территорию, и окончательно их уничтожим.

Вот первое, что было сделано, и оно, как потом оказалось, имело решающее значение.

Мысль о нашей победе, быстро привитая массам, все время укреплялась в сознании, как-бы заглушив, парализовав развивавшуюся мысль о нашем поражении. Благодаря своевременно и удачно учтенной психологии масс, ей быстро и умело было дано определенное направление, которое имело реальную почву.

Выход угнетенному состоянию, в котором находились массы, был найден. Появилась вера в себя, в свои силы, а в нашей обороне – большая упругость.

Необходимо оговориться, что в данном случае вкратце рассматриваются исключительно те условия, которые были реальной почвой для работы по созданию психологического перелома в армии.

Первый удачный шаг моральной подготовки был сделан, но его необходимо было закрепить, к чему немедленно и приступили.

Путем отлично поставленной агитационной деятельности мы добились решительного перелома в настроениях крестьянства.

Оно стало относиться с большим сочувствием к армии, и атмосфера, окружавшая ее, стала другой. Одновременно было приступлено к удалению неблагонадежного элемента как из рядов армии, так и из среды местного населения, что еще более оздоровило и укрепило армию.

Мобилизованные в центре коммунисты, вливавшиеся в ряды бойцов, увеличивали основной элемент, ядро армии и все более и более укрепляли ее, создавая и поддерживая единство духа и спаянность частей.

Переброшенный с других фронтов надежный, с твердой волей и характером командный состав взял массы в руки, подчинил их волю себе. Благодаря остановке отходившей ранее армии, в части потянулись небольшие пополнения, несколько улучшилось снабжение, а главное, — была достигнута возможность необходимого, хотя короткого отдыха.

На ряду с этим сформированные в течение лета большие конные массы имели успех и явились сильной угрозой тылу добровольческих корпусов.

Имя Буденного моментально облетело фронт, укрепляя в массах сознание нашей победы.

Все это имело колоссальное психологическое значение, переродило и укрепило армию, перешедшую потом в быстрое решительное наступление, которое окончилось полным разгромом Деникина.

Самое главное, что было сделано при подготовке армии, это постановка конкретной задачи. Ясно поставленная политиче-

ская и стратегическая цель вылилась в массах в краткий лозунг, быстро родившийся где-то в глубине их, лозунг понятный им в огромном своем значении, лозунг необычайной силы, толкавший массы на смерть и победы. Это простой лозунг—„даешь Ростов“. Для непосвященных он показался бы странным.

Ниже подробнее остановимся на значении этих простых лозунгов Красной армии, обладавших такой большой силой, стремительно бросавшей наши армии к берегам Черного моря и Вислы.

Вот вкратце описанный пример из недальнего прошлого моральной подготовки войск при переходе к решительным боевым действиям, проводимой в одной из армий на Южном фронте осенью 1919 года.

Другой пример Западного фронта, когда мы готовились в 1920 г. к общему наступлению.

В течение всего июня и начала июля м-цев в 16 армии велась напряженная работа по подготовке войск в моральном отношении. Значительная часть войск армии была сосредоточена в тылу, прикрытая частями, остававшимися на фронте и предназначенными для второстепенных операций. Во всех частях велись усиленные занятия, производились маневры, развивавшие у масс наглядным путем уверенность в своем умении и опытности. Это, с одной стороны, создавало веру в себя и в свои силы, а с другой—командному составу давало возможность еще более взять части в руки, закрепить подчинение их своей воле. В то же время, как и на Южном фронте, шла усиленная агитационная работа среди местного населения, выкачивался неблагонадежный элемент, в части вливалось подходившее пополнение и усилилось снабжение.

Здесь, как и на Южном фронте, был свой интересный характерный момент моральной подготовки. Армии Южфронта пользовались моральной поддержкой с территории, занятой противником, где имелось революционное настроение, а здесь, на Запфронте, моральная подготовка интенсивно велась даже непосредственно из тыла противника. Делалось то, что раньше, например, в империалистическую войну было немыслимым. И эта работа по моральной подготовке из тыла противника имела огромное психологическое значение в массах.

Пробравшись через линию фронта, к нашим частям прбыли товарищ из польской организации коммунистов. Ведя удачную агитацию, он, вместе с командованием и политсоставом, объезжал части армии.

Короткие, но сильные его речи на ломаном русском языке оставляли в массах глубокий, яркий след. Где побывал этот товарищ, там части знали, что за линией фронта есть много друзей, что там свои, жаждущие сбросить господство польских панов, что в большинстве тыл противника поддержит нас, поможет нам в нашей борьбе. Это не только чувствовалось в речах оратора, но было

весьма наглядным, т. к. с массой говорил настоящий представитель большинства польского тыла, насыщенного революционными пролетариями, интересы которых были общими интересам нашей армии.

Помимо этого, скрепляющим звеном проведенной огромной работы моральной подготовки была уже умело выдвинутая конкретная задача. Ясно поставленная политическая и стратегическая цель вылилась в массах армии в лозунг, весьма простой, но рисовавший каждому многое, лозунг, выброшенный откуда-то из самой толщи армии—„даешь Варшаву".

Лозунг этот явился результатом огромной работы, которой было достигнуто ясное понимание необходимости нашего наступления. Только два этих слова „даешь Варшаву" заключали в себе нечто огромное, чего нельзя было ни написать, ни уместить на печатных страницах, чего красноармейцы не смогли бы передать своими словами, но что они сознавали, чувствовали, что было их верой, их силой.

Прежде всего „даешь Варшаву" означало окончание утомившей, нежеланной войны, так как массы знали, что со взятием Варшавы, этого жизненного центра, война будет закончена разгромом польских империалистов. Тогда можно будет уйти по домам, отдохнуть и приняться за восстановление разрушенного хозяйства, за засевы родных полей. В этом лозунге отражались реальные интересы масс.

С другой стороны, лозунг „даешь Варшаву" возобновлял в памяти картины недалекого прошлого: хозяйничавших генералов и помещиков с их прислужниками—урядниками и стражниками, о чем в ярких красках говорили на митингах. Отсюда вытекало большое обострение классового антагонизма, что также поддерживало нравственные силы красных бойцов в их борьбе с насильниками, стремящимися к возврату старого. Так отражалась в нем политическая цель [1]).

Вот что означал простой, несложный лозунг, выкинутый самой массой. В боях, во время нашего наступления на Запфронте, приходилось наблюдать, как среди наступающих, утомленных тяжелыми боями, бессонницей и большими переходами стрелков, несших большие потери, чей-нибудь громкий возглас „даешь Варшаву" производил чудеса.

Словно электрическая искра пробегала по цепи, и утомление преображалось в такой неудержимый порыв, в такое воодушевление, что даже стойкие познанцы не выдерживали нашего натиска и поспешно отходили с позиций, оставляя нам трофеи.

---

[1]) Нужно отметить, что в лозунге Запфронта „даешь Варшаву" отчасти отразился подъем национального чувства, таившийся в мелко-буржуазной части нашей Красной армии. Конечно, проглядывавший иной раз шовинизм давал отрицательные результаты, но здесь вдаваться в разбор этого не буду, т. к. это единственный случай, бывший только на Запфронте. В боевых лозунгах других фронтов национального чувства безусловно не было. Примеч. автора.

Одна из таких картин у меня живо сохранилась в памяти. Мы ведем наступление на одно из небольших местечек, перед которым укрепились поляки. Красноармейцы под сильным огнем противника делают перебежки. Наступление тянется медленно: достигшие складок местности, укрывающих от огня, долго в них задерживаются.

Чувствуется огромная, напряженная борьба, происходящая в душе у каждого: с одной стороны, стремление к победе, с другой—желание избежать опасности, как-нибудь укрыться.

Вдруг из цепи раздается громкий клич: „Товарищи! Смелее! Вперед на Варшаву!"..„Даешь Варшаву", могуче подхватывают вскакивающие стрелки и стремительно бросаются вперед без всяких перебежек. С левого фланга кто-то в это время закричал: „товарищи, скорее! 29 бригада уже гонит поляков". „Ура!" раздается по цепи, и боец становится уже, по выражению Головина, „массовым" бойцом, т.-е. утрачивает свою личность и превращается в индивида толпы, которая стихийно и решительно, не замечая опасности, падающих убитых и раненых, грозно движется вперед.

Точно также 17 ноября 1919 года, во время боев под Курском, в результате своевременно брошенного зажигательного кличалозунга, колеблющееся состояние бойцов, вследствие происходившей в них напряженной борьбы, сменилось огромной энергией, какимто стихийным порывом. Несмотря на глубокий снег и метель, полк выбил численно сильнейшего противника из деревни Долгая Клюква, захватив около двухсот пленных, 50 лошадей с седлами, 4 пулемета, винтовки, снаряды и патроны.

Можно привести целый ряд подобных примеров, известных, вероятно, многим участникам гражданской войны, но на них останавливаться не будем.

Изложенное приводит к выводу, что в армии, приступающей к решительным боевым действиям, лозунги нужны. Достичь таким лозунгом необходимого импульса в массах можно только тогда, когда умелой работой сознание бойца будет целиком, с силой захвачено идеей, когда его моральное состояние будет во власти этой идеи. Затем весь большой смысл идеи должен уложиться в тот или иной короткий лозунг, как бы заменяющий, обнимающий ее целиком, но лозунг удачный, отвечающий строению психики бойца, его пониманию. Подобный лозунг, обнимающий в красноармейском сознании всю великую идею, во имя которой он идет в бой, является тем положительным мотивом, который с достаточной силой овладевает сознанием бойца, чем и парализуется влияние инстинкта самосохранения.

Рождающийся иногда в глубине масс, иногда брошенный сверху, лозунг имеет огромное значение, что показывает нам опыт. Известно, что психическое состояние человека в бою, это борьба двух противоположных стремлений. Одно—победить, для чего необходимо

подвергать себя опасности, а другое, базирующееся на инстинкте самосохранения, избежать опасности. Во время определенного момента, когда эта борьба достигает наивысшего напряжения-кризиса, достаточно напомнить об идее, привлечь, захватить ею внимание, как бы освежить ее силу над массой. Это подтверждает приведенный выше пример действия на красноармейцев во время боя громкого возгласа „даешь Варшаву“.

Сделанные выводы обосновываются данными психологии.

У известного исследователя по психологии Джемса встречается следующее: „Область сознаваемого крайне ограничена, если сопоставить ее с обширной областью внешних воздействий на наши органы чувств и с массой постоянно притекающих извне впечатлений. В сознание попадет только то, на что устремлено наше внимание. Физиологически это объясняется так. Никакое впечатление не может попасть в область сознательного опыта, если ему не удается проникнуть по известному пути в мозговые полушария и вызвать там определенные физиологические процессы.

Когда центростремительный ток проник в полушария и производит там известные действия, другие токи оказываются на время задержанными. Они могут как бы заглядывать из-за дверцы в область сознания, но впечатление, завладевшее в данную минуту последним, вытесняет их обратно.

Таким образом, действие лозунга на психику бойца, еще не вполне захваченную впечатлением опасности, является средством, парализующим влиянием инстинкта самосохранения.

У Головина в его исследовании боя встречается такая мысль: „борьба с отрицательными впечатлениями опасности заключается в том, чтобы внутренним усилием удержать в своем сознании господство идеи победить противника, т.-е. боец должен стараться произвольно направить свое внимание вопреки впечатлениям, со страшной силой ломящимся в область его сознания“. И тут добавим, лозунг, своевременно выдвинутый на сцену, поможет бойцу удержать в своем сознании господство идеи победить пр-ка.

Определения ряда известных исследователей по социальной психологии в общем сводятся к следующему:

Образы, внушаемые толпе, легко ею воспринимаются. Эти образы не всегда имеются в готовности, но их можно вызвать умело подобранными словами. Сила слов иногда не зависит от их действительного значения, а обусловливается только выразительностью рисуемого ими образа. Иногда сильнее всего действуют слова, смысл которых трудно объясним. Этот смысл такой неопределенный, что не хватило бы многих страниц для точного его выяснения.

„Слово не более, как кнопка, которую стоит только нажать, чтобы появился желанный образ“.

Вот как можно объяснить психологическое значение лозунгов, основываясь на данных психологии.

Нечто подобное в отношении лозунгов встречалось в империалистической войне. Во французской армии, например, известное слово „бош“ являлось результатом патриотизма и национальной ненависти. Эта ненависть к завоевателям Эльзас-Лотарингии, десятками лет воспитываемая буржуазией и командным составом, а также разжигаемое стремление к реваншу, выливались в обнимающее собою все это слово „бош“, действие которого на массы было равнозначащим действию наших лозунгов.

Но здесь нужно отметить, что во французской армии магическое слово „бош“ явилось следствием основанной на национальных чувствах и патриотизме моральной подготовки, проводившейся в течение десятков лет.

У нас же сильный лозунг вылился после месячной подготовки, что говорит о чем-то новом.

Все это дает нам основание с твердой уверенностью сказать, что в нашу эпоху социальной революции, всколыхнувшей далеко за нашими пределами пролетариат других стран, буржуазии уже не удастся подготовить психологию масс для борьбы с нами, ибо у нее не осталось почвы для игры на национальных чувствах.

Остановимся еще на одном факторе, оказавшем большое влияние на психику масс. Это борьба с дезертирством, весьма энергично проводившаяся в районе 16-й армии, в значительной степени укомплектованной местным элементом. Комиссии по борьбе с дезертирством действовали в ближайших тыловых районах частей, ведя решительную борьбу со злокачественными элементами.

Действия комиссии были известны широким массам населения и армии, путем опубликования ею своих решений.

Известно, что во всякой армии имеется часть негодного в боевом смысле элемента. Негодность такого элемента заключается не в физических его недостатках, а в моральных. Это люди, в которых резко выраженные животные инстинкты доминируют надо всем. Им совершенно не дается борьба с инстинктом самосохранения, основанная на идеях, чувстве долга и проч. Это дезертиры, именующиеся еще шкурниками и трусами. Их предательские поступки являются заразой, могущей отразиться на состоянии значительной части войск. Определить сущность подобных лиц заранее, с целью их своевременного изъятия, в полном объеме не представляется возможным. Работа комдез является прививкой—психическим воздействием на массы.

Дезертирствующих из частей армии нельзя смешивать с красноармейцами, психика которых не выдержала страшной борьбы, происходящей с каждым во время боя, и они временно уклонились от него. Это может случиться со многими даже идейными людьми. Такие красноармейцы, передохнув и взяв себя в руки, опять боеспособны. Собранные в отдельные команды, да и в одиночку посылаемые на

место боя,—они опять в цепях, опять дерутся. Это известно из опыта войны.

Кроме всего изложенного, как упоминалось выше, нами развивалась у масс вера в себя, в свои силы, путем многих разнообразных приемов. Сюда входили усиленные занятия и маневры, во время которых указывалось на достигнутые ими успехи, что развивало в бойцах чувство мощи.

Для развития соревнования практиковалось торжественное вручение боевых наград с музыкой и речами. Делались указания на то, что противник численностью слабее нас, и на ряду с этим развивалась мысль, что изнеженным „панам“ не устоять против нас—людей труда, развитых и закаленных борьбой. Немаловажную роль играли также известия о наших, хотя и незначительных, победах, сейчас же в ярких красках передаваемых войскам.

Вот, в общих чертах, та массовая армейская подготовка войск в моральном отношении, о которой известно из опыта. Подготовка, проводимая на наших восточном и северном фронтах, насколько мне приходилось слышать и просматривать некоторые материалы, была почти та же.

Как-же проводилась эта работа в более мелких тактических единицах? По существу своему она та же, что и армейская, отличающаяся, с одной стороны, масштабом, а с другой, тем, что в этих единицах командиры уже непосредственно влияют на массы. Поэтому в каждой отдельной части от индивидуальности командира зависят способы подготовки.

Так, например, командиры отдельных частей и меньших организационных единиц пользовались каждым моментом, чтобы еще более укрепить свое влияние па часть, свою силу над массами, крепче их взять в руки. Из личных примеров знаем, что после умело проведенной работы в этом направлении случаи уклонения красноармейцев от боя, случаи паники сводились почти на нет. У красноармейцев вырабатывалось сознание, что встречаться с командиром во время боя где-либо в отдалении от цепей, где он может, объезжая участок, неожиданно появиться, не следует.

Такая встреча вызовет в командире убийственно-презрительное отношение, которое передается бойцам всей части. Кроме того, командир за трусость может арестовать и предать суду, что повлечет суровое наказание. Такую, имеющую большое значение, оценку красноармейцем отношения командира во время боя к трусам нужно искусно привить.

Помимо этого, для поднятия в своей части духа вообще, командир заботится и о материальной стороне. Им принимаются меры к усиленной починке обмундирования и обуви, по возможности добывается новое, устраиваются бани с выдачей чистого белья, дается надлежащий отдых и здоровые развлечения. Всеми правдами и неправдами усиливается питание.

Хотя последнее, казалось бы, является принадлежностью обыденной казарменной подготовки, но если внимательнее взглянуть, станет ясным, что на театре военных действий развлечения необходимы, как средство, отвлекающее красноармейцев от подавляющих мыслей о доме, семье и предстоящих трудностях.

Если к тому принять во внимание прибывающее в часть, к моменту боевых действий, пополнение, станет ясным, что все это также касается нашего вопроса.

Как на один из видов индивидуальных способов подготовки укажем на искусно распространяемые слухи и коснемся значения их.

Приходилось встречать, что известия о прибывшей поддержке или о нашей победе, которые не совсем соответствовали действительности, давали положительные результаты в бою, где уже начинали-было колебаться.

Головин в своем труде „Исследование боя“ по поводу значения слухов говорит следующее: „Толпа, лишенная всяких критических способностей, чрезвычайно легковерна. Невероятности для нее не существует. Этим объясняется необычайная восприимчивость солдата ко всяким слухам в бою“.

Не будучи сторонником этого способа, укажем, что в опыте гражданской войны такие случаи встречались и имели успех и возможно, что в самых крайних случаях, в тяжелую минуту, такой способ допустим.

Есть еще целый ряд примеров, более или менее известных большинству, но ограничимся приведенными и коснемся теперь некоторых отрицательных сторон в подготовке.

Из них прежде всего остановимся на формах агитации. Практиковавшиеся у нас формы выбрасывания в части агитаторов не давали должных результатов, ибо это были казенные формы, и массы чувствовали эту казенщину.

В представлении широких масс такие агитаторы были как бы чиновниками, выполнявшими свои служебные обязанности, которых и слушать так же нужно было по служебной обязанности.

Конечно, были исключения, но они были редкими и зависели от личности.

Гораздо целесообразнее, что доказал нам опыт, вести агитацию изнутри коммунистами, вливающимися в часть рядовыми бойцами, вместо того, чтобы создавать казенных агитаторов.

Затем большим минусом было то обстоятельство, что при моральной подготовке существовало какое-то разделение между политсоставом и комсоставом, чего отнюдь не должно быть. Опять опыт показывает нам, что слово командира взвода, роты или батальонного к своим частям, во время проводимой политсоставом беседы, имело огромное значение, пожалуй, иной раз более, чем вся беседа политработника.

Также при подготовке войск отрицательно отражалось отсутствие авторитета у начальников, которого, к сожалению, зачастую не было у некоторой части командного состава и не было по следующим причинам.

С одной стороны, авторитет как-то умалялся тем, что во время моральной подготовки войск комсостав, не весь правда, но все же значительная часть его, стоял в стороне от политической работы. Это не могло не отражаться на психике к-цев.

С другой стороны, часть комсостава, хотя и принимала участие в политической работе, все же не могла пользоваться у масс должным авторитетом, вследствие отсутствия чисто технических познаний, что значительно чувствовалось кр-цами. Правда, это было прежде, и теперь, если не совсем, кое-где изжито; все же меры к ликвидации этого отрицательного явления принимаются самые решительные.

В вопросе о моральной подготовке огромную роль играет авторитет комсостава, но подробно останавливаться на нем не будем.

Всем известно, что вера в начальника, вождя имеет огромное значение. Доктор Ле-Бон говорит по этому поводу следующее: „Чтобы увлечь толпу и склонить ее совершить какой-либо акт, нужно быстро действовать на нее внушением. Самым сильным внушением будет все таки л и ч н ы й п р и м е р, но в таком случае нужно, чтобы и толпа была подготовлена к тому известным рядом обстоятельств, а в особенности нужно, чтобы тот, кто хочет вести ее за собой, имел так-называемый „престиж“ или обаяние“.

В конечном итоге, моральной подготовкой, проводимой перед боевыми действиями, главным образом, преследуется цель создать сильные средства, которые на поле сражения заглушали бы у бойца инстинкт самосохранения.

Этими средствами будут:

Ясно поставленная политическая и стратегическая цель, которая путем умелой агитации должна быть проведена в сознание масс и обобщиться тем или иным удачным лозунгом, если не вызванным самой массой, то брошенным сверху.

Такой лозунг имеет в бою большое значение, т. к. помогает воображению. Воображение же будит чувства, а чувства занимают наибольшую область души толпы. Следовательно, действуя на воображение масс, мы будем управлять ее эмоциями, т.-е. ею самою.

Работа по разъяснению целей и задач войны должна заключаться в простой пропаганде, проводимой, главным образом, изнутри масс. Для этого прибывающих в части коммунистов нужно вливать в ряды бойцов, отказавшись от казенных форм агитации, безусловно менее продуктивных. Нужно помнить, что главная часть работы будет делаться непосредственно в самой массе, в ее толще

К такой работе безусловно должен быть привлечен командный состав, значение которого в данном случае будет велико. Истина,

что воинское и политическое воспитание неотделимы, а дополняют одно другое, должна быть известна всем, что, к сожалению, еще не везде и не всеми усвоено.

На ряду с необходимым объединением работы комсостава и политсостава, нужно установить, чтобы выпускаемые в частях политотделами приказы и пр. не были сепаратными приказами политотделов, а приказами по части, подписанными начальниками. Несомненно, на массы это также будет иметь огромное влияние.

Правильно поставленная агитация среди местного населения создает определенную, положительную атмосферу вокруг армии, помогающую укреплению ее веры в свою мощь.

В толпе чувство мощи превращается в свою непобедимость, в свое могущество, что в бою имеет колоссальное значение.

Так как отношение местного населения к армии играет большую роль, а во взаимоотношении армии и населения вообще лежит залог успеха, безусловно необходимо следить и своевременно совершать изъятие неблагонадежного элемента как из среды местного населения, так и из среды армии.

Помимо этого, на обязанности командования и политсостава должна лежать организация и налаживание моральной подготовки из тыла противника путем прибытия оттуда агитаторов. Эта подготовка вливает моральные силы в массы и стремление вперед.

Работа по борьбе с дезертирством должна быть поставлена хорошо, при чем результаты ее должны сообщаться массам, что создает известное психологическое на них воздействие.

Кроме этого, полезно применять средства, вызывающие соревнование в бою, так-наз. „солдатскую гордость“, примеры чему приводились выше.

В общем, нужно сказать, что если моральному состоянию войск принадлежит на войне видная роль, ни одна мелочь, которая могла бы способствовать его возвышению, не должна оставаться без внимания.

Эти короткие выводы в вопросах моральной подготовки из опыта гражданской войны естественно не могут быть исчерпывающими. Вопрос о моральной подготовке перед решительными действиями—важный вопрос, и в интересах нашей мощи должен быть широко освещен на страницах военной печати.

Большое значение вопросов моральной подготовки неоспоримо.

В будущих столкновениях успех окажется на стороне пролетариата с мощным чувством, которое можно развить и повысить путем моральной подготовки, для чего необходимо всесторонне учесть наш богатый опыт гражданской войны.

Н. Михайлов.

Средства и работа транспортов в ближнем тылу в зависимости от времени года по опыту гражданской войны.

ВВЕДЕНИЕ.

Работа использования транспорта в гражданскую войну значительно разнится от того же в империалистическую войну. Длительная подготовка в течение нескольких, иногда десятков лет, предшествовавших империалистическим войнам, сменилась полной импровизацией гражданской войны, которая лишь к концу более или менее приняла организованные формы. Отличительная черта последней мировой войны во второй ее половине, ее позиционный характер, с насыщенной до предела плотностью фронтов, с незначительными продвижениями и отступлениями, давала возможность с точностью расчитать необходимую работу транспорта и использовать его, согласно требования тактики снабжения. Для гражданской войны характерна величайшая маневренность, с крайней разреженностью огромных по протяжению фронтов; последнее обстоятельство смешало все карты в расчетах правильного подвоза, существовавшего до нашей войны. Отношение числа вооруженных сил к пространству и крайне подвижной характер гражданской войны повели за собой марши крупных частей малыми колоннами на значительных пространствах с большими интервалами, что в свою очередь давало возможность полностью использовать местный обывательский транспорт не только для передвижения грузов, но и для быстрейших передвижений самих войск. Так как сплошь и рядом наша пехота, посаженная на подводы, совершала быстрые и длительные переброски, со скоростью движения кавалерийского отряда, то требования от обоза, который должен был во что бы то ни стало поспевать за своими частями, стали еще более разниться от тех же требований в прежних войнах. Необеспеченность тыла в гражданских войнах сравнительно с национальными, а также нахождение базы чаще впереди, чем сзади, в силу классового характера войны, клали свой специфический отпечаток в частности на железнодорожный транспорт, который иногда отказывал даже в тщательно под-

готовленную мировую войну. В нашу же гражданскую войну транспорт пришел в значительный упадок, после хаотической демобилизации старой армии, первого года партизанской войны в эшелонах, страшного напряжения хозяйственных потребностей молодой нарождающейся Социалистической Республики и бесконечного перехода подвижного состава и магистралей из рук в руки противников, со всеми гибельными для них последствиями. Особенно же характерной чертой гражданской войны, в отношении интересующего нас вопроса, является различие максимального напряжения операций в зависимости от времени года, сравнительно с империалистической войной. В то время, когда в мировой войне главные операции развивались во второй половине весны, летом и первой половине осени, а в остальное время года наступало относительное затишье, в гражданской войне с этими условиями, в силу общего непрерывного напряжения всего темпа борьбы, совершенно не считались, и борьба велась без перерыва изо дня в день до полного истощения противников. Борьба на Северном фронте, наше преследование армии Учредительного Собрания, наступление Колчака и наш обратный переход в наступление на Восточном фронте, переход в наступление на армию Деникина, его преследование и окончательный разгром, ликвидация Врангеля на Южном фронте, наступление Юденича на Петроград и его ликвидация,—все эти периоды величайших напряжений как раз совпадали с временами года, когда работа транспорта становится наиболее затруднительной. Осветим, по недавнему живому опыту боевых товарищей, те меры и способы, которые ими применялись в борьбе, дабы свести до минимума вредное влияние, оказываемое неблагоприятными периодами года на работу транспорта.

I. Общая часть.

Виды транспорта.

Колесный обоз. Одной из отличительных черт нашей гражданской войны явилась колоссальная необходимость использования обывательского транспорта. Старая армия при мобилизации 1914 г. была расчитана в отношении пополнения транспортом казенного образца лишь на части кадровые, которые, кроме войскового обоза, имели также дивизионные и корпусные обозы. Что же касается всех остальных частей, то второочередные части пополнялись таковым обозом лишь до дивизионных транспортов исключительно; весь же остальной транспорт снабжался повозками обывательского образца, взятыми по военно-повозочной повинности у населения. Общее количество обывательских повозок, взятых при мобилизации 1914 г., считая 65 корпусных, 1.000 армейских транспор-

тов и необходимые повозки для санитарных учреждений полевых войск, равнялось 236.000 единицам повозок. К концу войны это количество возросло до громадных размеров, но точных цифровых данных установить пока невозможно. Естественное разложение в старой армии с ее стихийной безобразной демобилизацией, продвижение вслед за этим немцев и австрийцев в глубь нашей Республики привело к громадной потере нашего колесного транспорта, наравне с другим военным имуществом. Часть была захвачена противником, часть расхищена и распродана населению демобилизованными, часть просто пришла в негодность и бросалась на произвол судьбы. Лишь незначительная часть, находившаяся в центре и прибывшая непосредственно с немногочисленными частями, проводившими демобилизацию более или менее планомерно, оставалась в наследие Красной армии. Поэтому совершенно естественно, что наши части в своем громадном большинстве имели обывательские повозки, обслуживавшие сплошь и рядом даже пулеметы. Повозки казенного образца, вырабатываемые в период гражданской войны на наших заводах в ничтожном количестве и притом непрочной конструкции (допуск непросушенного дерева, разные отступления от нормальных требований, даже против уже упрощенных чертежей, установленных технической комиссией при Чуснабарме и др.),—войсками вскоре бросались, вледствие их быстрой порчи. Все же наибольшее распространение получила парная повозка образца 1884 г. (предложенная Никифоровым). Эта повозка, просуществовавшая почти сорок лет, пережив японскую, мировую и гражданскую войну, осталась основной, типичной повозкой, наиболее пригодной для армии; в данное время ее прежняя шина двухдюймовой ширины заменяется $2^1/_2$ дюймовой, и это дает ей возможность вперед еще более соответствовать войсковым потребностям и стать менее зависимой от свойств грунта. Имея наиболее благоприятные соотношения мертвого и полезного грузов (мертвый 34 пуда 36 фун., полезный 25 пуд), при угле устойчивости равном $21^1/_2{}^0$, соответствующем независимости ходов (13^0), обладая шириной хода в 50 дм., эта повозка является наиболее универсальной для всех местностей Республики и наиболее удовлетворяет в своей совокупности главным требованиям, предъявляемым всякому военному транспорту: легкости на ходу, поворотливости, устойчивости, гибкости, независимости ходов, прочности, вместимости и удобству укладки.

Другой наиболее распространенный тип повозки—хозяйственная двуколка образца 1890 года, является уже менее пригодной для наших частей, при чем иногда вовсе бросалась частями (напр. в 1-й конной армии). Обладая большей, сравнительно с парной повозкой, способностью проходить по любой местности, вследствие своей поворотливости (180^0 на месте—против 48^0) меньшего веса (30 пудов—против 59 пуд. при полной нагрузке), все же она имеет свои крупные недостатки: 1) неблагоприятное соотношение

мертвого и полезного грузов (10 против 25 пудов), 2) сложная и долгая оглобельная запряжка, что в боевой обстановке имеет громадное значение, 3) невозможность для лошади при падении встать, 4) удлиннение, благодаря малой вместимости, колонны, 5) потребность в полтора раза большем, чем при парных повозках, количестве ездовых, 6) наличие третьей точки опоры—спина и холка лошади (с давлением от одного до полутора пудов), что с одной стороны, при маломальски неисправностях седелки и хомута приводит к нагнетам, а с другой стороны, сильно изматывает лошадь, укачивая ее, 7) отсутствие раскачивания в стороны при 4-хколесной повозке, имея четыре точки опоры, расположенных по углам прямоугольника, и значительно большую устойчивость против двух точек опоры у двуколки, расположенных на одной линии.

Вследствие этих причин, двуколки главным образом сохранились в частях, действовавших в горных местностях, а части, действовавшие на равнинах, старались от них избавиться, по возможности заменяя их повозками обывательского типа, частично сохранив двуколки для перевозки пулеметов и некоторого технического имущества.

Остальные типы двуколок имели очень незначительное распространение. Все же необходимо отметить, что все двуколки с рессорными установками пользовались сравнительно большим успехом, так как отсутствие тряски и большая мягкость хода сильно предохраняли как пулеметы, так и техническое имущество от расшатанности частей.

Что касается походных кухонь, то общий уклон был в сторону двухколесных кухонь, несмотря на все присущие им неудобства двуколки,—вследствие их меньшей громоздкости и большей легкости на ходу (общий вес четырехколесных кухонь—70 пудов, двухколесных—46 пуд. 25 фун.). Очень охотно брались в употребление кухни иностранных образцов, которые давали возможность иметь второе блюдо и кипяток, несмотря на их меньшую вместимость. Вообще походные кухни имелись не во всех частях и ими пользовались части, приученные к такому довольствию, тогда как были части, которые исключительно довольствовались по обывательским квартирам (в большинстве случаев конница). Необходимо все же отметить, что кухни (кроме чисто хозяйственных выгод, имеют еще и дисциплинирующее влияние, приучают к порядку), а потому необходимо их ввести безусловно во всех частях.

Обывательские повозки применялись в том виде и в тех образцах, которые находились на месте. Важно лишь отметить, что общее стремление было по возможности иметь повозки дышловые и всячески избегать оглобельной запряжки. Причина этого отчасти лежит в приведенных выше недостатках двуколок; имеет большое значение и то неудобство которое создавалось при пристяжке одной пристяжной лошади, так как получалось неправильное распределение

тяги, следствием чего бывала постоянная поломка вальков и полувалов, вследствие их слабой конструкции и неприспособленности для перевозки больших грузов на значительное расстояние.

Каждая местность и каждый фронт имели свои типичные повозки. Наиболее универсальной повозкой можно считать, так-называемую таврическую повозку, распространенную в южных губерниях, в Донской области и по Волге у немцев - колонистов. Часть этих повозок изготовлялась на Брянском заводе. Основные ее достоинства—легкость, крепость конструкции, устойчивость, удобство запряжки и вместительность. Вес пустой повозки около 24—26 пудов. При съемке кузова получаются разъединенные ходы, что дает возможность грузить длинные предметы, и это делало повозки очень удобными для населения. Первоначальный тип этой повозки был завезен немцами-колонистами еще при Екатерине II-й и сохранился почти в полной неприкосновенности до наших дней, распространившись на весь юг России. Особое применение эта повозка приобрела в конных частях, в частности в армии т. Буденного, причем всегда предпочиталась парной повозке 1884 года. По данным, взятым из практики империалистической войны, эту повозку считали маловместительной, неустойчивой, хрупкой. Ссылаясь на опыт одного из корпусных транспортов и одного обозного батальона, сформированных в Одесском округе в начале мировой войны, имевших исключительно выше названные повозки, заметим, что с августа 1914 г. по январь 1915 г. транспорты эти, работая в Галиции по шоссе и хорошим грунтовым дорогам, потеряли до 38% повозок и через два года все 100%. Напротив, в 1-й конной армии эти повозки действовали отлично, находясь в непрерывном движении на южном, кавказском, польском и врангелевском фронтах, совершая все время кавалерийские переходы, и лишь очень незначительная часть их пришла в негодность, остальные же требовали лишь текущего ремонта, совершавшегося местными кустарями-кузнецами. Необходимость ее технического усовершенствования, в частности придача некоторого избытка запаса прочности, коэффициент безопасности, и некоторых достоинств парной повозки 1884 г., дадут тот тип повозки, о которой мечтали раньше в особой комиссии при главном интендантском управлении, а ныне занимаются его выработкой в междуведомственной комисии при Цупвоз'е; тип—годен одновременно для мирного населения и для воинских частей, что может дать при мобилизации готовый транспорт, тогда как при состоянии современного производства необходимого по мобилизации количества повозок, сверх штатного войскового обоза,—страна дать не сможет. А этот тип повозок, с одной стороны, выдвинут самим крестьянским обиходом, в течение около полутораста лет, а с другой—проверен на опыте нашей войны.

Санн. обоз. Особых установленных типов саней казенного образца для всей армии до Революции не имелось. В тех местностях страны,

где колесный транспорт не годился для зимнего времени, употреблялись сани произвольного образца или путем самостоятельной постройки таковых в частях, или закупкой их у местного населения, причем на то и другое отпускались частям кредиты. То же было в начале нашей гражданской войны, а ныне статьей 12-й описания предметов обозного довольствия, приложенного приказом 30 от 1922 г. Главного Начальника Снабжения окончательно установлено, что „сани допускаются произвольного образца обывательского типа". Все же сани, по возможности, должны отвечать некоторым определенным требованиям. Легкость, прочность, удобство запряжки, не допускающей большей длины, чем требуется для обыкновенной колесной повозки, наличие вместительности груза, равного таковым же для обыкновенной повозки, дабы не получалось удлинения походной колонны, вследствие увеличения количества единиц обозов, ширина хода, не превышающая хода обыкновенных саней, устойчивость, при сведенной до минимума способности раскатываться, что достигается соответствующим помещением центра тяжести, устройством крыльев и подрезов,—вот главные условия, требуемые от саней при употреблении для войсковых транспортов. Если бы приходилось повсеместно с наступлением зимы переходить всем обозам армии с колес на сани, то это вызвало бы громадные затраты, расход энергии и непроизводительную трату времени. Переход на сани наиболее необходим лишь в определенных местностях, главным образом, в северных и северо-восточных районах Республики, а в западных и южных районах к этому почти не приходится прибегать, вследствие малой продолжительности зимы, небольшого снежного покрова и частых оттепелей.

Вьючный обоз. Для вьючения у нас установлено вьючное седло образца 1911 г. с ленчиком образца 1888 г., установленного для рядовых кавалерий. Большого применения вьючение интендантских грузов у нас не имело и встречалось лишь в частях, действовавших в горных и степных местностях, там, где применялись для транспортирования верблюды и ослы. Одной из причин, устраняющих этот способ транспортирования, являлась слишком сложная пригонка вьючного седла к лошади, ибо при малейших упущениях и неисправностях получалась наминка спины и холки, что сразу выводило лошадь из строя на значительное время.

Автомобильный обоз. Автомобильный транспорт, получивший столь широкое распространение на западе, у нас в России, в империалистическую войну, вследствие недостатка машин и плохих дорог, большого развития не получил; но все же бывали случаи, когда этот транспорт являлся сильным подспорьем для удачного исхода операции. Автомобильный транспорт был организован в виде отдельных рот смешанного состава (в них входили грузовые автомобили трех—трех с половиной тонные и полтора—двух тонные). В данное время организация несколько изменена и свелась к

грузовым автомобильным отрядам. В гражданской войне нам крайне редко приходилось сталкиваться с организованными автотранспортами, которые быстро приходили в расстройство вследствие изношенности машин и недостатка горючего. Регулярное пользование целых отрядов в течение более или менее продолжительного времени вряд ли где-либо имело место (за исключением одного случая на Кавказском фронте), а дело сводилось лишь к нерегулярному подвозу отдельными машинами или пачками таковых, и то, главным образом, на Петроградском фронте, в местности с наиболее сильно развитой сетью шоссейных дорог. Зависимость от состояния дорог является главным препятствием для использования авто-транспорта на нашей территории. Опыты с тракторными приспособлениями, быть может, дадут правильное развитие нашему авто-транспорту. Очень интересны опыты с приспособлением гусеничного типа для использования автомобилей по снегу по дорогам и без них. Имея каучуковые гусеничные установки на задних колесах и лыжные на передних, испытываемые машины, при нормальной нагрузке обыкновенного колесного грузовика, дали отличные результаты. В данное время у нас имеются на N—ском заводе все необходимые приспособления для переустройства двух видов машин на зимний ход: легковых Покардов со скоростью 40 верст в час и полуторатонных грузовиков Уайтов со скоростью 20—25 верст. Особенно ценно в них то, что машины с такой установкой очень мало зависят от оттепели в зимнее время, так как свободно преодолевают любую грязь.

Полевые железные дороги. Полевые железные дороги в нашей войне в силу ее маневренности не имели применения для транспортирования грузов к полевым войскам. Медленность укладки полотна, легкость порчи с затруднительностью ремонта также имели значительное влияние на непригодность для нашей войны. Паровые, тракторные и конные парки полевых узкоколейных железных дорог в имериалистическую войну имели звеньев лишь для укладки 100 верстной магистрали, и отсюда ясно, что при нашей подвижности никакая укладка таковых дорог не могла бы поспеть за войсками, и вся работа пришлась бы впустую.

Водный транспорт. Что касается водного транспорта, то таковой употреблялся в том виде, в котором он имелся на местах. Правильной регулярной работы не производилось, а использовался лишь чисто случайно, за исключением нескольких случаев на востфронте для переброски войск в 1918 г. и по Волге в 1919 году, когда Волга служила военной дорогой для 10-й армии и частью для Кавказского фронта. Зависимость водного транспорта от частых обмельчаний наших неблагоустроенных речных систем и полное его замирание в зимний период сводит водный транспорт на роль чисто вспомогательного вида на короткое время года.

Воздушный транспорт. Использование авиации для транспортирования грузов вопрос для нас далекого будущего.

Условия работы транспорта.

Движущая сила. Работоспособность транспорта в значительной степени зависит от силы двигателя, использованного для приведения его в движение. Из живых двигателей наиболее работоспособным является лошадь. Теоретически в старой армии были приняты для запряжки артиллерийской парной повозки лошади обозного сорта 1-го разряда не ниже 2-х аршин, с наименьшим весом $20^1/_2$ пудов, а для запряжки интендантской парной повозки употреблялись лошади обозного сорта 2-го разряда не ниже 1-го арш. 14 вершк-, с наименьшим весом 17 пудов. В зависимости от условий питания, при измерении динамометром, средняя сила тяги для первых около 4-х пудов и для вторых около 3-х пудов. С началом войны, по мере все большего увеличения армии, требования, предъявляемые для конского состава при принятии их ремонтными комиссиями и по военно-конской повинности, стали постепенно падать, и к концу войны стали прибегать к разным заменам, как-то волами и верблюдами. Рекомендуемые для обозов мулы в России большого распространения не имели, несмотря на громадную их выносливость. Вследствие измельчания упряжного конского состава и употребления волов, верблюдов и т. д., транспорт начал испытывать большие перебои в работе, что особенно сильно сказывалось в те времена года, когда полотно дорог ухудшалось. С началом гражданской войны, пополнение действующих частей конским составом стало производиться совершенно произвольно, путем закупки у местного населения лошадей без всяких установленных правил, а в большинстве случаев „на глаз“. Этого избежали лишь те части, которые формировались в центре и коим отводились районы для мобилизации в губерниях, не занятых полевыми войсками. Общее положение с конским составом в транспортах, против последнего периода империалистической войны, не улучшилось, и даже иногда бывали случаи, что действующая полевая легкая артиллерия возилась на волах. По опыту же гражданской войны видно, что в зависимости от времени года и состояния полотна дорог ковка лошадей необходима на все четыре ноги круглый год; воловий транспорт требует наличия значительного количества запасных волов, так как при мало-мальски каменистой дороге они сильно изнашивают копыта. К запряжке транспорта верблюдами необходимо относиться очень осмотрительно, ибо при скользкой почве они становятся совершенно беспомощными и весь транспорт может дать полный отказ в работе.

Влияние почвенных условий. Чем грунт оказывает меньше сопротивления движению повозки, тем все больше и больше облегчается работа транспорта. Легкость хода, главное требование от всякой повозки, зависит от свойства грунта, представляющего раз-

личные сопротивления свободному движению. Коэффициент сопротивления изменяется от $^1/_5$ до $^1/_{110}$. Наибольшее сопротивление оказывает сыпучий песок — $^1/_5$, наименьшее шоссированнная дорога—$^1/_{110}$. Среднее сопротивление на обыкновенном группе наших дорог равно $^1/_{15}$. Снег дает сопротивление $^1/_{25}$.

Влияние устройства поверхности. Устройство поверхности имеет большое влияние на организацию и работоспособность транспорта. Особенно это заметно на типах повозок у местного населения. Применяясь к местности, жители Кавказа приспособили для движения двухколесные арбы, в то же время жители равнин средней России имеют четырехколесные телеги, при чем колеса разных диаметров. Таких примеров можно было бы указать большое количество. Универсальной повозки, годной в равной мере для употребления во всех местностях нашей Республики, создать невозможно. Что вполне пригодно для степей Дона, с трудом применимо для Алтайских гор. Чем поверхность представляет больше складок, чем они круче, тем труднее работать транспорту, скорее изнашивается движущая сила и материальная часть. Наоборот, наименьший процент порчи единиц обоза и наиболее благоприятные условия для движущей силы получаются от шоссейной дороги на равнинной местности.

Влияние времени года на работу транспорта. Все вышеприведенные причины, вредно влияющие на работу транспорта, особенно усугубляются от времени года. На нашей территории это особенно сказывается, в виду слабо развитой железно-дорожной и шоссейной сети. В наиболее благоприятном и независимом отношении от времени года находятся железные и шоссейные дороги, хотя и они подвержены снежным заносам и размывам в период дождей и разлива рек. В то время, когда в осеннюю распутицу или весеннюю оттепель транспорт иногда совершенно не в состоянии двигаться по грунтовой дороге, в местности с черноземной или суглинистой почвой, повозки могут свободно рысью проходить по рядом лежащему шоссе. Влияние времени года в горах другое, нежели в равнинах. В вопросе о влиянии времени года на работу транспорта сделать правильный вывод можно, учтя все свойства местности и грунта, в каждом частном случае отдельно. Необходимо лишь отметить наиболее общие места: самым благоприятным временем для транспортирования является лето, т. к. дает возможность полностью использовать колесный обоз с наименьшей затратой и энергией движущей силы; одновременно с сухопутным транспортом используется и водный. Осень и весна связаны с периодами дождей, приводящими дороги в чрезвычайно тяжелое состояние; наступающая временами гололедица чрезвычайно неблагоприятно отзывается на конском составе; свойственные этим периодам года, в особенности весне, оттепели создают иногда совершенно непроходимые дороги; разливы рек после зимы и сильных дождей зачастую приводят в полную негодность не только грунтовые дороги, но также

железнодорожные и шоссейные полотна. Все эти причины в большей или меньшей степени нарушают транспорта иногда приводя его к полному отказу в работе. Зима останавливает всякое движение водного транспорта, сильно затрудняет движение колесного обоза, и даже работа автомобильного транспорта обыкновенно замирает. В северных частях Республики, где снега достигают громадных размеров, частично останавливается и работа колесного обоза, причем приходится переходить на санные установки, что приводит к непроизводительной трате времени для перехода с колес на полозья и обратно.

II. Из опыта гражданской войны.

Приведем примеры работы транспорта в гражданскую войну при разнообразных условиях.

1. Район работы транспорта: Уфимская губерния, главным образом, к востоку от г. Уфы до отрогов Уральских гор; время— январь 1919 года, операции 2-й бр-ды 26 стр. дивизии. Общий недостаток войскового обоза, состоявшего, главным образом, из форменных повозок как двуколок, так и парных, за все время движения дивизии, восполнялся наймом обывательских подвод. В начале зимнего периода обывательский транспорт стал выезжать на санях и свободно двигался как шагом, так и рысью; это повлекло за собой неравномерное движение отдельных обозов, ибо имевшийся казенный колесный транспорт, благодаря снегам, доходившим местами выше трех четвертей колеса, на наезженной дороге, стал сильно отставать. Конский состав изматывался, требовались, иногда даже через каждые 10 верст, остановки и привалы; благодаря значительно более узкому ходу саней, чем повозок казенного образца, последние должны были прокладывать себе колею; снега образовывали сильные неровности дороги, вследствие чего повозки стали опрокидываться и т. д. Это повлекло за собой необходимость перевести обозы на сани, к чему и приступили полки самостоятельно. Из боязни возможных оттепелей, что повлекло бы за собой неизбежность обратного перехода на колеса, части не расставались со своими повозками и начали возить их за собой в задних эшелонах на обывательских лошадях. Но и это повлекло массу неудобств, потребовало лишнего расхода людей, повозки сильно отставали даже от обозов 2-го разряда, слабые обывательские лошади не могли иногда дотянуть повозки до назначенного места и иногда они пропадали без вести или очень сильно отставали.

Кроме того, так как сани обывателей были меньшей вместимости, чем казенные повозки, то потребовалось их большое количество, что очень удлиняло колонну. Командованием 5-й армии и 26-й дивизии предлагалось сдать все повозки на некоторые пункты у ст. жел. дороги Бугульма—Уфа—Златоуст, с тем, чтобы к началу

весны эти повозки были доставлены в части по железной дороге. В возможность такой доставки части мало верили и практически пришли к выводу приспособить самые повозки к переводу на полозья. Первоначально пытались подвести полозья под колеса, вырубая в них гнезда и прикрепляя проволокой, но скоро это бросили, так как получалась громадная высота всей системы, повозки кувыркались, ширина колеи была шире колеи дорог, проложенных обывательскими санями, наклон постромок получался если не вниз, то перпендикулярно к осям. Тогда стали применять более простой способ. Повозки снимались с колес, ставились на сани на оси, для чего вырубались небольшие гнезда и прикреплялись проволокой, колеса и дышла возились или на этих санях или на специально нанятых подводах. До такого способа приспособления части дошли опытным путем, не получая сверху никаких указаний. Вследствие всего этого транспорт без перерыва обслуживал части, не отставая, следуя за частями и совершая кругооборот подвоза от баз к частям и обратно (необходимо заметить, что базы были подвижные на железной дороге,—в роде, конечно, выгрузочных станций). Средняя нагрузка каждой повозки равнялась 15—20 пудам. Все перечисленное касается лишь к приспособлениям и устройствам парных повозок, что же касается двуколок, то таковых приспособить не удалось и они сдавались либо на станции жел. дороги, либо местным советам. Сани под казенный обоз добывались у местных жителей, путем реквизиции.

При подходе к отрогам Уральских гор местность сильно изменилась в худшую сторону. Стали встречаться сильные неровности местности, что стало неблагоприятно отзываться на работе транспорта. Особенно трудна стала запряжка лошадей. В дышлах и пристяжках лошади стали сильно забивать ноги, вследствие крайне узких дорог. Пришлось прибегнуть к запряжке цугом. Сначала по неопытности повозочных и непривычке коней такое движение никак не клеилось, но очень скоро все пришло в норму, и транспорт продолжал довольно благополучно дальнейшую работу (сведения дал бывший комбриг 2—26 т. Степной-Спижарный).

2. Район реки Луги. Транспорт санный и вьючный. Наличие транспортных средств не соответствовало потребности в нем, в виду отсутствия в частях лошадей, а также недостатка их у местного населения (у последнего лошади были захвачены Юденичем). Время действия—ноябрь—декабрь 1919 года. Состояние дорог было следующее: шоссе Ямбург—Петроград по своему состоянию было вполне удовлетворительно для движения санного обоза; лесистый район реки Луги отличался отсутствием удовлетворительных путей сообщения; при изобилии лесных дорог, по своему расположению не подходивших для операционных направлений, и в большинстве песчаных, перемешанных с небольшим снегом, естественно, работа тран-

спорта совершалась по кратчайшим дорогам; таких было две: Пиллово—Горелово—Орлы и вторая Бабино—Куравица. Работа санного обоза была особенно затруднительна в этом лесном районе. Колесный же обоз отсутствовал. Подачу всего экстренного, как-то: патронов и медикаментов, пришлось совершать вьючным порядком. Грузы подавались только продовольственные и притом—один раз в неделю с расчетом на 7 дней. Артиллерия во время наших действий на Луге почти не употреблялась, а потому особых затруднений с подачей снарядов не встречалось. Перебои в работе транспорта были во все время операции. Устранить их не было никакой возможности, благодаря частой перемене армейских баз, удлинявших путь работы транспорта. На боевых действиях работа транспорта отражалась не особенно, благодаря некоторому самоснабжению частей во время перебоя. Количество же патронов возилось непосредственно с полками в неограниченном количестве и подавалось из обозов на вьюках в роты (сведения дал бывший командир 504-го полка т. Смирнов).

3. Район действия—от г. Петрозаводска до реки Сулы (100 верст к северо-западу от Петрозаводска), операции—2-й бр-ды 1-й стр. дивизии; время—июль—ноябрь 1919 года. Транспорт употреблялся (кроме зимы) исключительно колесный. Большие зимние снега заставляли переходить транспорт на санные установки. Штатного состава не хватало 60%, что заставляло пользоваться обывательскими подводами. Плохое состояние дорог района ежедневно отражалось на работе транспорта. Частая порча повозок и трудность починки заставляли увеличивать наряды на обывательские подводы, что сильно отзывалось на хозяйстве крестьян. Но все же до наступления зимы больших перебоев не было. Зимой пользовались санным транспортом—исключительно обывательским. В периоды боевых действий наряды на подводы значительно увеличивались. Благодаря малонаселенности этого района на сбор подвод требовалось один-два дня, что иногда оказывало противнику большую услугу, так как открывало наши намерения через местных жителей (сведения дал бывший командир 5 стр. полка т. Соколов).

4. При отходе 3-ей армии от г. Перми в феврале—марте на восточном фронте пришлось, согласно директивы штаба 3-ей армии, сформировать 23 Верхне-Камский полк (ныне N-й Замоскворецкий п. N-й дивизии), Формирование протекало при самых трудных условиях; участок, где пришлось формировать и в то же время драться, находился от железной дороги на расстоянии 150—200 верст. Обозов в отрядах никаких кроме обывательских подвод не было, также и подвоз из тыла первоначально не налажен. Поэтому пришлось снабжаться за счет местных средств, которые к концу первого месяца иссякли. При таком положении пришлось искать выход из затруднения. Чтобы наладить подвоз из баз тыла, пришлось

мобилизовать 300—400 подвод у местного населения и зачислить их на все виды довольствия при полку.

То же было сделано и в бр-де, но с той лишь разницей, что там пришлось мобилизовать раза в три-четыре большее количество. Транспортирование происходило следующим образом: от железнодорожной станции на расстоянии 100—120 верст перевозились грузы средствами отдела снабжения бр-ды, а остальные 50—70 верст средствами полков, таким образом подвоз стал более или менее налаживаться. Состояние путей, как всегда зимой бывает,—узкие проселочные дороги, по которым можно ездить только на одной запряженной лошади или двигаться цугом. Часто дороги передувало снегом и движение становилось еще труднее; крестьянская лошадь с трудом могла вывезти 15—20 пудов. Грузов же для полка требовалось ежедневно 150—200 пудов. Таким образом, количество мобилизованных подвод едва-едва справлялось с этой задачей. Обоз в полку делился на два взвода, а взвод на четыре отделения, во главе каждого из взводов состоял командир взвода из более развитых красноармейцев, а также на каждое отделение был назначен красноармеец, на обязанности которого лежало конвоировать свое отделение; ему давалась верховая лошадь; в отделении было от 40 до 50 подвод. Ежедневно по очереди один взвод находился в движении: два отделения отправлялись за получением грузов в базу бр-ды, два отделения везли грузы из обозов 2-го разряда к частям. в обоз 1-го разряда. Что же касается перевозки от 1-го разряда до рот и команд, то от последних являлись каптенармусы, каждый со своими подводами, взятыми в той же деревне, где стояли роты и команды. В передней линии, т.-е. из тех деревень, которые занимались передовыми частями, подводы для общего полкового обоза не брались, а оставлялись в распоряжении командира той роты, которая занимала эту деревню. (сведения дал бывший командир 23-го полка Особой Бригады 3-й армии т. Пичугов).

5. 21 декабря 1919 года 16-я кавалерийская дивизия, только что закончившая формирование в районе станции Мордово (Тамбовской губ., 50 верст юго-вост. ст. Грязи), получила приказ с возможной скоростью итти к Ростову в догонку за наступающей 8-й армией. При формировании дивизия была снабжена крестьянским обозом, а так как предстояло пройти более 500 верст по глубокому снегу, то были приняты следующие меры: а) все четырех-колесные повозки были сняты с колес и поставлены на крестьянские сани-розвальни; б) в двуколки специального назначения было впряжено по паре лошадей; в) к орудиям и их зарядным ящикам были сделаны полозья—салазки, надевавшиеся прямо на колеса. В дальнейшем эти салазки оказались не отвечающими своему назначению, и артиллерию, в виду полной невозможности для нее следовать за дивизией (в среднем с дневками дивизия делала 35—40 верст в день), пришлось погрузить в эшелоны. Колеса парных повозок также были

погружены в поезда и к концу операции (к марту 1920 года) дивизию не догнали, почему пришлось весной, после взятия Новороссийска, сформировать почти новый обоз из трофейных повозок (сведения дал бывший начальник 16-й кавдивизии т. Волынский).

6. Для работы в ноябре-декабре месяцах в Воронежской губ. и Донской области весьма трудно было установить какой-либо определенный тип обоза. Часто сменяющиеся заморозки с выпадом глубокого снега и оттепели с проливными дождями делали необходимым в 1919 году, иногда по два раза в сутки, менять весь колесный обоз на санный и обратно. Это обстоятельство весьма болезненно отзывалось на хозяйстве крестьян, так как естественно, что столь быстрая замена обоза не могла всегда производиться в полном порядке. В силу этих обстоятельств обозы 8-й армии, вошедшей вслед за армией т. Буденного в январе 1920 года в Ростов, могли подтянуться к городу лишь спустя $1^1/_2$—2 недели и то с большими затруднениями. На это время приходилось пользоваться лишь местными средствами и обозом, встречавшимся на местах у населения (сведения дал бывший Наштабриг 1—31-й Туркестанской дивизии т. Гаазе).

7. Район действия: граница Ставропольской губернии с Кубанской и Донской областями (ст. Тихорецкая). Местность — равнина пересеченная балками. Время—весна 1920 года. 1-я конная армия, имея колесные обозы, по случаю сильной оттепели не трогалась с места (станица Егорлыцкая и село Лежанка—Средняя Егорлыцкая) в течение 4 дней; посылаемые разъезды могли двигаться исключительно шагом. Повозки с большим трудом двигались лишь по улицам станиц в местах расположения частей. Грязь доходила выше осей. Земля, вследствие начавшейся весенней оттепели, начала отмерзать и превратилась в жидкую массу, глубиной около полуаршина. Несмотря на исключительную организацию транспорта 1-й конной армии—повозки таврического образца четверочной запряжки с началом движения кавалерии должны были остаться на местах (а также часть пулеметных тачанок и артиллерия) и лишь через несколько дней нагонять свои части. В данном случае никакой колесный транспорт не мог притти на помощь, и если бы не богатство местных средств довольствия, то конечно никакой операции нельзя было бы начинать, ибо транспорт отсутствовал. Единственный, пожалуй, выход был бы—переложить часть груза на вьюки, но этого сделано не было (сведения дал бывший Начдив 11-й кавалерийской т. Степной-Спижарный).

8. Ставропольская группа 11-й армии, в составе 7-й Кавдивизии, Таманской кавбр-ды и Таманской стр. бр-ды, преследуя части деникинцев от Сарепты в общем направлении на Ставрополь, в конце января 1920 года, форсировала р. Маныч и после ряда дальнейших боев, 14 февраля подошла к городу Ставрополю, на подступах которого завязались упорные бои, вызвавшие большой

расход снарядов и патронов. Транспорт 7-й кавдивизи, имевший около 50 штатных повозок, преимущественно на верблюдах, и около 100 обывательских подвод, также большей частью на верблюдах, загрузив в Сарепте большую часть транспорта патронами и снарядами и остальную часть повозок колониальными товарами, выступил из Сарепты спустя две недели после начала преследования группы, части которой к тому времени были уже не менее как на 900 верст к югу от Сарепты. Оттепель, начавшаяся в половине января, настолько расстроила дороги, что транспорт продвигался крайне медленно. Верблюды оказались совершенно непригодными. По грязной дороге они скользили на своих мягких подушках, наиболее слабые из них отказывались итти далее, ложась среди дороги. Приходилось прибегать к замене таких верблюдов подводами от местных жителей и так как у последних почти все подводы были угнаны отступающими белыми и часть нашими строевыми частями, то произвести замену всех уставших верблюдов и лошадей не представлялось возможным, почему часть повозок пришлось оставить среди дороги, дабы не задерживать движения всего транспорта. Двигаясь крайне медленно, все же транспорт дополз до Маныча, но здесь дороги настолько распустились, что на некоторых участках совершенно невозможно было двигаться на повозках, а разлившийся Маныч создал новое трудноодолимое препятствие, так как имевшийся на нем мост был при отступлении белых уничтожен. Между тем строевые части, ведя упорные бои на подступах к Ставрополю и испытывая затруднение в деле продуктового и фуражного довольствия, получаемого от местных жителей, крайне остро ощущали недостаток в снарядах и патронах.

Штабом 7-ой кавдивизии было отдано Начснабу приказание: „. . . . . кроме высланных приемщиков за артгрузами на станцию Котельниково, выслать немедленно таковых же на станцию Куберле, откуда доставить в части на обывательских подводах. Патроны и снаряды, находящиеся в пути, доставить как можно скорее, приняв самые энергичные и решительные меры". Приняты были меры такие: разобрав в селе 2 или 3 сарая, построили на обломках старого моста, самого примитивного типа, временный мост, впрягли в одну повозку 2 - 3 и даже 4 пары обывательских лошадей, пользовались вьючной перевозкой как на лошадях, так и на верблюдах.

Часть патронов и снарядов из первого Сарептского транспорта были доставлены до взятия города Ставрополя, но все же виды на дальнейшее пополнение огнеприпасами были настолько плохими, что часть группы обратилась за таковыми не к своей базе, находившейся сзади, а к базе впереди. Решительная атака, увенчавшаяся овладением Ставрополем, где было захвачено большое количество патронов и снарядов, позволила группе вести дальнейшую операцию. Небольшими партиями в течение первых чисел марта грузы Сарептского транспорта были все же доставлены в Ставрополь, а по мере

высыхания и улучшения состояния дорог, подходили в половинных числах марта на обывательских подводах патроны и снаряды, которые и были получены на станции Котельниково, Двойная или Куберле (сведения дал бывший Начдив 7-й кавалерийской тов. Хмельков).

9. Район—Закавказье; операции 20 стр. дивизии 11-й армии. Части дивизии в течение всего года пользовались всеми видами транспорта, кроме санного. Санный транспорт, за отсутствием снега в долинах, где небольшой части приходилось оперировать, не употреблялся. Даже у местных жителей саней не было. Состояние всех видов транспорта плохое: колесный, благодаря каменистому грунту, скоро пришел в негодность, автомобильный бездействовал, за отсутствием покрышек и запасных частей; вьючный—был организован в небольшом количестве, вследствие отсутствия вьючных приспособлений. Во все времена года транспорту приходилось работать большее время по шоссейным дорогам. Грунтовые дороги, в сухое время года, в долинах, были более или менее удовлетворительные, в дождь обращались в непролазную грязь, благодаря глинистой почве. Каменистый грунт и высокая температура выводили из строя большое количество колесного транспорта. Шины разбивались, колеса и кузова рассыхались. Нужно было делать особенно прочные повозки и наладить ремонт, иначе в течение месяца, даже при ежедневном обороте повозки 5—6 верст, можно было остаться в скором времени без транспорта. Осень и зима в этом отношении представляли более благоприятное время для работы транспорта. Перевозка грузов зависела от мест расположения частей дивизии. Обыкновенно половина всего транспорта работала ежедневно для подвоза продовольствия и фуража, так как части были разбросаны. Главная причина перебоя—изношенность транспорта, а не состояние грунта и частые разливы. Ремонт не удавалось поставить на должную высоту, за отсутствием средств, рабочей силы, а также железа. Перебои устранялись привлечением вольнонаемных подвод от местного населения. Транспорт обыкновенно не поспевал подвозить продовольствие и боевые припасы. Во время Тифлисской операции в течение 6 дней продовольствие было подвезено один раз, и то в недостаточном количестве, а боевые припасы два раза. В Эриванской операции продовольствие в течение 7 дней было доставлено только один раз и боевые припасы ни разу. Главным образом мы довольствовались на местные средства (сведения дал Начдив 20-й стрелковой т. Великанов).

10. Район действия—от д. Шехелы до м. Самтреди в Грузии. Операции 12-й кавалерийской дивизии; время—с 15 февраля по 15 марта 1921 года. Транспорт употреблялся в большинстве случаев колесный, частью железно-дорожный и только в горах, где был снег, приходилось применять специальные сани местного населения. Штатного состава транспорта не хватало на 50%, и тот был сильно

потрепан и не мог полностью обслуживать части. Кроме того, транспорт не был приспособлен к горной местности, а поэтому приходилось пользоваться местными обывательскими подводами. Сбор подвод сильно тормозился, в виду того, что в большинстве жители жили в горах и весь рабочий скот угоняли в горы. В виду весеннего времени года и разлива горных ручьев, дороги сильно испортились, трудность фуражировки в это время (отсутствие подножного корма и зерна у населения) ежедневно отзывалась на работе транспорта. В большинстве случаев частям приходилось самостоятельно брать продукты и фураж (какой имелся) в местах ночлегов. Что же касается подвоза огневых припасов, то приходилось постоянно держать обывательские подводы. Были случаи, что обывательские подводы находились без смены суток до 10—12. Для сбора подвод приходилось высылать целиком эскадрон и чуть не с оружием в руках выгонять жителей, и конечно, такое явление обостряло отношения между красноармейцами и местными жителями и требовало большого наряда. Были большие перебои с довольствием, так что приходилось по двое суток оставаться без хлеба. В общем ежедневно в среднем подвозилось до трехсот пудов различных грузов, но были случаи, когда доходило и до 1000 пудов. В большинстве случаев, благодаря вышеназванным причинам, согласованности транспорта с боевыми действиями не было (сведения дал б. начдив 12 кав. т. Жуков).

11. Район действий—Дагестан, время с 31 января по 20 марта 1921 года, операции 14 „имени Степина“ стрелковой дивизии.

Блестяще выполненная операция, по подавлению восстания горцев, 14-ой дивизией к концу грозила принять катастрофическое состояние, вследствие отсутствия продовольствия в частях и полной невозможности его подвоза, частью из-за разрушенности транспорта, а частью из-за частых обвалов на дорогах по случаю таяния снега. Привлеченные для ремонта дорог, все жители окрестных деревень и все инженерные части дивизии, под руководством опытного и энергичного дивизионного инженера тов. Богоявленского, желательных результатов не дали, оставаясь с 17 года без всякого надзора; дороги быстрому исправлению не поддавались; что же касается дивизионного транспорта, то таковой, после трехмесячной горной операции, питая дивизию (20.000 едоков) по единственной коммуникации, считая до 200 верст от базы, перебросив на фронт до 40.000 снарядов и несколько миллионов патрон и эвакуировав до 9.000 больных и раненых красноармейцев, — пришел в полную негодность. Расчитывать на обывательский транспорт не приходилось, ибо в горных аулах такового почти нет; а лишь в нескольких аулах на плоскостях у Каспия есть бычий транспорт, который распоряжением центра оставлен был для рыбного промысла и запашки полей. Учитывая создавшееся положение, командование дивизией вошло с ходатайством перед высшей инстанцией о пе-

реброске продфуража, предназначенного для дивизии, в Темир-Хан-Шура средствами армии, откуда таковые грузы будут средствами дивизии доставляться в части. Уцелевший транспорт дивизии и бригад был переброшен в Батлих и устроен передаточный пункт на перегоне. Несмотря на все принятые меры, этому плану первоначально не суждено было сбыться, т. к. выпавший в обилии снег в горах и обвалы сделали дорогу на протяжении 20 верст недоступной для колесного транспорта. Для очистки дороги был послан полностью 121 полк 41 бригады, и по всему Дагестану были брошены разъезды для мобилизации ишаков, ибо на почве голода в частях начинался ропот. Через три дня в Байтлих прибыло около 2.000 ишаков с куржумами (мешками для вьюка), вместимостью до 3 пудов, с погонщиками. Вся эта партия была направлена под сильным конвоем в Ведено и через четыре дня возвратилась, доставив около 2.000 пудов продовольствия (расстояние от Байтлиха до Ведено около 65 верст). Причина малой доставки продовольствия та, что по дороге в Ведено и обратно многие погонщики с грузом и без него скрылись, пользуясь ночной темнотой и пересеченной местностью, несмотря на всю бдительность конвоя. Видя такое хищение, командованием дивизией была произведена переорганизация этого транспорта, и на каждые пять ишаков был поставлен красноармеец; были введены запасные животные, и снабжение частей дивизии пошло более нормальным темпом, единственный недостаток—это большой расход людей, но с этим приходилось мириться в связи с создавшимся положением (сведения дал начдив 14 стрелковой т. Штейгер).

12. Район действий—Дальне-Восточная Республика: Забайкалье и Манчжурский район, время—1920—21 год. Местность—гористо-лесистая. 2-я Верхне-Удинская стрелковая дивизия, в виду большого района действий, базировалась на железной дороге. Имелся войсковой транспорт по штатам, но в виду большой разброски частей приходилось пользоваться подводами от местного населения (бурятские подводы обыкновенного четырехколесного типа). В виду малоснежности зимы, сани не применялись, зимой впрягались верблюды, которые летом паслись, а летом—лошади. Почва—песчаная, грязи нет, работа не нарушалась. При разливе речек для перехода вброд грузы вьючились на верблюдов, а повозки переправлялись на плотах. Для большого запаса фуража, требуемого на зимний период (так как зернового фуража у местного населения нет), транспорт приходилось значительно увеличивать. Перебоев в зависимости от времени года не было. В Манчжуро-Монгольском районе, вследствие крайней малонаселенности (расстояния между станицами 100—200 верст), особенно необходимо было пользование верблюдами, так как они наиболее неприхотливы к воде (сведения дал быв. начдив 2-й Верхне-Удинской стрелковой тов. Брайловский).

13. В конце 17-го и начале 18-го годов, благодаря отсутствию спайки и объединенности командования, бои проходили с бандами белых по линиям железных дорог. Естественно, что это сильно отражалось на пропускной способности жел. дор., каковая на некоторых магистралях равнялась нулю. Дезорганизация красных молодых частей дала возможность белогвардейцам занять территорию Дона, Кубани и Украины, лишив этим 10 армию, стоявшую в районе Царицына, и ближайшей железной дороги, связывавшей с центром: Царицын—Грязи—Москва. Естественно, перед командованием армии встал вопрос о создании новой линии для питания и таковая определилась от центра: Москва—Саратов и далее водным транспортом по Волге до Царицына. Управлением водного транспорта Царицынского узла, который находился в распоряжении Командарма 10, было предоставлено два парохода и несколько барж, каковые и были использованы для подвоза всех предметов снабжения из Саратова. По соображениям обще-государственным, многие грузы для 10-й армии направлялись по линии железной дороги Саратов — Астрахань до конечной станции выгрузки Владимировское, а оттуда по притоку Волги, реке Ахтубе (мелкая речушка часто меняющая свой фарватер). По реке Ахтубе грузы направлялись водой в базу—Царицын. Начались перебои в питании частей. Были случаи, когда многие суда садились на мель на перекатах, загораживая этим весь узкий фарватер этой реки, приостанавливая всякий подвоз продовольствия и огнеприпасов, при чем приходилось срочно производить перегрузку с севшего судна на другое, на что требовалось много времени. А это отзывалось на боевых действиях (сведения дал начдив 14-й стрелковой т. Штейгер).

14. В операциях экспедиционного корпуса 5-й армии против банд Унгерна была организована подвозка грузов по реке Селенге. Вследствие обмельчания реки в половине июня на полмесяца, река разделилась на две части: 1-я (меньшая) для мелко сидящих пароходов, 2-я (большая) для глубоко сидящих судов; в мелком фарватере работало два парохода с грузоподъемностью 1.000 пудов, в глубоком фарватере работало тоже два парохода с грузоподъемностью 20.000 пудов. Главное неудобство заключалось в том, что приходилось перегружать пароходы, на что уходило много времени и чем сильно задерживалась доставка грузов (сведения дал быв. комкорп экспедиционного тов. Нейман).

Заключение. Таким образом, по вышеприведенным материалам и по опыту прошлых войн очевидно, что в местностях, где климатические условия в разные времена года резко меняются, работа транспорта во время боевых действий всегда будет иметь значительные перебои и шероховатости. Так, при наступлении весны наиболее тяжелым временем явится ее начало с оттепелью и оттаиванием почвы и снега; осень в большинстве создает грязные, тяжелые дороги; конец осени и начало зимы влечет за собой частые

гололедицы; зима с большими снегами, а иногда и сильными оттепелями, не мало нарушает работу обоза; лето, имеющее периоды сильной жары, сильно отзывается на материальной части и движущей силе транспорта. До тех пор, пока страна не покрыта густыми железнодорожными и шоссейными сетями, которые наименее зависят от почвы, изменяемой временами года, необходимо считаться с перебоями в работе транспорта. Смягчить или, быть может, даже устранить в некоторых случаях эти вредные последствия, является неотложной обязанностью всего личного состава армии. В каждом отдельном случае, в зависимости от театра военных действий, эти меры могут быть разными и все будет зависеть от способности и предусмотрительности командного и административно-хозяйственного состава. Когда не выдерживает колесный и санный транспорт, быть может, придется перейти к вьючению наиболее необходимых и экстренных грузов, и разные другие мероприятия должны быть заранее предусмотрены.

Является существенным указать на меры, которые могут и должны быть приняты в обще-армейском масштабе в период подготовки войны. К этим мерам относятся: прокладка и усовершенствование дорог в местах возможных боевых действий, ибо всякая более или менее улучшенная дорога облегчит в период войны продвижение как войск, так и их обозов, и влияние времени года будет меньше отражаться на дорогах. Необходимо принять заблаговременные меры сверху и снизу 1) для своевременной смены разных видов транспорта; 2) к постановке ремонтного дела в транспорте; 3) квалификации личного состава транспортов. Необходима выработка технических инструкций частям о возможных мероприятиях для устранения вредных влияний времен года; выработка усовершенствований запряжки для быстрого приспособления к изменяющимся условиям и снабжение таковыми частей; изучение для командного состава в военно-географическом и статистическом отношении районов предстоящих действий; общее улучшение качества материальной части транспортов. Все эти меры, коими возможно смягчить и устранить естественные перебои в работе транспорта в ближнем тылу, в зависимости от времени года.

Степной.

Исторический очерк административного устройства театра военных действий и использование на театре военных действий транспорта.

Подразделение с началом военных действий всей территории страны на два района: а) театр военных действий и б) внутренний район государства.

Условия боевой жизни, предъявляющие армии исключительные требования, в свою очередь, в обеспечение интересов армии, обязывают установить и для той территории, где живут и действуют войсковые части и их обслуживающие учреждения, управления и заведения, особые нормы взаимоотношения с местным населением и местными гражданскими властями, которые должны обеспечить действующей армии большую свободу действий и возможность исполнить свою задачу. Для этого, с самого начала военных действий, территория, предназначенная для развертывания и действия вооруженных сил, а также для размещения всех тыловых учреждений, принадлежащих к составу действующей армии, выделяется из общей территории государства под названием „театра военных действий“. Определение границ данного театра должно заключаться в плане развертывания и сосредоточения войск, входящих в состав действующей армии. Остальная территория государства есть „внутренний район“.

Подразделение театра военных действий в территориальном отношении на районы: а) войсковые и б) тыловые.

Определенная часть театра военных действий, на которой действует группа армий или отдельная армия с некоторою самостоятельностью командующего (территория фронта), подразделяется на войсковые районы армий, входящих в состав фронта, и район общего фронтового тыла; в свою очередь командующий армией подразделяет район, занимаемый армией, на войсковые районы дивизии и армейского тыла и т. д.

Граница театра военных действий.

Установление границ театра военных действий имеет громадное значение, как для действующей армии, так и для населения, непосредственно не участвующего в военных действиях. Для действующей армии это имеет значение в смысле проявления полноты своей власти и обеспечения себя на своей территории от разного рода обстоятельств, мешающих выполнению постав-

ленных задач. Для мирного населения жизнь в военной обстановке стеснительна и мешает нормальному ее течению, в то же время налагает много самых разнообразных обязательств.

Военное положенке.

Объявление всей территории Республики военным лагерем в минувшую гражданскую войну имело свои причины и было необходимой мерой, но смотреть на это, как на правило для будущих войн,—не следует. Военное положение, вводящееся автоматически с объявлением мобилизации в районах сосредоточения и развертывания армий, на остальной территории фронта должно вводиться по мере действительной необходимости. Деление фронта на армейские и дивизионные районы, помимо вышепоименованных причин, имеет еще значение для размещения тыловых учреждений устройства коммуникаций. Границы, определяющие театр военных действий и дальнейшее его подразделение на районы по возможности не должны нарушать административного устройства территории мирного времени.

Административное устройство театра военных действий.

Военно-административное устройство театра военных действий слагается и зависит, главным образом, от удачного выполнения условий организации военных дорог, т.-е. налажения подвоза и эвакуации по различным путям, от устройства военной почты и телеграфа и от административной организации края.

Коммуникация.

Коммуникационные линии—это сеть путей, соединяющих армию с тылом. Путями этими могут быть: железные дороги, водные пути, грунтовые дороги и полевые желдороги. Каждый из этих видов путей сообщения представляет составной элемент общей коммуникационной линии и имеет свое определенное назначение.

Железные дороги.

Железные дороги дали возможность существовать многомиллионным армиям, ими сокращен период мобилизации, ускорено сосредоточение армии. Жел. дороги сделали армии независимыми от местных средств, обеспечили ход и развитие операций, подавая к фронту всякого вида питание и пополнение и приблизив глубокий тыл к войскам. Они же дают возможность армии быстро освободиться от всего излишнего. Опыт последних войн, империалистической и гражданской, выявил огромное значение ж. д. не только в подготовительный период войны, но и в период стратегического развертывания и даже во время тактических действий (переброски бронепоездов на поле сражения).

Водные пути.

Значение водных путей (речных) возрастает только при совпадении их направления с операционным, но водными путями не всегда можно пользоваться, вследствие спада вод или их замерзания.

Грунтовые пути.

Значение грунтовых путей не уменьшилось вообще, а в России в особенности, благодаря редкой сети желдорог.

Возросший до высокой степени автотранспорт требует должного развития сети и усовершенствования шоссейных и грунтовых дорог Грунтовые дороги служат для передвижения войск и их грузов на близких расстояниях.

Полевые железные дороги.

Полевые железные дороги служат дополнением к ширококолейным, восстановление которых идет медленно, и приобретают большое значение при невозможности развить быстро автотранспорт. В гражданскую войну при быстром продвижении вперед мы испытывали острую нужду в переносных желдорогах.

Военные дороги.

Каждое войсковое соединение до дивизии включительно имеет в пределах своего расположения свою одну, или несколько военных дорог. Для обеспечения правильности и беспрерывности передвижения всего проходящего по военным дорогам как к войскам так и обратно, на военных дорогах учреждаются этапы. Отсюда военные дороги называются этапными линиями. При устройстве военной дороги на грунтовых путях, ее разделяют на этапы, величиною в один переход (20—30 в.); в каждом этапном пункте устраивается станция, состоящая из госпиталя, продовольственных запасов, запасов обуви и одежды, охраняемая небольшим гарнизоном. К каждой станции приписывается участок местности для использования подводной и др. повинностей. Во главе этапа стоит этапный комендант. На железных дорогах этапы устраиваются с таким расчетом, чтобы части и команды, следующие по ним, могли получать горячую пищу раз в сутки. В начале военных дорог на театре военных действий этапы называются начальными, а там, где военная дорога подходит на полпереход к Штабу дивизии, головным этапом. В пунктах пересадки или перехода с железной дороги на грунтовые или водные устанавливаются сборные этапы. Для обеспечения связи военные дороги должны быть оборудованы телефоном и телеграфом.

Кроме путей подвоза нужно заранее, на случай отхода, подготовить пути отступления, которые не совпадают зачастую с первыми, идущими почти всегда по железнодорожным путям. Путь отступления в большинстве будет пролегать по грунтовой дороге, он должен быть хорошо оборудован складами припасов, где бы отходящие войска могли подкрепиться.

В период гражданской войны работа этапных частей достигла высшего развития. Во время летних операций 1920 года на западном фронте, когда, с одной стороны, шло быстрое наступление, вызвавшее большее число команд, идущих на присоединение к своим частям, пополнений и принятых пленных, с другой—последовавшее вслед за тем наше отступление, потребовали от этапных частей гибкости, быстроты передвижений и полного напряжения в работе. За

трех-месячный период (июль, август и сентябрь 1920 г.) в 16 армии пропущено через этапы командного состава 18773, красноармейцев 395119, военнопленных 19022, арестованных 12549.

Значение коммуникации в каждую эпоху развития военного искусства было огромное. Для современной армии коммуникации будут исключительно по жел. дорогам, которые играют громадную роль.

Подвоз. В настоящее время при массовых армиях довольствовать хотя бы один корпус исключительно местными средствами было бы большим делом. Во время гражданской войны армия (16) местными средствами удовлетворялась: хлебопродуктами на 40%, мясом иногда до 13%, все же остальное должно было доставляться из баз фронта, т.-е. итти по железным дорогам. Подсчитать, сколько надо заложить в базы, если ими только и ограничиться, в настоящих условиях ведения войны невозможно. Для современной армии база—все государство со всей его промышленностью. Средством доставки всего, изготовленного в глубоком тылу, на базисные склады фронта служит железнодорожный транспорт. Обеспечение железными дорогами должно соответствовать своевременному сооружению необходимых линий в предвидении военных событий, а нельзя его приурочивать к моменту начала военных действий. Тоже можно сказать и об обеспечении железнодорожным транспортом и самого театра военных действий. Как на пример неподготовленности театра военных действий, можно указать на Северный фронт во время Империалистической войны, который не имел ни одной, законченной сооружением, железной дороги. Невозможно было немедленно использовать пропускную способность ж. д. и в 1916 г. при оперативных перевозках в направлении Риги: последние совершались за счет поездов снабжения, разрушая подвоз его, и в течение декабрьской операции войска Рижской группы пережили крайнюю продовольственную нужду, несмотря на то, что к началу операции был сосредоточен 15-дневный запас.

Какую роль сыграли железные дороги в переброске живых сил,—известно. Достаточно указать, что помимо всякого рода других заданий, выполнявшихся жел. дор., были периоды, когда до 70% всех сил Красной армии находились в переброске.

Гужевой транспорт. Маневренный характер гражданской войны и редкая сеть железных дорог вызвали усиленную эксплоатацию гужевого транспорта. Штатных обозов для своих перевозок частям не хватало, приходилось широко пользоваться местными средствами, путем мобилизации обывательских подвод. В начале гужевой транспорт с трудом налаживался. Бессистемное и часто излишнее пользование обывательскими подводами лишало возможности удовлетворить впоследствии при значительном сосредоточении

войск все части средствами передвижения. В конце 1919 г. начали создаваться вольнонаемные и военные транспорты; так, напр., в XVI армии к весне 1920 г. их было сформировано три, и силами их за февраль 1920 г. было перевезено до 73000 пуд. груза. Использование автотранспорта в гражданскую войну носило чисто эпизодический характер.

Антропов.

Исторический очерк развития укомплектования Рабоче-Крестьянской Красной армии.

Развал старой армии. В процессе февральской революции старая царская армия, построенная и воспитанная на принципе защиты и опоры правящего помещичьего класса и царского правительства,—под влиянием социалистической пропаганды быстро сознала, в чьих интересах велась четырехлетняя бойня, называемая мировой войной. Сменившее старую власть буржуазно-соглашательское правительство, преследующее империалистические цели, непонятные и совершенно чуждые рабоче-крестьянским массам, составляющим армию, не могло поддержать в армии дисциплину и сохранить ее целость и мощь. Начавшееся одиночное дезертирство вскоре приняло массовый характер, т. к. правящий класс, преследовавший цели легкой наживы от войны, отсутствовал в рядах армии. Офицерский корпус, неподготовленный к революции, оказался не в силах противодействовать этому явлению, и к моменту начала Октябрьской Революции окончательно разложившаяся армия, по собственному почину, начала стихийно демобилизоваться, расхищая и распродавая попутно военное имущество.

Возникновение Красной Гвардии. Сознавая неустойчивость завоеваний Февральской Революции, рабочий класс в центре стал инстинктивно вооружаться, строясь в рабочие дружины Красной Гвардии и постепенно развиваясь и совершенствуясь, совместно с наиболее сознательными передовыми частями старой армии. Красная Гвардия к Октябрю представляла из себя довольно могучую силу, на которую вполне могли опереться рабоче-крестьянский класс и руководящая им коммунистическая партия, поставленная у власти Октябрьской Революцией.

Рабоче-Крестьянское Правительство, сознавая невозможность мерами физического и морального воздействия остановить стихийное разложение старой армии и имея прямой целью защищать завоевания Октябрьской Революции, усиливало мощь Красной Гвардии путем добровольной вербовки рабочих и сознательных солдат и переводом целых частей старой армии под знамена Красной Гвардии. Оно же предоставило рабочему, крестьянину, солдату старой армии—

самим разобраться в текущем моменте и осознать необходимость защиты с оружием в руках завоевания Октябрьской революции— Рабоче-Крестьянской власти, что и вылилось в стройную организацию Красной Гвардии.

Возникновение Красной армии. В момент наибольшего напряжения сил пролетариата и выдвинутого им рабоче-крестьянского правительства в направлении организации Советского аппарата и восстановления производительных средств Республики,—саботирующее старое чиновничество и часть интеллигенции под руководством черносотенно-монархических генералов, при непосредственном содействии социал-предательских партий меньшевиков и с.-р., убедившись в тщетности стремлений свержения Советской власти путем бешеной черносотенной пропаганды, погромов и террористических актов,—начали организовывать сначала мелкие белогвардейские отряды, а в дальнейшем целые армии, привлекая в ее ряды всех противников рабочего класса и Советской власти. Наряду с целым рядом отдельных черносотенно-кулацких мятежей, уничтожением транспорта, фабрик, заводов и складов,—белые банды, возникшие на окраинах Республики, поддерживаемые и снабжаемые иностранным капиталом и, главным образом, Антантой, окрепли и повели атаки на Рабоче-Крестьянскую Республику с целью свержения Советской власти и восстановления прежнего строя. Вследствие отсутствия аппарата управления и организации, Красная Гвардия, возникшая явочно революционным порядком, в этот момент не могла противостоять многочисленным внутренним и внешним противникам Социалистической Революции. Перед Рабоче-Крестьянским правительством, стал вопрос о необходимости создания постоянной регулярной Рабоче-Крестьянской Красной армии и соответствующего аппарата управления ею. Декретом Совнаркома от 15-го января 1918 г. была образована Всероссийская Коллегия по формированию Рабоче-Крестьянской Красной армии.

На коллегию возлагалось: направление и согласование деятельности местных, областных и краевых организаций по формированию армии, учет вновь формируемых единиц, руководство формированием и обучением, обеспечение вооружением, снабжением и санитарно-медицинской помощью, финансовое заведывание, разработка новых уставов, штатов, инструкций и т. д. Всероссийская Коллегия, возглавляемая комиссией из пяти лиц, по назначению Наркомвоен, в свою очередь, делилась на соответствующие отделы, возглавляемые коллегией из пяти лиц, утверждаемых Всероссийской Коллегией.

Организационные формы Красной армии. В этот момент молодая, еще не окрепшая Рабоче-Крестьянская Красная армия вынуждена была вести ожесточенную и упорную борьбу с внутренними и внешними врагами Советской власти, в ущерб развитию организации и обучения, почему отдельные ее части были разнообразны. Части формировались по штатам старой армии и временным, новым

штатам, вырабатываемым и утверждаемым отдельными лицами, Сов. учреждениями как в центре, так и на местах. В некоторых случаях наспех сколачивались просто партизанские отряды без определенных форм и штатов.

Всероссийская коллегия, возглавляемая рабочими и солдатами, малосведущими в военном деле, при отсутствии военных аппаратов на местах, не могла в полной мере справиться со столь огромной задачей, возложенной на нее.

Все мероприятия по формированию, организации и укомплектованию армии, проводимые Коллегией через местные советские и партийные органы и в отдельных случаях через сохранившиеся штабы частей старой армии, путем вызова добровольцев и с помощью распространения воззваний о необходимости защиты Советской власти не имели успеха. В некоторых районах с небольшим количеством крестьянской бедноты и в фабрично-заводских центрах добровольческих пополнений поступало более, нежели имелось в распоряжении местных властей предметов снабжения и вооружения для обслуживания их, и наоборот, в других районах, более богатых местными средствами и запасами боевых припасов, произвольно сосредоточенных при демобилизации старой армии, районах с мелкобуржуазным и кулацким населением, таковые пополнения совершенно отсутствовали. Несмотря на полноту власти на местах, сказывалось отсутствие аппарата по формированию армий. Поэтому местные органы, при выполнении формирований по заданиям центра и для обслуживания местных нужд, нередко прибегали к принудительным мерам, как-то: принудительная закупка или реквизиция лошадей, обозов, упряжи, продовольствия, фуража и т. д. Это вызывало нарекания населения, а в некоторых случаях и вооруженное сопротивление. Не лучше обстояло дело и с укомплектованием комсостава. Бывш. офицеры старой армии значительной частью перешли во враждебный Советской власти лагерь, решив с первых дней Октябрьской Революции вести активную борьбу с Рабоче-Крестьянским классом, другая часть их, в силу политической незрелости и неуверенности в успехе социальной Революции, заняла нейтрально выжидательное положение, игнорируя призывы Рабоче-Крестьянской власти к организации армии и защите интересов революции, лишь незначительная часть, по преимуществу молодые офицеры, малоопытные в военном деле, с первых дней Революции стали не колеблясь на сторону рабочих и крестьян.

Организация местных военных аппаратов.

Для упорядочения укомплектования, снабжения, учета и руководства формированием армии декретом Совнаркома от 8-го апреля 1918 г. постановлено учредить местные военные аппараты: окружные, губернские, уездные и волостные военные комиссариаты. Местный аппарат, из-за отсутствия по вышеуказанным причинам военных специалистов, был укомплектован рабочими, солдатами и интеллигенцией, в большин-

стве своем не проходившими военной службы. На первых порах такой аппарат не мог справиться с возложенной на него задачей, и дело укомплектования по прежнему носило хаотический характер. Лишь с упразднением Всероссийской Коллегии, образованием Всеросглавштаба и изданием временных правил о приеме на службу лиц комсостава, местные военные аппараты, пополнив себя соответствующими военспециалистами, в конце мая 1918 г. приступили к выполнению прямой задачи.

Введение воинской повинности. Непрекращающаяся гражданская война с момента Октябрьской Революции, к весне 1918 г. велась между Советской властью и европейской буржуазией непосредственно. Это вылилось в наступлении германского империализма на юго-западе и английских войск на севере. В окраинных государствах, как Польша, Литва и др., действовала вышедшая за пределы России объединенная русская контр-революция.

Перед Советской властью стал вопрос о необходимости усиления Красной армии путем введения обязательной воинской повинности. Но так как значительная часть населения Республики, в силу классовых противоречий или политической отсталости, враждебно относилась к строительству Красной армии, то 29-го мая 1918 года В. Ц. И. К. постановил ввести обязательную воинскую повинность лишь для рабочих и беднейших крестьян. Последующим распоряжением центральной военной власти производилась, по мере надобности, мобилизация порайонно или во всероссийском масштабе по возрастным категориям или специальностям.

Успех первой мобилизации. Первые частичные мобилизации, вследствие неналаженности агитационно-просветительной работы на местах, вызывали ряд нареканий со стороны беднейшего населения на более имущий класс—мелкую буржуазию и кулачество—не привлеченный властью к защите Советской Республики. А так как первые призывы производились не по всей территории одновременно, а по округам и губерниям и в районах прифронтовой полосы, где наиболее ощущался некомплект,—то развивалось дезертирство. В некоторых губерниях и уездах принятые новобранцы расходились со сборных пунктов по домам, в знак протеста против отсутствия в рядах армии кулаческого элемента и против частичной (по районам) мобилизации. К концу 1918 г. с передачей осуществления дела мобилизации Мобупру Всеросглавштаба, с привлечением в ряды армии всего трудового населения и с выделением в рабочие дружины лишь явно контр-революционного элемента,—дело мобилизации упорядочилось. Параллельно с призывом рабочих и крестьян, производилось привлечение бывш. офицеров, чиновников и других специалистов вначале добровольно, а затем во второй половине 1918 г. рядом распоряжений Правительства в порядке мобилизации, в количестве потребном для укомплектования действующей армии и резервов. Были специально организованы Комиссии центральная

и местные, которые, проверив техническую и политическую подготовку призываемых, направляли их в распоряжение Всероссглавштаба, или оставляли в прикомандировании к местным губ и уездвоенкоматам, сообщая сведения по специальностям и категориям центру Из образуемого таким образом резерва комсостава Всероглавштаб давал наряды на укомплектование комсоставом армий, согласно поступающих требований от действующих армий, фронтов и округов.

Первая мобилизация, в силу неналаженности военного аппарата и отсутствия плана, на первых порах не ладилась, ибо не было общего руководства по обучению и формированию запасных частей и маршевых пополнений.

В районах фронтов соответствующее командование, в интересах собственного фронта армии, вело непосредственное обучение мобилизованных через штабы частей, или поручало выполнение этой работы ближайшим советским и местным военным аппаратам, а в некоторых случаях прибывшие пополнения вливались немедленно в действующие части, без предварительный строевой и политической обработки, т. к. тыл не справлялся со своей задачей и не мог в полной мере обеспечить действующую армию подготовленным пополнением. Укомплектованные таким образом части нередко разлагались и теряли боеспособность.

Медленное развитие работы военного аппарата тыла объясняется изменой и отдельных лиц и целых групп старых спецов. Это вызывало недоверие политических руководителей, советских и партийных организаций, а с другой стороны, излишняя подозрительность последних нередко ставила в невозможность плодотворной работы и честно относящихся к своим обязанностям военспецов. В отдаленных от фронтов округах дело формирования и обучения маршевых пополнений обстояло немногим лучше. Работа производилась без определенного плана и системы, да и невозможно было таковую установить, в силу неустойчивости наших армий и появления новых и новых фронтов. Главное Командование вынуждено было прибегать к внеплановым формированиям новых регулярных частей, не давая возможности и времени произвести надлежащее обучение. Формирование отдельных дивизий, бригад, полков возлагалось на окружные губернские и уездные военкоматы, в зависимости от наличия в последних людских и конских рессурсов и предметов снабжения. Лишь к концу 1918 г. местный военный аппарат ввел определенную систему формирования и обучения запасных частей и посылку маршевых рот в действующие части. Но и в этот период встречалась масса затруднений в успехе планового укомплектования действующей армии, в силу слабо поставленной политической работы на местах, из-за отсутствия работников, необходимости привлечения в армию, наряду с рабочими и крестьянами бедняками, кулацкого элемента (по вышеизложенным причинам), недостатка продовольствия и почти совершенного отсутствия обмундирования.

Наряды Всеросглавштаба на переброску со сборных пунктов мобилизованных формирований и обучения их выполнялись далеко не полностью. Были случаи, когда отправленные военкоматами партии целиком разбегались по домам, и к месту назначения прибывали лишь провожатые со списками. Не совсем благополучно обстояло дело и с переброской в действующую армию обученных маршевых рот. Встречался целый ряд технических затруднений, наблюдались случаи бунтов и массовое дезертирство, вследствие чего приходилось, при испытываемом недостатке политработников вообще, вливать в маршевые роты группы коммунистов и передовых рабочих, а в исключительных случаях даже сопровождать эшелоны вооруженной охраной.

Существовавший порядок укомплектования армии лошадьми в порядке добровольного набора, по мере развития операций и увеличения фронтов, не мог удовлетворять потребности армий. В процессе напряженной борьбы за интересы трудящихся трудовые крестьянские массы, признавшие необходимость с оружием в руках защищать интересы Революции, фактически на $^2/_3$ пополнившие Красную армию, к концу 1918 г. были готовы на всевозможные жертвы для военных нужд. Поэтому декретом Совнаркома от 9-го сентября 1918 года был установлен набор в войска лошадей по военной конской повинности по твердым ценам, вырабатываемым Военно-Окружными Совещаниями и утверждаемым центром. Для этой цели была образована центральная и местные комиссии по ремонтированию армии, сеть которых раскинулась по губерниям, уездам и волостям, осматривая пригодность к полевой службе лошадей, разнося их по особым спискам, сортам и родам войск. В тех случаях, когда у однолошадного крестьянина лошадь признавалась годной для армии, а у многоимущего владельца негодной, комиссия, на основании особой инструкции, при содействии местных Сов. органов, производила замену годных лошадей непригодными для армии, дабы не нанести ущерба сельскому хозяйству и распределить повинность равномерно. Принятую лошадь комиссия таврировала, выдавая крестьянину особую квитанцию на получение денег из местного казначейства. Лошадь крестьянин обязывался в назначенный день доставить на сборный пункт. Уезд и Губкомиссии со сборных пунктов принятых лошадей направляли, по указанию Окружного Штаба, в конзапасы. В конзапасах лошади выдерживались, обучались и, по нарядам центра, по мере потребности, направлялись на укомплектование действующей армии.

Обоз. Снабжение армии повозками, упряжью и конским снаряжением, с начала гражданской войны до конца 1918 г., производилось из запасов старой демобилизованной армии и путем реквизиции у местного населения. Но так как, при хаотической демобилизации старой армии, громадное количество обозов и упряжи в районах быв. фронтов и местах демобилизации, попало

к местному населению, а военная промышленность не в состоянии была обслуживать нужды все возрастающей Красной армии, то постановлением Совнаркома от 2-го декабря 1918 г. был издан закон о сдаче и реквизиции повозок военного образца и относящихся к ним принадлежностей, упряжи и снаряжения (конского). Означенное изъятие сначала было произведено от гражданских и частных учреждений, а затем и от местного населения бесплатно. Указанное мероприятие Правительства не удовлетворило потребностей армии, в силу чего, в последних числах декабря 1918 г., последовало распоряжение Правительства о мобилизации повозок, упряжи и снаряжения с возмещением их рыночной стоимости. Проведение в жизнь вышеизложенных распоряжений правительства, аналогично людскому и конскому укомплектованию армии, было возложено на подлежащие местные военные аппараты.

Упраформы и их деятельность. В силу изложенных недостатков механизма Красной армии в тылу, фронты живо ощущали несвоевременные подачи пополнений и их малую боеспособность особенно в те моменты, когда враг был силен и, чувствуя нашу слабость, переходил в яростные наступления. Дабы иметь свой собственный запас укомплектований, полевое командование к концу 1919 г. явочным порядком начало создавать Управления по формированию, обучению, укомплектованию и мобилизации—армии и фронтов. Означенным Управлениям подчинялась в военно-административном отношении вся территория районов фронта и армии по принадлежности, при чем Военкоматы этих районов подчинялись им во всех отношениях. В некоторых случаях в интересах боевых задач, по ходатайству Р. В. С. фронтов, в подчинение Упраформам прирезывались временно губернии ближайших тыловых округов.

На Туркестанском фронте Военно-Окружное Управление было совсем упразднено с передачей его функций целиком Упраформу фронта, с подчинением ему в военно-административном отношении всех пяти областей Хивы и Упраформа 1-ой армии.

На Упраформы командованием фронтов и армий возлагалось: проведение мобилизации в районе фронта и армии, формирование и обучение полевых частей всех родов оружия, формирование запасных частей и руководство обучением переменного состава, укомплектование людьми действующих частей по нарядам Штабов фронтов и армий, мобилизация и аттестация комсостава. В тех случаях, когда мобилизация в районе фронтовой полосы не удовлетворяла потребности пополнения, Упраформы требовали присылки комсостава от Всероглавштаба. Имея, таким образом, в своем распоряжении постоянный резерв комсостава, Упраформы укомплектовывали части, кроме подчиненных им непосредственно и находящихся в периоде формирования, также и полевые части по нарядам соответствующих Штабов фронтов или армий.

В начале Упраформы имели свои органы Снабжения и Политотделы, но, вследствие получившейся путаницы в работе, к началу 1920 г. они были упразднены. Их обязанности (снабжение и политвоспитание формирующихся и запасных частей) были возложены на Отделы Снабжения фронтов армий и Политотделы по принадлежности.

Запасные части формировались по мере надобности, обучение производилось по инструкциям Упраформов.

Определенного общегосударственного плана не было, количество запасных частей не было точно определено, почему в некоторых случаях запасные части перегружались переменным составом (в полках бывало до 20.000 человек). Срок обучения зависел от потребности укомплектования действующих частей войск, почему пополнения посылались не всегда вполне подготовленными. Так как военно-конская повинность не удовлетворяла потребностей полевых средств для действующей армии, то был образован закупочный аппарат—центральная и местные комиссии, на фронтах фронтовые и армейские, работающие под руководством Инскавов. На Туркфронте, вследствие неуспеха в работе, закупочный аппарат и конзапасы, распоряжением Комфронта, были переданы Упраформу. Закупка лошадей никогда не имела положительного результата, т. к. цены, устанавливаемые Центром, вследствие неизбежной бумажной проволочки, всегда отставали от рынка, почему армия всегда имела громадный некомплект лошадей, хотя и были благоприятные возможности удовлетворять нужды полностью. Примером этого может служить закупка Упраформом Туркфронта, перед Бухарской операцией, 8.000 лошадей в течение недели, и если-бы имелось достаточное количество дензнаков, можно было бы закупить за этот срок 22.000 лошадей. Укомплектование войск лошадьми Упраформ производил по нарядам Штаба фронта под инспекторским наблюдением Инскава. Вследствие непосредственного и полного подчинения Упраформов командованию фронтов и армий, происходило много трений с Всеросглавштабом, т. к., хотя по положению Упраформы и должны были согласовать свои действия с указаниями Всеросглавштаба, но это по обстановке не всегда удавалось, а иногда просто игнорировалось. Всеросглавштаб не всегда и очень неточно был информирован о ходе мобилизации в губерниях и областях подчиненных Упраформу, и поэтому трудно было регулировать укомплектование действующих армий из центральных округов. Каждый фронт стремился получить возможно больше. Вследствие указанных ненормальностей и отчасти параллелизма в работе Упраформа с административными органами Штабов, к концу 1920 г. Упраформы были упразднены и непосредственные обязанности по укомплектованию действующих войск возложены на Штабы. Организация и обучение запасных частей, питание живыми средствами действующих армий, было перенесено в округ под непосредственным руководством и указанием Полевого Штаба Республики

Запасные армии. По упразднении Упраформов, распоряжением Р. В. С. Р. были сформированы запасные армии, примерно по одной на фронт. Запасные армии с делом подготовки пополнений справлялись сравнительно успешно, но само укомплектование ими действующей армии нельзя было признать нормальным. Так, например, Украинская Запасная армия, расположенная в одном городе со Штабом Южфронта, имела части расположенными параллельно полевым войскам и не могла укомплектовывать фронт непосредственно, так как Южный фронт, по мере убыли, предъявлял требования на пополнения Центру, по нарядам коего прибывали пополнения в 75% общей потребности из Центральных Округов и лишь незначительная часть нарядов ложилась на Украинскую Запасную армию. По соображениям политического характера и благодаря сильно развитому бандитизму и дезертирству, все местные уроженцы направлялись Украинской армией на другие фронты и в центральные округа.

Так как, параллельно с громадным аппаратом запасных армий существовали штабы округов (на Южном фронте два: Киевский и Харьковский), которые с таким же успехом могли бы справиться с задачей мобилизации, обучения и укомплектования армии, то, к концу ликвидации Врангелевщины, Верховным Командованием была признана необходимость расформирования запасных армий. Военно-административные функции их переданы были Штабам Округов, а оперативное подчинение запасных частей и укомплектование полевых войск—Штабам фронтов и армий. В этот период плановое укомплектование действующей армии лошадьми также находилось в ведении запасной армии, причем, поскольку закупочный аппарат ее не справлялся полностью с задачей,—параллельно существовали и армейские закупочные аппараты, производившие работы в своих районах. Строго разграничить районы закупок было трудно, да и полевое командование, в интересах обеспечения операций, не всегда подчинялось ограничениям. С упразднением запасных армий, формирование и обучение запасных частей было возложено на Округа и Штабы фронтов, вплоть до марта 1921 г., когда последовало распоряжение о реорганизации и численном сокращении армии. По приказу Р. В. С. Р. о календарном сокращении армии, были расформированы все запасные войска и конзапасы, но временно образованы ремонтные кавполки и артдепо. Пользуясь передышкой в боевых действиях на окраинах и в виду окончательного уничтожения внутренней контр-революции, правительство нашло возможным продолжать сокращение армии до минимума, в силу чего, к концу 1921 года, все запасные войска в Республике упразднены, и никаких укомплектований с того времени не производилось.

Заключение. В процессе Великой Русской Социальной Революции, в небывалой в мире схватке труда с капиталом, — русский пролетариат, поддерживаемый трудовым крестьянством, пре-

зирающий войну и боровшийся десятки лет за ее уничтожение,— был вынужден в течение четырех лет вести самую ожесточенную вооруженную борьбу с мировой буржуазией и объединенной русской контр-революцией. После февральской революции, задолго до октября, русский передовой пролетариат, сознавая дезорганизованность и политическую отсталость крестьян и солдат русской армии, для достижения конечной цели—уничтожения власти капитала, начинает вооружаться и строиться в дружины Рабочей Красной Гвардии. Она укомплектовывалась добровольно и усовершенствовалась, как подсказывал революционный инстинкт. Это—первое проявление революционной инициативы русским пролетариатом. После октябрьских завоеваний, уставшая в мировой войне старая царская армия стремится в родные села; крестьянство же, получившее в пользование от помещиков землю, не сознавая надвигающейся опасности, держится пассивно. Разбитая, но не уничтоженная, контр-революция переходит в наступление. Пролетариат, в интересах собственных и трудового крестьянства, лихорадочно создает Красную Рабоче-Крестьянскую Армию. Встречается на пути ряд технических затруднений, приходится бороться с пассивностью главного контингента населения—крестьянства и враждебностью и саботажем старых военспецов, не имея при этом определенных организационного и оперативного планов, а лишь твердое желание победить, укрепить свои ряды и отбить яростные атаки классовых врагов. Укомплектовывается молодая Красная армия рабочими и добровольцами, под влиянием агитации и политпросвещения, из среды беднейшего крестьянства и солдат старой армии.

Сплоченная мировая и русская контр-революция блокирует и сжимает в тесное кольцо Советскую Республику. Крестьянство целиком на стороне пролетариата. Поспешно строится местный военный аппарат и полевое управление действующей армии; привлекается принудительным порядком на действительную военную службу старый комсостав; вводится обязательная воинская повинность; производится мобилизация лошадей, обозов и принадлежностей к ним. В силу классового антагонизма и неумелого, на первых порах, использования бывш. офицеров, военный аппарат неработоспособен: подготовка пополнений и укомплектование армии идет медленно. Верховное военное командование и руководящие политические органы, стремясь к упорядочению дела укомплектования армии, неоднократно пересматривают местные полевые военные аппараты по формированию и обучению запасных частей и укомплектованию действующей армии, и лишь к концу гражданской войны в этом направлении достигают сравнительных успехов. Весь период небывалой в мировой истории гражданской войны прошел под лозунгом: „победить твердыни капитала или умереть за дело Социальной Революции“. Окруженный прислужниками мирового капитала, терпя ненависть отечественной интеллигенции и бывш. офицерства, Российский

пролетариат и крестьянство проявили в гражданской войне небывалую в истории инициативу и настойчивость.

Наученные горьким опытом прошлого, пользуясь временной передышкой в условиях мирной обстановки, мы должны воспитать армию и подготовить план формирования, обучения запасных частей и укомплектования армии, дабы, в случае военных действий при нападении мировых хищников, не повторить ошибок, совершенных в период гражданской войны.

Порядок укомплектования армии в мирное время. В настоящий более или менее продолжительный период; укомплектование армии должно производиться очередными призывами молодежи в известной пропорции к постоянному численному составу армии. Но так как, в связи с последним распоряжением Правительства о сокращении армии, очередные призывы, очевидно, не включат всего подлежащего отбыванию воинской повинности населения, необходимо образовать краткосрочное обучение оставшегося за укомплектованием армии призывного элемента. В данном случае необходимо установить льготы по призыву для малотрудоспособных семейств и лиц со специальным образованием, привлекая их на ускоренный курс военной подготовки. Означенное обучение военному делу наиболее удобно организовать в местных уездных и губернских городах, вызывая инструкторский и кадровый состав из регулярных близ расположенных частей, причем таковое краткосрочное обучение необходимо периодически повторять. Срок действительной службы в мирное время надо установить ни в коем случае не более, чем того требует изучение военного дела по каждому роду оружия, дабы непроизводительной задержкой в армии трудового элемента не ослаблять производительности страны.

Укомплектование армии в мирное время лошадьми и обозом особых затруднений не встречает, но для обеспечения армии на случай войны необходимо использовать мирный период, с величайшим напряжением всех сил страны, для восстановления разрушенного в период гражданской войны государственного коннозаводства, коневодства и для поднятия военной промышленности.

Система организации укомплектований в военное время людьми, комсоставом и лошадьми. Мобилизационный план, разрабатываемый на основании статистических данных в мирное время, предусматривает развертывание армии на случай войны в размере предполагаемых операций и учитывает силы возможных противников. С объявлением мобилизации, из регулярных частей выделяются кадры красноармейцев, младшего и старшего комсостава на формирование второочередных частей. Одновременно с выделением кадров первоочередные и второочередные части укомплектовываются до штата военного времени, призванным из запаса комсоставом и мобилизованными красноармейцами, ранее проходившими военную службу. Но так как в начале войны никогда

нельзя определить продолжительности и размеров операций, то необходимо, в целях обеспечения армии вполне подготовленными людьми, комсоставом и лошадьми, с объявлением мобилизации организовать запасные части всех родов оружия, сосредоточить резервы командного состава и образовать конские запасы, в количестве потребном для систематического пополнения действующей армии.

Схема

Укомплектований Армии в военное время

Запасные войска должны состоять из следующих категорий: а) местные тыловые, куда следует принимать со сборных пунктов мобилизованных, обучать их по особой программе и составлять постоянный запас людского пополнения действующей армии, б) запасные фронтовые войска, служащие приемником поступающих обученных пополнений из тыла, регулятором и распределителем укомплектований в действующие части и в) запасные подвижные части, находящиеся непосредственно при действующих частях, каковые принимают и распределяют пополнения, прибывающие из запасных частей фронта, и составляют постоянный резерв укомплектований своей части.

На организацию местных запасных войск регулярные части, с объявлением мобилизации, выделяют кадры младшего и старшего комсостава, не менее 50% штатного состава мирного времени. Имея ввиду штатную численность действующего корпуса около 35—40.000 человек, ежемесячные потери в среднем 10—15%, что составляет приблизительно 4—6.000 человек, штат переменного состава запасного стр. полка должен быть от 3.500—5.000 человек, при сроке обучения от 1½ до 3 месяцев. Запасные стрелковые части следует расчитывать по два полка на действующий корпус. Действующая конница несет, примерно, те же потери, что и пехота, но обучение кавалериста несколько сложнее и требует более продолжительного срока, примерно 3—4 месяца. Не имея данных о численности и планах действующей конницы в будущей войне, необходимо запасные кавалерийские части формировать в таком количестве, чтобы на каждую тысячу человек действующей конницы запасные части содержали от 300 до 450 человек переменного состава. Кавалерийские запасные части расквартировываются в районах наиболее богатых фуражем и укомплектовываются добровольцами и уроженцами тех областей, кои исторически сохраняют традиции конницы, как например, казаки, киргизы, калмыки и различные кавказские народности. Как и пехоту, местные кавалерийские запасные части необходимо сводить в отдельные бригады-дивизии с непосредственным подчинением в строевом и административно-хозяйственном отношении командованию округов. Артиллерийские, инженерные и другие технические войска несут сравнительно меньшие потери, а следовательно и пополнений потребуют меньше, но при определении количества запасных частей необходимо принять во внимание трудность и большую продолжительность срока обучения означенных родов оружия. Если принять во внимание, что артиллерийские и инженерные войска в среднем несут 2—3% потерь в месяц, а на обучение потребуется от 4-х до 6 месяцев, то запасные части надо формировать в таком количестве, чтобы на каждые 1000 человек действующих войск запасные части подготовляли 150 человек.

Тыловые запасные войска формируются в местах постоянного квартирования действующих войск и укомплектовываются переменным составом из местного населения. Для удобства управления и обучения, запасные войска следует формировать в виде самостоятельных единиц с соответствующим хозяйственным и административным аппаратом, как-то: запасные стрелковые бригады-дивизии, запасные кавалерийские бригады-дивизии, запасные артиллерийские бригады, отдельные запасные инженерные полки, отдельные запасные бронедивизионы и т. д. Местные запасные войска во всех отношениях подчиняются командованию округов, по месту расположения; наряды на пополнение даются исключительно центральным управлением.

Запасные части, расположенные в округах, вошедших в район того или иного фронта, могут быть распоряжением Главного Коман-

дования, в исключительных случаях, переданы в распоряжение командования фронта. Фронтовые запасные части следует формировать по одной дивизии на фронт с количеством полков по числу действующих корпусов с таким расчетом, чтобы переменный состав обученного пополнения всегда равнялся 10% штатного состава корпусов. Означенные запасные дивизии целесообразно подчинить начальнику штаба фронта, так как штабу, как оперативному центру фронта, удобнее регулировать и равномерно и своевременно распределять поступающие из тыла пополнения.

Подвижные запасные части следует формировать в виде отдельных батальонов, по одному на действующий корпус, который подчинить во всех отношениях Начальнику Штаба корпуса. Фронтовые кавалерийские запасные части формируются по принципу пехотных, примерно по одной отдельной бригаде или дивизии на фронт, в зависимости от наличия стратегической конницы. Для находящейся в составе фронта конной армии необходимо придать отдельную кавалерийскую запасную бригаду. Штатная численность фронтовых и армейских запасных бригад должна быть расчитана так, чтобы в них содержалось обученного пополнения 10—15% штатного состава действующей войсковой и стратегической конницы.

Кроме того, в стратегической коннице необходимо иметь подвижные кавалерийские части, для тех же целей, как указано в пехоте, по одному запасному кавалерийскому полку на действующий корпус. Фронтовые и подвижные запасные кавалерийские части целесообразно подчинить в строевом отношении инскавармам.

Технические запасные части следует формировать лишь при штабе фронта, а в подвижных надобности не встречается.

Для обеспечения успеха боевых действий армии не менее важно периодическое и своевременное укомплектование комсоставом, что предусматривается мобилизационным планом и приводится в исполнение мобилизацией при объявлении войны и дополнительными призывами в мере действительной потребности в процессе войны. Командный состав следует мобилизовать с таким расчетом, чтобы, за удовлетворением текущей потребности, всегда был соответствующий резерв на предмет пополнения непредвиденной убыли и новых формирований полевых войск. Сосредоточенный таким образом в тылу, в резервах Главного Командования и при штабах округов комсостав, в период ожидания боевой работы, должен быть привлечен к повторению знаний военного дела (путем временного прикомандирования к соответственным, по уровню военной подготовки, курсам для теоретических занятий и к запасным частям для полевых и тактических занятий). При штабах фронтов и армий, в непосредственном распоряжении командующих, тоже необходимо иметь незначительный резерв комсостава всех родов войск на предмет пополнения текущей и непредвиденной убыли.

Опыт гражданской войны заставляет полагать, что и будущие войны будут иметь большую маневренность, с привлечением крупных конных сил, а следовательно расход конных средств будет громадный. Все это учитывается мобилизационным планом, и, при объявлении мобилизации, необходимо образовать государственный запас конных средств. Для этого в тыловых округах необходимо организовать конские запасы, в количестве, обеспечивающем своевременное и беспрерывное пополнение убыли в действующей армии. Если принять во внимание ежемесячные потери лошадей в кавалерии 15—20%, в артиллерии—5—10% и в пехоте 5%, то число конских запасов со штатами переменного конского состава в них надо формировать так, чтобы на каждую действующую тысячу лошадей в конзапасах содержалось: строевых—200, артиллерийских 75 и обозных 50 голов.

Конские запасы, как и запасные части, подчиняются штабам округов. В действующей армии, подобно организации запасных частей, необходимо иметь фронтовые, а при конных армиях и армейские ремонтные депо. Штат ремонтного депо всецело зависит от наличия конных средств в войсках и, главным образом, кавчастей на фронте. Ремонтные депо подчиняются инскавам, с предоставлением права инспекции заинтересованному лицу другого ведомства инспарту.

Как указано выше, все местные запасные войска, конские запасы и резервы комсостава во всех отношениях подчиняются командованию округов, которые руководят обучением, озабочиваются снабжением всеми видами довольствия, следят за точным выполнением в определенный срок программы обучения. В установленные сроки соответствующему управлению центра даются сведения о наличии обученного пополнения, состоящего на обучении, некомплекте переменного состава и о количестве пополнений, отправленных в действующую армию, по родам оружия. По мере расходования обученных пополнений, запасные части укомплектовываются переменным составом путем дополнительных мобилизаций.

Порядок укомплектования действующей армии. В период военных действий в действующей армии учетом едоков, боесостава и убыли красноармейцев, административного и командного состава и лошадей ведают штабы отдельных частей (полков) и в виде ведомостей по установленным формам представляют сведения в штабы дивизий—корпусов, где эти сведения суммируются и, в свою очередь, представляются по административной линии в штабы армий, а из армий в штабы фронтов 2 раза в месяц. Кроме этого, еженедельные сведения о боесоставе и убыли представляются в указанном порядке по телеграфу, а в исключительных случаях в результате исхода боев немедленно, по окончании боя, представляются сведения о потерях. Таким образом, административный аппарат штаба фронта, имея всегда точные сведения о состоянии и переменах в армиях фронта, в обработанном виде, по установленной форме, периодически

высылает таковые в Штаб Главного Командования с точным указанием некомплекта в войсках по родам оружия.

Главное командование, в зависимости от обстановки и оперативного плана и от наличия обученных пополнений, дает наряды округам на полное или частичное и постепенное укомплектование убыли. В том случае, когда командованию фронта поставлена определенная оперативная задача, и в виду серьезности операции, представляется Главному Командованию общее требование на укомплектование всех родов войск. Таковые требования должны выполняться нарядами вне обычной очереди. Главное Полевое Управление, имея требования от всей действующей армии и точные сведения от округов о наличии подготовленного пополнения, состоянии резервов комсостава и конских запасов, — дает наряды округам, с точным указанием, сколько и куда надлежит нарядить и отправить красноармейского, командного и конского пополнений. Штабы округов полученные наряды центра немедленно передают к пополнению запасным дивизиям или отдельным и техническим запасным частям по принадлежности, направляя для совместного следования потребное количество комсостава, который при формировании и следовании маршевых частей занимает командные должности. Штабы формируют маршевые роты, батальоны или полки; требуют, по нарядам штаокра, необходимое количество подвижного состава, грузят и отправляют непосредственно и доносят штабу округа о времени и количестве отправляемых людей, комсостава, лошадей, обоза и вооружения и о степени подготовки пополнения. Копии этих донесений направляются непосредственно штабу фронта или отдельной армии.

По прибытии к месту назначения, маршевые части распоряжением штабов фронтов выгружаются и вливаются в соответствующую по роду оружия фронтовую запасную часть. Здесь, если имеется время, прибывшие пополнения продолжают обучаться, снабжаются обмундированием, снаряжением, вооружением, и по нарядам направляются в действующие войса. В экстренных случаях прибывающие из центра пополнения, не требующие дополнительной обработки, штабом фронта направляются непосредственно в действующие части, путем изменения маршрута, о чем уведомляется заинтересованный штарм. Означенный порядок укомплектования применим для всех родов оружия действующей армии. Требование на пополнение комсостава производится тем же порядком. Прибывший на фронт комсостав поступает в резерв и, на основании имеющихся требований от армий, направляется, в мере действительной надобности, непосредственно в части войск, или через штабы армий, с подразделением по квалификации, по родам оружия и должностям. Высший комсостав, по требованию командования фронтом, назначается непосредственно Главным Командованием и прибывает на фронт с определенным назначением на ту или иную должность. В случае несогласия с персональным назначением, командование

фронтом таковых кандидатов отсылает обратно, требуя замены, но назначать на низшие должности права не имеет.

Учет наличия и убыли конского состава в армии производится так же, как и людей. Требование на укомплектование проводится снизу вверх в порядке подчиненности. Прибывшие на фронт лошади поступают в ремонтное депо, где выдерживаются и, если позволяет время, обучаются. По мере надобности они распоряжением штаба фронта направляются в действующие войска. В случаях, не терпящих отлагательства, эшелоны с конским пополнением могут быть, распоряжением штаба, в пути следования переадресованы непосредственно в ту или иную часть.

Все дело укомплектования армии целесообразно сосредоточить в одном органе, ведающем учетом бойцов, едоков и убыли в действующей армии.

В. Иванов.

Исторический очерк использования местных средств на театре военных действий во время гражданской войны.

Сущность снабжения массовых армий.

Современные войны являются результатом столкновения огромных масс вооруженного народа, при сильном напряжении моральных и материальных средств страны. С развитием сети жел. дорог и прогрессом техники, на театре военных действий появились массовые армии, которые настойчиво потребовали от страны напряжения и развития государственного аппарата для осуществления целей вооруженной борьбы. Снабжение массовых армий на театрах войны при современных условиях ведения войны—дело в высшей степени сложное и трудное. Сложность эта происходит от следующих причин:

Во 1-х, от многочисленности состава армий и их значительной тактической плотности на театре военных действий;

Во 2-х, вследствие прогресса техники, вызывавшей потребность в боевых припасах, усложнившей военно-инженерные средства и повлиявшей на появление на театре военных действий совершенно новых технических средств боя, требующих питания и перевозки их;

В 3-х, от крайней интенсивности ведения современных войн, и следовательно крайней напряженности службы снабжения на театре войны.

Таким образом, дело снабжения армии на театре войны чрезвычайно расширилось, усложнилось и потребовало обратить сугубое внимание на устройство тыла современных армий.

Источником питания современных массовых армий является хорошо сконструированный аппарат тыла. Тыл должен регулярным образом работать на армию и этим обеспечить за ней возможно большую независимость и свободу стратегических и тактических действий.

Подвозимые и местные средства на театре воен. действий.

Потребности массовых армий огромны. Снабжение их происходит подвозом из тыловых заранее оборудованных базисных складов и широкой эксплоатацией местных средств на театре военных действий.

При энергичном наступлении войск никакой транспорт не сможет подвезти в полной мере продовольствия для армии вследствие

разрушенных пр-ком путей сообщения и прочих случайностей войны, а потому пользование местными средствами на театре военных действий настоятельно необходимо, главным образом, местным продовольствием, в котором у армии ежедневно очень большая потребность. Современные армии требуют применения широкой эксплоатации местных средств с энергичным подвозом из тыловых баз всего того, что нужно для армии и чего не могут дать местные средства, а также вывоза с театра войны всего ослабляющего армию. Необходимо отметить, что целесообразное и реальное использование местных средств на войне было и будет служить огромной помощью в деле снабжения войск.

Отдавать предпочтение одному из упомянутых способов снабжения, значило бы заблуждаться: все зависит от обстановки и условий, при которых созревают современные войны.

Все наши положения о полевом управлении войск в военное время мало уделяют внимания эксплоатации местных средств на театре военных действий. Опыт гражданской войны воочию убедил нас, участников, какое колоссальное значение имеет систематически продуманная и правильная эксплоатация местных средств при боевых действиях, а потому этому вопросу должно быть уделено достаточно серьезного внимания еще в мирное время.

Определение понятия о местных средствах.

Под понятием о местных средствах, в обширном смысле слова, необходимо подразумевать все те ресурсы области или края, которые могут быть использованы войсками на театре военных действий для целей войны, включая сюда: все государственные и частные сооружения, предприятия, естественные и искусственные пути сообщения и связи, и прочие блага страны. Рассмотрим только те местные средства, которые могут быть извлекаемы на театре военных действий непосредственно от местного населения данной области, на месте нахождения войск.

Использование местных средств.

Снабжение армии местными средствами в широкой степени применялось великими полководцами мира, как то: Александром Македонским, Аннибалом и Наполеоном.

В эпоху революционных войн во Франции Наполеон довел до совершенства искусство жить за счет края. С занятием неприятельской страны Наполеон тотчас же накладывал руку на все ее доходы; независимо от сего, им налагались большие денежные контрибуции и устанавливались чрезвычайно разнообразные натуральные повинности, в виде поставки лошадей, повозок, провианта, фуража, скота и проч., при этом применялись всевозможные способы этой эксплоатации в зависимости от обстановки.

Наполеон все свои операции строил, главным образом, на умелом использовании местных средств театра военных действий, почему армии Наполеона мало зависели от сообщений, зато часто терпели

нужду при тесном расположении и впоследствии быстро таяли, неся большие потери больными и отсталыми. В интересах свободы стратегических операций эксплоатация местных средств является в высшей степени желательной, успех ее зависит прежде всего, конечно, от богатства края, в котором действуют войска, а также и от умения извлекать из местных средств нужное для армии, не разоряя край и не прибегая к чрезвычайно жестоким мерам, как то имело место в 30-ю войну, где армии жили исключительно грабежами и насилиями, разоряя край и внося в него ужас и озверение. Довольно умело пользовались местными средствами немцы в Франко-Прусскую войну 1870—71 г., также пользовалась местными средствами русская армия в великую мировую войну, в особенности в маневренный период,—в Восточной Пруссии, Галиции и Привислянских губерниях.

Условия, в которых велась минувшая гражданская война, в значительной степени благоприятствовали нашим армиям к широкому пользованию местными средствами на театре военных действий по следующим причинам:

Во-1-х, Красная армия действовала на богатой местными средствами территории.

Во-2-х, действовала на широких фронтах, с малой тактической плотностью.

В-3-х, Красная армия действовала в своей стране, в большинстве случаев, с явно дружелюбным к ней отношением местных властей и большинства населения.

В 4-х, острый недостаток транспорта и запасов в Республике, истощенной за время мировой войны, и малая производительность фабрик и заводов в связи с общей разрухой страны, сильно сказались на степени обеспечения Красной армии; это принудило ее в силу жестокой необходимости к пользованию местными средствами. В результате Красная гвардия вначале, а затем и Красная армия на протяжении всей гражданской войны жили на 80—90% местными средствами, что придавало им большую маневренность—решительность в расчетах и молниеносность в проведении задуманных операций.

Примеры использования местных средств.

Довольно ярким примером вышесказанному могут служить действия на Восточном фронте, где 5-я армия, разбив армии Колчака на рубеже р. Тобола, молниеносно преследовала пр-ка до г. Иркутска, покрыв расстояние с боями свыше 2-х тысяч верст в промежуток времени около 3-х месяцев. В этой операции тыловые учреждения армии, дивизии и бригады отстали на целые 1000 верст, а части питались (самоснабжались) исключительно за счет местных средств богатой Сибири и захваченных трофеев. Аналогичным примером могут служить операции на Западном фронте в Варшавском направлении, где наши части также жили и питались, главным образом, местными средствами.

На протяжении всей гражданской войны, к великому сожалению, эксплоатация местных средств не имела определенной системы и

строго организованного характера, а производилась чисто случайным стихийно-революционным, а подчас и хищническим способом самоснабжения, что, конечно, тяжелым бременем ложилось на местное население, подчас жестоко разоряя его и этим ставя в безвыходное тяжелое положение, часто выливавшееся в вспышки, восстания и недовольство Советами и Красной армией. Вот довольно яркий пример жестокой эксплоатации местных средств Семиреченской области белыми армиями генералов Анненкова и Дутова. В январе 1920 года после боев в районе Сергиополя, армия генерала Анненкова, довольно потрепленная, отошла на юг от г. Сергиополя и расположилась в северо-восточном углу Семиреченской области на небольшой территории Сергиопольского и Копальского уездов. В течение четырех месяцев армия пр-ка численностью до 20 тысяч человек исключительно жила за счет края, хищническим образом утилизируя местные средства продовольствия и транспорта. Такая зверская эксплоатация местного населения вызвала восстание у них в тылу, что дало нам возможность предпринятым наступлением окружить часть армии Анненкова, которая 24 апреля 1920 года вынуждена была капитулировать, наступающие части и продолжительно стоявшая армия пр-ка, окончательно разорили край, и начался ужасный голод среди местного населения и капитулированной армии Анненкова. Подвоз продовольствия в разоренный район был сильно затруднителен вследствие весенней распутицы и нашим частям, пленным и всему населению грозили ужасные последствия голодной смерти, и только своевременно принятые героические меры дали возможность подвезти продовольствие, как для войск, так и для населения, и этим спасти десятки тысяч населения от голодной смерти.

Органы, ведающие эксплоатацией местных средств.

В процессе длительной гражданской войны, в нужде и лишениях родились органы, занявшиеся сбором местных средств как на театре военных действий, так равно и во всей республике. Такими органами в начале гражданской войны были: продотряды, продполки и дивизии, а затем появились закупочные комиссии Чусоснабарма и их уполномоченные.

С введением декрета о разверстке родились особые продовольственные комиссии, впоследствии приданные действующим войскам и переименованные в Упрадивы, Упродармы и Упродкомы. Необходимо заметить, что, главным образом, ведающими эксплоатацией местных средств все же были Начснабы, Начхозы в самих действующих войсках.

К числу органов, ведающих эксплоатацией местных средств, необходимо отнести и все этапные организации, ведающие сбором как продовольствия, так и транспорта.

Упомянутые тыловые органы и учреждения Красной армии при эксплоатации местных средств применяли следующие способы: реквизицию, конфискацию, контрибуцию, разверстку, продналоги, закупки, мобилизации и использование трофеев, взятых у пр-ка.

Реквизиция. Излюбленным способом снабжения Красной армии была реквизиция; ею широко пользовались отряды Красной гвардии и регулярная Красная армия.

Реквизиция есть обязательная поставка населением разного рода предметов натурой для надобностей войны, с выдачей квитанций. Реквизиция может производиться двояким образом: 1) самими войсками (войсковые реквизиции) или 2) распоряжением административно-хозяйственных органов (административн. реквизиция).

Войсковая реквизиция. Войсковая реквизиция не может быть строго правильной, она в большинстве случаев производится поспешно, неорганизованно, кроме того частью она производится непосредственно самими войсками, а не через обывателей, такой способ реквизиции именуется самореквизицией.

Самореквизиция. Войсковая реквизиция пагубно и разлагающим образом действует на боеспособность войск и психологию местного обывателя. Несмотря на это, войсковая реквизиция в некоторых случаях является неизбежной и должна быть рекомендована войскам. Такие случаи бывают при продолжительных переходах по краю, богатому местными средствами, при энергичном наступлении и преследовании пр-ка, когда обозы и снабженческие органы далеко остаются позади войск, а также при действии отдельных отрядов, не имеющих своих хозяйственных органов.

Административная реквизиция. Административная реквизиция слишком медленна и, следовательно, там, где потребности войск должны быть немедленно удовлетворены, она неприменима.

В гражданскую войну применялась, главным образом, войсковая реквизиция и самореквизиция или самоснабжение. В начале гражданской войны реквизиции подвергались, главным образом, буржуазия и кулаческий элемент.

Примеры. Так, в начале января 1919 года, по занятии 1-й отдельной Симбирской бр дой гор. Бирска—Уфимской губернии, для бригадного госпиталя было реквизировано у зажиточных обывателей города Бирска несколько сот одеял, простынь и белья, помимо того реквизировались у местного населения все излишние теплые вещи и шубы для Красной армии Таких примеров в жизни Красной армии бесчисленное множество. Многочисленные реквизиции, применяемые Красной армией, происходили стихийно, неорганизованно в атмосфере острой нужды и необходимости средств для ведения войны; и только 16 апреля 1920 г. декретом С. Н. К. реквизиция была облечена в законные рамки; на основании этого декрета 8-го августа того же года приказом Р. В. С. Р. было объявлено положение о праве и порядке производства реквизиций военным и морским ведомством, действующее и до сих пор (см. приложение—приказ Р. В. С. Р. № 1479).

Упомянутое положение смотрит на реквизицию как бы на нечто предосудительное, воспрещенное и сильно ограничивает действия в

этом направлении войск; но суровая действительность войны сплош и рядом заставляет применять реквизицию самими войсками в их месте нахождения под ответственностью войскового начальника. В будущих войнах не следует открещиваться от реквизиции, а наоборот, широко ее рекомендовать, проводя ее законно и систематично, ни в коем случае не допуская произвольных требований вымогательства и расхищения, о чем войска должны быть неоднократно предупреждаемы, памятуя, что разоренный край—„наш опаснейший враг“.

Конфискация. Конфискация обозначает отобрание имущества в казну. По законам Р. С. Ф. С. Р. конфискация считается безвозмездной.

Принудительное отчуждение государством имущества частных лиц или обществ, применяемое как исполнение приговора народных судей и ревтрибуналов, а также по распоряжениям С. Н. К., В. С. Н. Х. и бывших органов В. Ч. К.,—конфискация в широкой мере применялась как отрядами Красной гвардии, так и Красной армией по отношению к имуществу граждан, бежавших к белым, контр-революционеров и по постановлению местных гражданских и военных властей, политических органов и ответственных работников. Так, в некоторых отделах снабжения были учреждены особые комиссии, которые брали на учет все имущество граждан, бежавших к белым, извлекали из него все необходимое для целей войны, остальное передавали местным властям.

С появлением на фронте ревтрибуналов и особых отделов, конфискация получила приблизительно законные формы. В начале гражданской войны конфискация производилась неорганизованно, случайно, без точных законов и положений, и только 16 апреля 1920 г. декретом С. Н. К. конфискация вылилась в определенные узаконенные формы, которыми и сможет руководствоваться в будущих войнах с небольшим изменением.

Контрибуция. В начале гражданской войны отряды Красной гвардии и Красной армии особенно любили пользоваться контрибуциями. Облагались целые города, села и деревни, обложению подлежали буржуазия и кулаческий элемент. Денежные суммы, взимаемые, как контрибуция, шли или на выплату жалованья в отрядах Красной гвардии или на организацию просветительных и пропагандных целей. Контрибуция—это известная определенная сумма, наложенная победителем: 1) во время войны—на население занятой области, 2) по окончании войны—на правительство побежденного противника. Контрибуция налагалась на население всеми почти нач-ками, политическими карательными органами, местными военными и гражданскими властями как в отношении целого общества, так и на отдельных лиц. В конце 18 года контрибуция носила эпидемический характер. Необходимые армии денежные средства сплошь и рядом добывались при помощи контрибуции. В первых месяцах 19 года контрибуция декретом была совершенно воспрещена, но ею еще наши части долгое время поль-

зовались в тех случаях, когда суровая действительность это диктовала. Так, например, в конце марта месяца 19 года во время нашего отступления из-под Уфы, жителями одной из деревень ночью были разграблены три повозки сахару, принадлежащие отделу снабжения бригады; военкомбригом на всю деревню была наложена контрибуция в размере 40000 р. керенками. Деньги были использованы комбригом на постановку красноармейских спектаклей.

Разверстки. В деле снабжения Красной армии местными средствами питания, разверстка и продналог сыграли колоссальную и решающую роль на исход гражданской войны. Введенная декретом еще в начале гражданской войны разверстка, по которой весь излишек продуктов сельского хозяйства поступал в полное распоряжение государства, дала большое количество продуктов питания, которых почти хватало, чтобы прокормить нашу многомиллионную армию, рабочих железных дорог и важнейших промышленных предприятий.

В процессе сбора разверстки родились наши особые продовольственные комиссии, которые в значительной степени облегчили войскам дело снабжения их продовольствием и отчасти освободили от обременяющего их самоснабжения.

Продналог. С окончанием гражданской войны и демобилизации Красной армии, чтобы уменьшить тяготы крестьянства в 1921 году постановлением ВЦИК разверстка была отменена и вместо нее вводится натуральный налог на продукты сельского хозяйства. Продналог стал значительно меньше разверстки, и крестьяне по выполнении его всеми своими излишками распоряжались по своему усмотрению. Продналог взимается в виде процентного отчисления на произведенные в хозяйстве продукты, исходя из учета урожая, числа едоков в каждом хозяйстве и наличия скота в нем. Таким образом, разверстка и продналог в гражданской войне служили одним из могучих средств снабжения Красной армии продовольствием на театре военных действий.

Поквартирное довольствие. К эксплоатации местных средств необходимо отнести поквартирное довольствие войск на театре военных действий. Упомянутый способ довольствия войск состоит в том, что войска получают готовую пищу от местных жителей — квартирохозяев за плату или с выдачей квитанций. На протяжении всей истории минувших войн мы видели, что войска широко пользовались поквартирным довольствием. В минувшую гражданскую войну Красная армия, главным образом, размещалась по обывательским квартирам, одновременно предъявляя свои требования домохозяевам и на пищу; эти требования довольно часто выливались в такую фразу: „угостите нас чайком, хозяюшка, мы уплатим“, но под видом чая красноармейцы, пользуясь, где сочувствием, где гостеприимством, а где и принуждением, получали все необходимое для своего существования. Этим явлением в сильной степени подчеркивается большая зависимость

Красной армии от местных средств, что вполне находило себе оправдание при ее действиях в богатых и густонаселенных районах, так как отсутствовал хорошо сорганизованный аппарат тыла и был недостаток транспортных средств в Республике.

В гражданскую войну в широких размерах применялся этот способ отдельными отрядами, командами, разъездами, не имеющими своих кухонь, обозов, и прочими войсками при форсированных маршах, когда тыловые учреждения и обозы отставали далеко от войск. Желательно, чтобы в будущих войнах к принудительному поквартирному довольствию войска прибегали в исключительных случаях, не применяя никаких насилий и угроз к населению и расплачиваясь по установленной норме—цене; все это трижды окупится сочувствием широких масс населения, главным образом, местного пролетариата, что в наших освободительных войнах сыграет исключительно важную роль.

Закупки. К способам пользования местными средствами необходимо отнести и закупки. Закупки бывают: по определенной и распубликованной таксе (твердым ценам) или по вольной рыночной цене. В гражданскую войну оба эти способа имели широкое применение в действующих частях Красной армии; при чем в тех случаях, когда продуктов на рынке оказывалось недостаточно или денежные средства были ограничены, прибегали к закупкам по твердым ценам. В тех случаях, когда по политическим и оперативным соображениям сбор разверстки приостанавливался, особые продовольственные комиссии, а по их разрешениям и начснабы, начхозы, их уполномоченные и агенты прибегали к широким закупкам продовольствия по рыночным ценам. Способ покупки по рыночной цене обещает наилучшие результаты, если население не отказывается продавать, но желает только продать дороже, но если население из чувства патриотизма или из боязни ответственности перед своими бывшими властями не предлагает своих запасов в продажу, приходится прибегать к реквизиции или к обязательной поставке продовольствия по твердым ценам. Кроме продовольствия многомиллионная Красная армия, благодаря упавшей и разрушенной вихрем революции военной промышленности, производила огромные закупки у местного населения мануфактуры, зимней одежды, обуви, транспорта и лошадей. Все эти предметы военной необходимости закупались особыми комиссиями, выделенными от Реввоенсоветов, командования, начснабов и начхозов, или подрядным путем по вольным ценам; были случаи и принудительного обложения целых городов, волостей и деревень, когда к этому вынуждала жестокая необходимость. Примеры только что упомянутых закупок в гражданской войне бесчисленны; желательно, чтобы в будущем закупки производились строевыми начальниками на выданный им аванс в исключительных случаях обстановки; а, главным образом, все закупки производились начснабами и начхозами по точно выработанным еще в мирное время инструкциям и правилам.

Мобилизация людей, лошадей и транспорта на театре военных действий в гражданскую войну.

Красная армия в момент ее зарождения комплектовалась исключительно добровольцами по классовому принципу. В первую очередь брались в ряды армии рабочие, коммунисты, сочувствующий пролетариат и крестьянство. Образовавшиеся многочисленные фронты потребовали нового формирования и пополнения уже действующих частей Красной армии; создавшаяся обстановка побудила Республику объявить повсеместную мобилизацию трудового элемента и старого командного состава прежней царской армии, но и этих рессурсов людских не хватало для возмещения убыли все растущей нашей Красной армии. В силу необходимости действующие армии сами стали пополнять убыль в действующих частях, производя мобилизацию военнообязанных возрастов в освобождаемых от противника областях и губерниях, а также и в наших далеких уголках РСФСР, где оперировала Красная армия и где еще не была проведена мобилизация по тем или иным причинам. В первую очередь мобилизовались местные коммунисты и сочувствующие, затем рабочие и крестьяне, которые тут же на месте вливались в действующие части Красной армии, вооружались и шли в бой против белогвардейских банд. С ростом регулярной Красной армии, потребовались в армии и специалисты разных категорий и наименований, которых также наши армии использовали на театре военных действий, привлекая их в армию путем мобилизации. Для несения службы в тылах (в штабах и учреждениях) армиями мобилизовалась местная интеллигенция. Кроме того, Красная армия в значительной мере пополнялась непосредственно на театре войны—пленными и перебежчиками, которые, как показал опыт гражданской войны, в большинстве случаев дрались превосходно; но предварительно их отводили в ближний тыл и там фильтровали, удаляя зловредный буржуазный элемент, шпионов и агентов белогвардейцев, в то же время подвергая их усиленной политической обработке. Опыт гражданской войны нам показал, что мобилизованный на театре военных действий и тут же влитый в ряды армии малосознательный крестьянский элемент, при наших неудачах и отходе покидал ряды армии и оставался в оставляемых нами деревнях и селах, унося с собой снаряжение и вооружение. Так, мобилизованные 5 армией в конце 1918 года, малосознательные и некультурные уральские татары, влитые непосредственно в действующие части армии, при нашем отходе из-под Уфы почти все остались при отходе в своих селах и деревнях.

В таких случаях необходима переброска мобилизованных на другие фронты подальше от их родных мест, где они в общей массе при хорошем комсоставе будут отлично драться.

На будущее время желательно, чтобы мобилизацию на театре военных действий в местностях, освобождаемых от противника, производили не сами действующие части, а наскоро сформированные мобилизационные аппараты губернских и уездных военных комисса-

риатов, которые, опираясь на местные гражданские власти, сумеют значительно успешнее и организованнее провести мобилизацию.

Мобилизация лошадей, повозок и сбруи. В первый период гражданской войны все наши операции велись исключительно вдоль линии путей сообщения—железнодорожных и водных, ибо наши действующие части не имели своих обозов, транспортов и лошадей, что, естественно, их приковывало к упомянутым сообщениям. С организацией полевых действующих армий и возникновением обширных фронтов явилась потребность в организации и формировании: кавалерии, артиллерии, колесных транспортов и обозов. Действующие армии спешно приступили на театре военных действий к мобилизации лошадей, повозок и сбруи. С этой целью сначала была объявлена мобилизация лошадей, повозок и сбруи в городах у нетрудового элемента, где мобилизация скорей походила на реквизицию, а в иных случаях на конфискацию, а затем приступили к всеобщей мобилизации лошадей и повозок у всего населения Республики. Порядок и способы, применяемые Красной армией при мобилизации лошадей и повозок, были чрезвычайно разнообразны. Впоследствии самочинные мобилизации лошадей и повозок были запрещены и взамен их были разрешены частям обширные закупки, по заранее утвержденным РВС ценам. В будущем желательно, чтобы все мобилизации на театре войны производились по строго разработанному мобилизационному плану, аппаратами местных военных властей. В тех случаях, когда суровая обстановка войны вынуждает действующие части прибегать к мобилизации, желательно, чтобы таковая носила характер организованных закупок по установленным рыночным ценам, что несомненно даст желательные результаты и улучшит взаимоотношения местных жителей к нашим войскам.

Использование местного транспорта. Из местных средств особенное значение для действующих войск имеет гужевой транспорт, которым неизбежно приходится пользоваться на театре военных действий. Маневренность и подвижность нашей гражданской войны, в условиях слабо развитой сети железных дорог, водного и автомобильного транспорта, естественно вызвали усиленную эксплоатацию гужевого транспорта на театре военных действий. Штатный войсковой транспорт в частях был в незначительном составе, и вся тяжесть перевозок не только войсковых грузов, но и целых строевых частей действующей Красной армии тяжелым бременем ложилась на обывательские подводы, привлекаемые в порядке подводной повинности у местных жителей; бессистемное, подчас излишнее пользование обывательскими подводами еще более усугубляло остроту этого вопроса на местах. Ярким примером вышесказанного могут служить переброски туркестанских войск сначала на Семиреченский фронт для подавления Вернинского восстания (со станции Бурное до Верного расстояние—585 верст). Обратная переброска 3 туркдивизии из Семиречья на ст. Бурное и перевозка продовольствия, трофеев и пленных с Семире-

ченского фронта в Ташкент потребовали 10 тысяч подвод от местных жителей, живущих вблизи пути следования войск. Эта массовая эксплоатация гужевого транспорта, бессистемно-хаотическая, на несколько месяцев оторвала крестьян от их хозяйства и дома; следствием этого были неубранные и незасеянные поля, а потом и окончательное разорение крестьян. В гражданскую войну в Туркестане в широких размерах применялся нашими войсками вьючный транспорт: верблюжий и ишачий. Так, в первых числах апреля 1921 года 1 стр. Туркдивизией была предпринята операция в Каракульские пески (между Хивой и Закаспийской областью) против предводителя Иомудских племен (популярного среди них) Джунанд-Хана. Для этой операции потребовалось до 2.000 верблюдов, с расчетом 3—4 верблюда на всадника и одного на двух стрелков. Указанное количество верблюдов срочно было доставлено за плату местным населением, по разверстке местных гражданских властей, согласно предъявленного требования штабдива I и местным исполкомом. В Бухаре довольно успешно нами применялся ишачий транспорт для перевозки вьюками как продовольствия, так и боевых припасов. Необходимо отметить, что эксплоатация гужевого транспорта непосредственно на театре военных действий на протяжении всей гражданской войны велась самими войсковыми частями (потребителями). С этой целью от комендантов или начальников частей наряжались небольшие конные или пешие части, которые направлялись в ближайшие селения и предъявляли местным властям категорические требования на гужевой транспорт; если местные власти отсутствовали или не справлялись с этой задачей, то войска сами обходили селение и под угрозой заставляли местных жителей поставлять необходимое количество гужевого транспорта. В более глубоких тылах армий сбором, нарядом и распределением гужевого транспорта между войсковыми частями ведал этапный комендант, который уже организованно, через посредство местных властей и за плату извлекал от местного населения гужевой транспорт. В будущем необходимо ввести, как законное правило: во-первых, чтобы войсковые части еще в мирное время были снабжены особыми перевозочными „литерами" платными и бесплатными, которые и предъявляли через своих комендантов местным властям, что даст возможность контролировать начальников в целесообразном использовании местного транспорта и его учета и последние должны нести суровую ответственность за каждое излишнее и беспричинное требование на гужевой транспорт. Во-вторых, за пользование транспортом у местных жителей надлежит обязательно расплачиваться; с этой целью снабдить войска контрамарками, которые местные жители могли бы обменивать в полевых казначействах или отделах снабжения на деньги по установленному тарифу за наряд для перевозок. В случае установленной подводной повинности, расчет можно производить только по литерам. В-третьих, следует выработать строгий порядок пользования и наряда гужевого транспорта, для чего необходимо, чтобы нарядом

на гужевой транспорт ведали исключительно местные гражданские власти через этапных и войсковых комендантов.

Использование трофеев. К местным средствам необходимо отнести и захваченные у противника трофеи или добычу. Минувшая гражданская война в особенности была богата и разнообразна захваченными трофеями, благодаря энтузиазму, героизму нашей Красной армии и победоносному окончанию войны. В последнюю войну трофеи попадали в руки передовых действующих частей, которые извлекали из них все, по их мнению, необходимое для них, а остальное оставляли на произвол и расхищение местных жителей. Не было никакого аппарата, который бы вел учет и распределение захваченного между войсками. Трофеи расходовались неразумно и без всяких норм. Благодаря тому, что не велось учета трофеям, бывали случаи, когда по нескольку месяцев какое-нибудь ценное военное имущество или оружие лежало где-нибудь на складе или в поле и ожидало случайного обнаружения, в то время как на других фронтах в том имуществе ощущался колоссальный недостаток. Таких примеров за всю гражданскую войну очень много. Необходимо уделить особое внимание еще в мирное время на использование трофеев, для чего: во-первых, создать в армии особые аппараты при начснабах, которые ведали бы а) учетом захваченных трофеев, б) охраной и распределением их среди войск, в) сбором при помощи принуждения у местного населения оружия, снаряжения, обмундирования и прочего военного имущества, г) скупкой за деньги у местного населения трофейного или иного военного имущества, д) порчей и уничтожением при нашем отступлении всего того, чем может воспользоваться противник для своих военных целей; во-вторых, привить войскам сознание, что все захваченные трофеи не есть их собственность, а неотъемлемая принадлежность Республики, почему следует относиться к ним бережно, охраняя и не давая на расхищение местным населением; в-третьих, трофейное имущество распределять среди войск по мере надобности и сперва среди всей нашей действующей Красной армии.

Особенности снабжения местными средствами при отступлении. Описываемое мною использование местных средств касалось только наступательных наших операций. При отступлении, в особенности в первые дни, очень трудно пользоваться местными средствами в тех случаях, когда отступление начнется неожиданно для нас под давлением противника. Местное население прячет все и само прячется, в большинстве случаев, относится недружелюбно. Кухни и обозы легко поддаются панике, быстро теряют свои части, отходя по другому направлению, загромождают дороги, теряют порядок движения и придают отступлению неорганизованный стихийный характер. Так, при отступлении 5 армии из-под Уфы в начале 1919 года, многие наши части потеряли свои обозы, отступая в других направлениях, отчего некоторые действующие части вынуждены были самоснабжаться местными средствами. В таких случаях необходимо строго поддерживать

связь с тылом, разрешить реквизиции и закупки продовольствия и фуража арьергардным частям, остальные войска будут питаться продовольствием, собираемым снабженческими органами по пути отступления. Если отступление начинается по оперативным соображениям, не под давлением противника, то пользование местными средствами значительно облегчается.

Особенности снабжения местными средствами при сосредоточении и продолжительных стоянках на одном месте.

При сосредоточении войск для боя и продолжительных стоянках на одном месте, эксплоатация местных средств питания обязательно должна находиться в руках административно-хозяйственных органов, а местного транспорта и рабочей силы—в руках этапных комендантов, которые должны иметь точные сведения о местных средствах своего района и способах их использования.

Строевое командование совместно с начснабом устанавливает точное разделение всей местности на войсковые районы, учитывая статистические данные этой местности. Таким образом, должна производиться строго продуманная и организованная эксплоатация местных средств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

I. Суммируя все вышеизложенное и учитывая исторический опыт революционных войн в эпоху Наполеона—во Франции, Франко-Прусскую войну в 1870—1871 гг., мировую и минувшую гражданскую войны, нам воочию приходится убеждаться, какое колоссальное значение имеет правильное и своевременное использование местных средств и трофеев на театре военных действий. А потому, в будущих наших наступательных войнах, при нашей экономической бедности и недостатке транспортных средств нам придется в силу суровой необходимости в широких размерах пользоваться местными средствами. Отсюда становится очевидным, какое серьезное внимание должно быть уделено на сконцентрирование аппарата тыла, ведающего правильными и законными способами эксплоатации местных средств при наступлении и уничтожением этих средств при нашем отступлении.

II. Необходимо признать, что к концу гражданской войны лучшими органами по использованию местных средств были наши: Чусоснабармы, их уполномоченные, Особые продовольственные комиссии, Начснабы и Начхозы. С окончанием гражданской войны, в силу событий, Чусоснабармы и Упродармы были изжиты, естественно, все их функции должны перейти в ведение Начснабов, чего, конечно, нигде не наблюдается. С объявлением войны недостатки нашего снабженческого аппарата в этом отношении сильно скажутся, а потому сейчас же необходимо проектирование единого военного аппарата снабжения, который полностью воплощал бы все функции упомянутых органов.

III. Для наиболее полной и широкой эксплоатации местных средств и трофеев на театре военных действий, крайне желательно сконструирование при Начснабах, начиная с стрелковых дивизий (за счет других отделов), Особого „Эксплоатационного управления“, или „Отдела“, который подчинялся бы Начснабу, и в исключительных случаях РВС или командованию, параллельно подчиняясь ВСНХ и Наркомпроду, пользовался бы всеми правами и приемуществами, в то же время совмещая в себе все полностью функции Чусо и Опродкомов (Упродармов). Начальник Эксплоатационного управления должен нести строгую ответственность 1) за правильную и полную эксплоатацию местных средств и трофеев, 2) за равномерное распределение местных средств среди войск. Он же должен вести строгий статистический учет местным средствам и трофеям и быть хорошо осведомленным с театром военных действий и местными нравами и обычаями и прочими очень сложными обязанностями этого управления.

IV. Участие самих войск в процессе сбора местных средств крайне нежелательное (исключительное) явление, которое пагубно и разлагающе действует как на боеспособность действующих войск, так и на психологию местного населения и потому желательно в будущем придать Эксплоатационному управлению особые конные и пешие команды, численность которых будет зависеть от их работы и обязанностей.

V. Эксплоатацию местных средств транспорта и их порчу при отступлении обязательно возложить на н-ков военных сообщений и их представителей до корпуса включительно. Работа их должна протекать в полном контакте и связи с Эксплоатационным управлением.

VI. Использование местных средств связи и порча их в будущих войнах должна носить постоянный и обязательный характер, а не случайный, как то было в гражданскую и даже в мировую войны. А потому начальники связи должны быть высоко квалифицированы и подготовлены в этом направлении еще в мирное время. Работа их также должна вестись в полном контакте и связи с Эксплоатационным управлением.

VII. Признать крайне желательным широкое использование „Эксплоатационным управлением“ на театре военных действий для целей войны местных фабрик и заводов, мастерских, мельниц, кустарей и специалистов разных категорий и наименований, как это было в минувшую гражданскую войну.

Блажевич.

М. И. БРАИЛОВСКИЙ.

Укомплектование армии по опыту гражданской войны.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Прежде, чем начать этот доклад, мне необходимо оговориться, что он состоит из 2-х частей: 1-й—исторического очерка и 2-й—укомплектование армии по опыту минувших войн. Составлен он исключительно по личному опыту, а исторический очерк по личным воспоминаниям. Это не есть пренебрежение ко всякого рода источникам, а означает, что таких источников нет совершенно. После мировой войны вообще и гражданской в частности освещаются все стороны военного искусства. А эта область до сего времени не освещена. Возможно, что причиною этого является отсутствие определенных систем, которых и в довоенное время не было даже в первоклассных армиях Запада. Многие страны, содержа в мирное время армии, едва могли ежегодно пополнять их людьми, не говоря о войне, для которой требовались слишком непосильные средства. Их использовывали сразу в полной мере. Может быть поэтому и отсутствуют у них системы, столь необходимые в такой важной отрасли человеческой жизни.

Однако, если западным соседям этого не требовалось, то России это было необходимо в виду многочисленности народонаселения, обширности территории и пр. А оказалось, что в России-то, где на этой системе должны были быть построены все расчеты войны, ее и не было. Возможно еще, что мы тянулись в хвосте у Запада и брали с него пример; а коль скоро этот вопрос там не поднимался, то и мы о нем молчали, оставив его на русское „авось". „На авось" и было построено дело укомплектования, когда началась мировая война, а за ней и гражданская. Вот основные причины того, что западным армиям не о чем писать, а России слишком трудно отдать себе отчет по этому вопросу, так как все было смешано и получилась такая неразбериха, из которой нам необходимо выбраться. Вот эту-то цель я и преследую в настоящем докладе, не имея возможности по вышеизложенным причинам осветить настоящий вопрос по авторитетным источникам.

ЧАСТЬ 1-ая.

Исторический очерк укомплектования д. армии.

Введение.

Во всякой армии вообще и в массовой в особенности, вопрос правильного комплектования во время войны,—вопрос победы, а поэтому каждая армия должна иметь постоянный источник готового пополнения, дабы война велась без кризисов. Для этого должна существовать определенная система, способствуюшая целесообразному использованию живых сил страны. В 1914 году, когда была объявлена война, русская армия мобилизовалась быстрей, чем этого можно было ожидать. И посейчас русские ставят в пример прошедшую мобилизацию. Но чего стоила эта красиво проведенная мобилизация? Она выбила из колеи весь аппарат. Правда, корпуса ушли на театр военных действий отмобилизовавшись, но зато они оставались во время всей войны без регулярного укомплектования. Затем, когда оно прибывало, можно было сказать в полном смысле, что это пушечное мясо.

Организация запчастей и система укомплектования с начала мировой войны.

С уходом корпусов, каждый полк оставлял на своем месте запасный батальон, выделив для его формирования самых непригодных офицеров и стариков, немощных, калек и пр. Таким образом, в родившиеся с началом войны запасные части было вложено малодушие, свойственное выделенному кадру. Могли ли эти лаборатории выработать нужного солдата с наступательной активностью? Безусловно нет. В запасные батальоны была назначена та часть мобилизованных, которая осталась, как излишек от укомплектования действующих частей, а так как мобилизовано было все, что составляло запас и ополчение 1 разряда, то без сомнения в малоорганизованных и невместительных запчастях скопилось такое число переменного состава, что эти части представляли какой-то муравейник, в котором люди в невозможно грязных и тесных условиях ожидали своей отправки на фронт. Ноябрь 1914 года, т.-е. через три месяца после объявления войны, и в запасных частях нет переменного состава, как запаса, так и ратников. Начинается призыв молодежи, новобранцев и через четыре недели—они уже на фронте. Чем это может объясняться? Безусловно неумелым использованием хорошо подготовленного пополнения. Тот большой запас живой силы, который был призван с объявлением войны, был израсходован небережливо, потому что совершенно излишне было призывать сразу все призывные возрасты и непроизводительно расходовать на них скудные

средства страны, а развившиеся, благодаря скученности, болезни значительно убавили этот запас. В первый период кампании, шедшие на укомплектование маршчасти в значительной мере не попадали в назначенные места. Да это вполне и понятно при той неорганизованности, какая имела место в то время. Это наблюдалось и во весь период войны, и было весьма удивительно, если кто-либо из офицеров или солдат возвращался обратно в свою часть. Это имело значительное влияние на ход войны, так как действующие части в нужные момены были без пополнений и, естественно, небоеспособны. Израсходование сразу всего хорошо подготовленного запаса заставило прибегать к наборам калек и допризывников, из которых старались сделать солдат в четыре недели. Затем был использован последний рессурс, не бывший совершенно на учете, о призыве которого военное ведомство никогда и не думало. Это были ратники ополчения 2-го разряда, т.-е. которые „могли бы закидать противника шапками". На них и смотрели, как на солдат по недоразумению. При таких условиях из них хороших солдат сделать было трудно. Затем шло неизбежное зло, вытекающее из того, что пополнения не попадали в заранее предназначенные части, почему командиры запчастей и не несли полной ответственности перед кем-либо за их поведение в бою. На такого рода маршпополнения стали смотреть на фронте, как на нечто неизбежное в части. Все это не сколоченное и неорганизованное стадо рассыпалось и прекращало свое существование после первого наступления.

Отчасти вышеизложенное, отчасти позиционная война, где войска были более или менее на определенных местах, заставило принять какие-либо меры к упорядочению этого вопроса. В 1916 году запасные батальоны были переформированы в запполки, которые приданы каждый к определенной дивизии. Идея была такова: каждый полк обслуживает определенную дивизию и даже каждый батальон в полку обслуживает определенный полк. К сему надо добавить, что тогда же был установлен порядок возвращения в свои части как офицеров, так и солдат. Поэтому, где бы они ни находились, по выздоровлении должны были отправляться в свои запасные части, откуда офицеры уходили в качестве командиров маршевых рот команд, а унтер-офицеры в ролях взводных командиров и т. д. На первый взгляд кажется, что это весьма совершенно, а на практике вышло совсем по другому. В виду того, что эвакуация больных и раненых происходила в глубь страны и притом в разные районы, можно было видеть по всем железно-дорожным линиям массу офицеров и солдат, едущих из разных сторон обширного государства в свои запасные части, перегружая транспорт, непроизводительно тратя время без пользы. Установленный порядок не избавил и от таких явлений, как перехват маршпополнения другими частями. Объясняется это отсутствием у командования запчастей в своем распоряжении для удовлетворения срочных потребностей и т. д. Во

время войны нам пришлось наблюдать всю тупость царского интернационализма, примером которого может служить следующее характерное явление: в г. Казани формируется маршевая рота из прибывших по мобилизации татар и чувашей Казанской и Симбирской губерний. По программе обучить роту следовало в 6 недель. По истечении положенного срока, был произведен смотр, в результате которого начальство выяснило, что никто в роте не говорит по-русски. А потому не была подготовлена и рота, и ее оставили доучиться еще на две недели. Трудно себе представить случай, чтобы кто-либо, даже при больших способностях и желании, мог научиться говорить по-русски в такой короткий срок. Однако через 8 недель рота убыла на фронт. Комполка, в который она прибыла, осмотрев ее, не нашел для нее лучшего использования, как превратить в рабочую команду. Вскоре она была и отсюда изъята и отправлена на пополнение какого-то разбитого корпуса. Все были страшно рады избавиться от такой обузы. Эта система укомплектования пребывала в армии до ее ликвидации, а затем по наследству досталась и Красной армии. Вот почему и пришлось кратко коснуться этого вопроса с начала его возникновения.

Система укомплектования с начала гражданской войны.

Мы признаем, что даже в первоклассных армиях, существовавших в благоприятных условиях, вопрос укомплектования не был упорядочен. Что же можно было ожидать от вновь рожденной в исключительных условиях армии? Мог ли кто в начале ее формирования заняться изобретением систем укомплектования? Конечно нет! Все были заняты совершенно другим. Что же оставалось делать и как укомплектовать армию? Оставалось только принимать за основу старые порядки, применяя их к новым условиям. Мы не будем касаться вопроса, почему в начале революции Красная армия формировалась исключительно из добровольцев пролетарского элемента. Этот период не имеет правильных организационных форм, а потому описать его, а также сделать выводы мы не можем. Начнем с того момента, когда Красная армия приступила к своему строительству по плану, приобретая организационные формы. Красная армия, перейдя от добровольного укомплектования к принудительному, начала свое формирование территориально местными военкоматами. Однако эти части, неся потери на фронте, выбывали из строя, совершенно не получая необходимого пополнения. Правда, военкоматами производились новые формирования, в большинстве случаев называвшиеся маршротами Н. уезда и т. д. Однако они, хотя и не вполне сознательно, все же мыслили, что будут кого-то пополнять. На деле было совершенно иначе. Мы наблюдаем на разных фронтах самостоятельное существование этих мелких частей, не входящих ни в одно из войсковых соединений, под своими назва-

ниями, как-то: маршрота или просто рота, эскадрон и даже взвод Н... уезда и т. д. В частности, это ярко проявлялось на Псковском направлении в последних месяцах 18 года. Неоднократные попытки к влитию их в части приводили к осложнениям, иногда крупного характера. Один товарищ рассказывает, что его за то, что он сделал подобного рода попытку, отряд арестовал и, снявшись с фронта, погрузился в эшелон и повез его судить в свой уездный город, обвиняя в измене революции. К этому времени во многих округах уже существовали запасные батальоны и запчасти специальных родов войск, созданные по собственной инициативе военкоматов, а первое указание Всеросглавштаба по данному вопросу последовало лишь 21 октября 18 года, после чего начались бесчисленные формирования запасных войск. Все эти части были бесформенные, созданные без определенного плана и ни в коем случае не соответствующие действительной потребности фронтов. Может быть, это оправдывалось тем, что массовые мобилизации многих возрастов сразу производились по всякого рода причинам и что людей надо было куда-то девать. При этом мобилизовали не по категориям, потому что все категории были смешаны, а по возрастам и классовому положению. Запчасти были в полном подчинении у местных комиссариатов, которые руководили их службой и подготовкой. Невольно вспоминается картина запчастей в Петрограде в описываемый период. Они были расположены во всех казармах Петрограда. Нужно отметить, что в то время город, делясь на много районов, имел в каждом районе свой военкомат, и все расположенные в соответствующем районе части починялись райвоенкоматам. Все они были фактически не запчастями, а представляли из себя пересыльные пункты, переполненные до невозможности грязными и оборванными людьми, с которыми невозможно было проводить занятий. В специальных же частях наблюдался полный застой за отсутствием людей. Вслед за этим мы наблюдаем формирование из отдельных запбатов заппслков 6-тибатальонного состава и многих специальных команд. Это делалось не по причинам большой потребности фронта, а потому, что запбаты не справлялись с таким колоссальным переменным составом. В одном Петрограде, который являлся базой Севфронта, было такое множество запчастей, что их даже негде было размещать. Один заппоук занимал все гвардейские казармы, располагаясь отдельно, по-батальонно. Безусловно, таких потребностей фронт заявлять не мог. Вопрос, долго бывший неразрешенным, в конце-концов должен был получить разрешение, иначе немыслима была бы борьба.

Может быть, первый раз в России он был разрешен правильно. Приказом Р. В. С. Р. 11 февраля 1919 года в каждом округе учреждалось управление запасных войск, которое объединяло все запчасти. Кроме сего, было создано положение о запасных частях, которое определяет подробно функции этих частей и их подчинен-

ность. Положение это, безусловно отвечающее действительной обстановке, явилось первой основной системой, по которой и работали всю гражданскую войну. Правда, в нем были и некоторые недостатки, к которым можно отнести отсутствие положения о самом управлении, правах и обязанностях начальников (создано гораздо позже), а затем то, что возложили формирование запчастей на военкоматы, которые безусловно справиться с этим не могли, по причинам: 1) что не имели достаточных средств для этого; 2) не были заинтересованы в виду того, что после сформирования часть выходила из их подчинения и 3) не умели подбирать кадра. К положительным сторонам нужно отнести: 1) расчленение запчасти на постоянный и переменный состав; 2) порядок распределения переменного состава на три категории: а) обученных, б) с средним обучением и в) необученных. Для всех категорий были установлены сроки обучения и специальные программы и 3) указание, чтобы постоянный состав избирать преимущественно из служивших ранее в запчастях. Кроме сего, был установлен порядок, по которому по причинам многочисленности людей в частях, в каждой кадровой роте формировались три маршевых роты вышеуказанных трех категорий, с переводной системой из одной категории в другую по окончании определенного срока обучения. Помимо этого, каждая рота должна была содержать один комплект комсостова на роту на случай убытия одной из обученных рот, дабы могла приступить к формированию новой литерной роты. Кадровый состав руководил обучением литрот, через марш т.-е. (переменный) комсостав, который, обучив роту, уходил совместно с ней на фронт. Младший комсостав подготовлялся в полковых школах, но этого далеко было не достаточно, так как не было никакой возможности подготовить его в таком большом количестве, как это требовалось. Работу частей облегчали тем, что на сборных пунктах мобилизованные разбивались по родам оружия и в этом не было необходимости во время прибытия их в часть. Оставалась еще одна обуза, это рассортировка по подготовленности для определения категорий, что очень обременяло часть. Затем был установлен порядок укомплектования д. а. в следующем порядке: штабы округов через упрзапвойск учитывали в каждой запчасти число рот, команд, эскадронов по срокам обучения и эти сведения представлялись в Всеросглавштаб. Штабы фронтов и армий, в свою очередь, заявляли потребность Всеросглавштабу, который давал наряды округам, а последние, представляя подвижные составы, отправляли эти пополнения через упрзапвойск. Указанная выше система оставалась в основе до конца гражданской войны. В разные времена добавлялись лишь мелкие технические указания. К наиболее крупным из них нужно отнести: 1) порядок отправления пополнений, т. к. часто вместо таковых прибывали одни командиры со списками; 2) для борьбы с этим применялись разного рода меры, в виде специальных 4-х взводов

в каждой постоянной роте, предназначенных для конвоирования маршчастей. При этом роты отправлялись без обмундирования, которое следовало в отдельных вагонах и т. д.

Затем следовал ряд указаний командирам частей, куда прибывало пополнение, как проверить подготовленность этих пополнений. Были даже специальные и очень сложные ведомости, по которым комзапчастей сдавали готовые маршпополнения коммаршрот и т. д. А эти, в свою очередь, сдавали по ним же командирам тех частей, куда они прибывали. В указанных ведомостях все расписывались, с указанием состояния принимаемой части, до мельчайших подробностей и препровождали их, одни по своей линии во Всеросглавштаб, а вторые в полевые органы управления. Это опять-таки объясняется тем, что запчасти не имели прямой связи с полевыми частями, а посему необходимо было возложить на комзапчастей ответственность за результаты подготовки их, проявленные в бою. Нужно все же отметить, что в Красной армии хотя и не было возможности установить прямую связь одних с другими, как в прошлую мировую войну, все же вышли из этого положения блестяще установлением вышеуказанного порядка. Часто бывали случаи, когда округам приходилось отправлять не совсем подготовленные пополнения, в связи с обстановками на фронтах. Они для армии были малоценны, и как только к тому представлялась возможность, продолжали свою подготовку в специально учрежденных при д. а. запбатах. Эти последние и были зародышами будущих упраформов, которые не заставили себя ждать и появлялись по собственной инициативе в начале у восфронта, затем и у остальных. Можно предположить, что существование их оправдывалось лишь тем, что армии, продвигаясь быстро вперед, захватывая обширные территории, принадлежавшие России, не имели возможности получать своевременно пополнения. А так как местные органы не успевали быстро создаваться, чтобы немедленно начать мобилизацию, то упраформы на занятой территории производили набор и, подготовляя из него пополнение, укомплектовывали свои дивизии. Это настолько понравилось, что они остались, как нечто неотъемлемое, при штабах армий и фронтов. Но если это оправдывалось при быстрых продвижениях вперед, то ни в коем случае не оправдывалось при отходах, и при стоянии на одном месте. Были и несообразности. Возмем хотя бы для примера Украину в 20 году. Штабы армии находились один в Киеве, второй в Кременчуге. Штаб Харьковского округа и штаб фронта—в Харькове. Каждая армия имела многочисленные запчасти; имел их и штаб фронта. Ну, а округам необходимо было иметь по положению. Итак, мы видим параллельно существующие запчасти фронта армии и округов. Каждой нужно было что-либо делать, дабы оправдывать свое существование. На этой почве развивался антагонизм, родоначальником которого явился один из членов Реввоенсовета, который

написал книжку „Указания, как вести работу в запчастях“. Совершенно правильно изложив причины необходимости упраформов и запчастей фронта, он затем начинает обвинять в неработоспособности запчастей округов. Вполне естественно, что при наличии таких взглядов у командования, запчасти округов, будучи подчинены фронту, не имели тех условий, которыми пользовались части упраформов, так как фронт снабжал одних по фронтовому положению, а других по тыловому (что составляло значительную разницу), несмотря на то, что они стояли рядом и выполняли одну и ту же работу. Правильней будет, если мы скажем, что одни были родные дети, а другие приемные. Упраформы, имея много положительных сторон, имели также и отрицательные; к последним можно отнести одну весьма существенную,—что центр не имел возможности учесть мобилизационные потребности, так как Упраформы па театре военных действий, которые были весьма обширными, производили мобилизацию совершенно самостоятельно и не были подотчетны Всеросштабу. Надо полагать, что упраформы—органы специфические гражданской войны и свою роль сыграли и ушли со сцены, принеся много пользы. Однако, в будущих войнах им места в схеме организации действующей армии быть не должно. Остается сказать несколько слов о запасной армии Республики, сыгравшей колоссальную роль в деле укомплектования Красной армии. Она организовалась в конце 19-го года, являясь очевидно результатом невозможности сосредоточения высшим командованием большого количества пополнений из округов на один из фронтов в нужный момент. Зап. армия в Казани играла роль Упраформа при Полевом Штабе Республики, так как мы знаем, что она отправляла целые войсковые соединения, сформированные в короткий срок. Свои пополнения она обучала подолгу, так как для этого давались большие сроки. Пополнения шли обыкновенно в полном вооружении и снаряжении, а потому были всегда хорошо встречаемы на фронте. Приходится отметить, что зап. армии в значительной степени способствовали выполнению некоторых операций, и в будущих войнах будут играть не последнюю роль в предлагаемой дальше системе. Появившиеся гораздо позже новые запасные армии, как-то Украинская, Запфронта, никакой существенной разницы от упраформов не имели. По существу те же запвойска фронта армии и округов были сведены в запбригады и объединились штабами армии. По окончании гражданской войны все запчасти в округах были сведены в запбригады, а затем и расформированы совсем.

Укомплектование комсоставом в гражданскую войну.

Для того, чтобы закончить этот краткий очерк, остается немного сказать о том, как укомплектовывалась армия комсоставом. В мировую войну, как известно, этот вопрос был не системати-

зирован. Армия комплектовалась комсоставом из школ прапорщиков и военных училищ ускоренного выпуска, а также из лиц, производимых за боевые отличия, не получивших даже и ускоренной подготовки. Все сознали, что была колоссальная ошибка вывести из строя весь кадровый офицерский состав, затем остаться совершенно без такового. Считать комсоставом то, что ускоренно выпускалось через 3—4 месяца и что создавалось путем производства на фронте, нельзя. Однако, дальше сознания своей ошибки не пошли. Затянувшаяся война поглощала не только людей с необходимым для комсостава образованием, выпускаемых ускоренно из школ, но даже и таких, которые за указанный срок не могли стать прилично подготовленными солдатами. Это хотели исправить, создав повторительные школы для офицеров при корпусах, в которые и направлялись в позиционный период войны все произведенные без школы. Но и такой способ давал слишком мало. Учитывая накопившийся большой опыт, казалось-бы, не должны были повторять того, что признано ошибкой. Однако, в гражданскую войну дело укомплектования комсоставом стояло не лучше, чем в минувшую мировую войну. Как известно, в Сов. России вначале существовала Красная Гвардия, но в своем очерке мы ее касаться не будем, так как ничего ценного из ее организации для настоящего мы извлечь не можем. Красная армия начала свое формирование в то время, когда враг усиленно наступал на Республику, и с первых же шагов очутилась без командного состава, в виду того, что офицерство царской армии, будучи терроризовано солдатами разлагавшейся армии, перешло частью на сторону врагов, а частью, за малым исключением, было настолько ошеломлено, что не могло разобраться в событиях. Осталась маленькая частица, сознательно пошедшая рука об руку с Советской Властью в деле строительства армии, но этого было далеко недостаточно. А выбираемый комсостав далеко не соответствовал своему назначению, так как слишком уже много попадало авантюристов, не говоря про отсутствие у них знаний. Ошиблись те, которые думали, что Совьласть хотела обойтись без офицеров. Известно, что их призывали принести свои знания на помощь строительства и руководить Красной армией, но из этого ничего не выходило. Можно привести хотя бы такой пример. В феврале 18 года в гор. Одессе начала формирование Красная Армия. В то время там находилась масса офицеров из демобилизованных частей Румфронта и др., которые приглашались добровольно в армию. Таковых не оказалось. Положение было критическое. Формирование белой гвардии Щербачевым, наступление немцев и пр. требовали скорейшего реформирования Красной армии. В это время приехал небезызвестный командарм I Муравьев, который вышел из положения следующим образом: он отдал приказ, что все офицеры, находящиеся в г. Одессе и не проживающие там постоянно, должны выехать в течение 2-х суток, в противном случае обещал

на это как-то реагировать. В течение этого времени ушел всего один поезд и то верст на пять от станции. Одновременно с этим Муравьев выпустил воззвание, призывая офицеров добровольно записываться в Красную армию. Очутившиеся в критическом положении и не имеющие возможности выехать, эти офицеры хлынули волной к штабу записываться добровольно в армию. В течение нескольких дней все сформированные части были укомплектованы комсоставом даже с излишком. Однако, брошенные для обороны города эти части, состоящие исключительно из добровольцев, рассыпались при первом столкновении с противником. И пропали все труды без всякой пользы, если не с большим вредом. Этот пример показывает, что таким офицерам Красная армия была чужда, и они не могли быть ее вождями. Несомненно, что такой способ укомплектования комсоставом имел много отрицательных сторон. Но, как ни плохи были выбранные командиры, все же часть из них была надежна, и это имело большое значение. 4-й Всероссийский Съезд в своем постановлении говорит, что вместе с рухнувшей старой армией рухнул и старый военный аппарат. В подобных условиях Рабоче-Крестьянская власть не имела вначале путей и средств к созданию армии, кроме набора добровольцев. Но, однако, в июле 18 года, все сознали, что принцип выборности не может создать здоровой атмосферы и дисциплины, необходимой для организованной силы. В этой же резолюции говорится, что на каждом гражданине Республики лежит обязанность защиты ее. Период случайных формирований кустарными способами должен остаться позади. Все формирования должны производиться по разработанным планам и штатам. А для создания централизованной, хорошо подготовленной армии, необходимо использование военспецов, которые должны стать на посты, указанные Совластью. Дальше резолюция говорит, что Красная армия должна быть построена на основе революционной железной дисциплины. Каждый гражданин, ставший на защиту трудящихся, обязан беспрекословно подчиняться приказам поставленных командиров. При этом прибавлено, что последние жестоко отвечают за попустительство. Таким образом, закон покончил с добровольчеством и выборным началом и ввел принудительный набор и единоначалие. Невольно напрашивается вопрос, разве офицерство в это время переродилось? Приходится сказать, что до некоторой степени да. Они поняли, что Октябрьская Революция не случайное восстание, и что Советский строй далеко не временный. В виду того, что офицерам не доверяли, 5-й съезд ввел институт военных комиссаров, который сыграл колоссальную роль. Однако, съезд, учитывая, что Красная армия должна иметь свой новый комсостав, связанный с ней плотью и кровью. Призванного офицерства было недостаточно, и поэтому постановлено, чтобы Наркомвоен учредил сеть инструкторских школ, которые должны комплектоваться из мужественных солдат Красной армии. Для заполнения этих школ, были привлечены призванные

унтер-офицеры, которые должны были составить кадр социалистической армии. Вскоре вся Республика была покрыта сетью этих школ, принесших так много для победы Красной армии. Недостаточное общее образование и развитие у краскомов, выпускаемых (как и прежде) из школ через три—четыре месяца, компенсировалось наличием боевого опыта. Дело осложнилось, когда школы начали комплектоваться из пролетарской молодежи, которая, явясь в часть на фронт, да еще в условиях гражданской войны, где все делалось часто не так, как учили в школах, чувствовала себя не совсем так, как подобает командирам. Эти шереховатости сглаживались высоким революционным сознанием и порывом краскомов. Они отправлялись после окончания школы на фронт одиночным порядком. Очень редко некоторые начальники по собственной инициативе пропускали их через запчасти, где они, получая опыт, совместно с обученными частями, следовали на фронт. Играло отрицательную роль и то обстоятельство, что сжившиеся с своими частями командиры, в большинстве случаев не возвращались в свои части после эвакуации по болезни и ранениям. Остается также отметить, что имевшие место частые перемещения комсостава не могли не отразиться на боеспособности армии. Вопреки приказов Р. В. С. Р., указывающих порядок назначения, перемещения и увольнения комсостава, начальники всех степеней избирали комсостав не в обычном порядке, не выясняя его соответствия, а как заблагорассудится. Назначенный новый начальник в большинстве случаев сменял всех ближе стоящих к нему подчиненных и назначал своих, т. к. существовал порядок, получивший право гражданства, что каждый большой начальник возит за собой свой штат сотрудников. Но вот гражданская война закончилась, и в первую очередь началась подготовка комсостава, путем пропуска всех как ускоренно выпущенных с комкурсов краскомов, так и выдвинутых на комдолжности за военые отличия через учрежденные при дивизиях повторительные школы. Подобного рода школы были учреждены еще в 1920 году при упрзапвойск округов для тех же целей. Однако, они успеха не имели и тихо скончались, по тем причинам, что в гражданскую войну считали грехом учиться за неимением времени. Приходится все же констатировать, что большой процент комсостава смотрел на свою роль, как на обязанность, а не как на долг. В будущем в Красной армии комсостав быть должен, глубоко сознательным, проводником тех идей, которые Красная армия несет на своих знаменах. В заключение изложу прилагаемую мною систему укомплектования, основанную на учете опыта и минувших войн.

ЧАСТЬ II.

Система укомплектования Красной армии по опыту гражданской войны.

Предисловие.

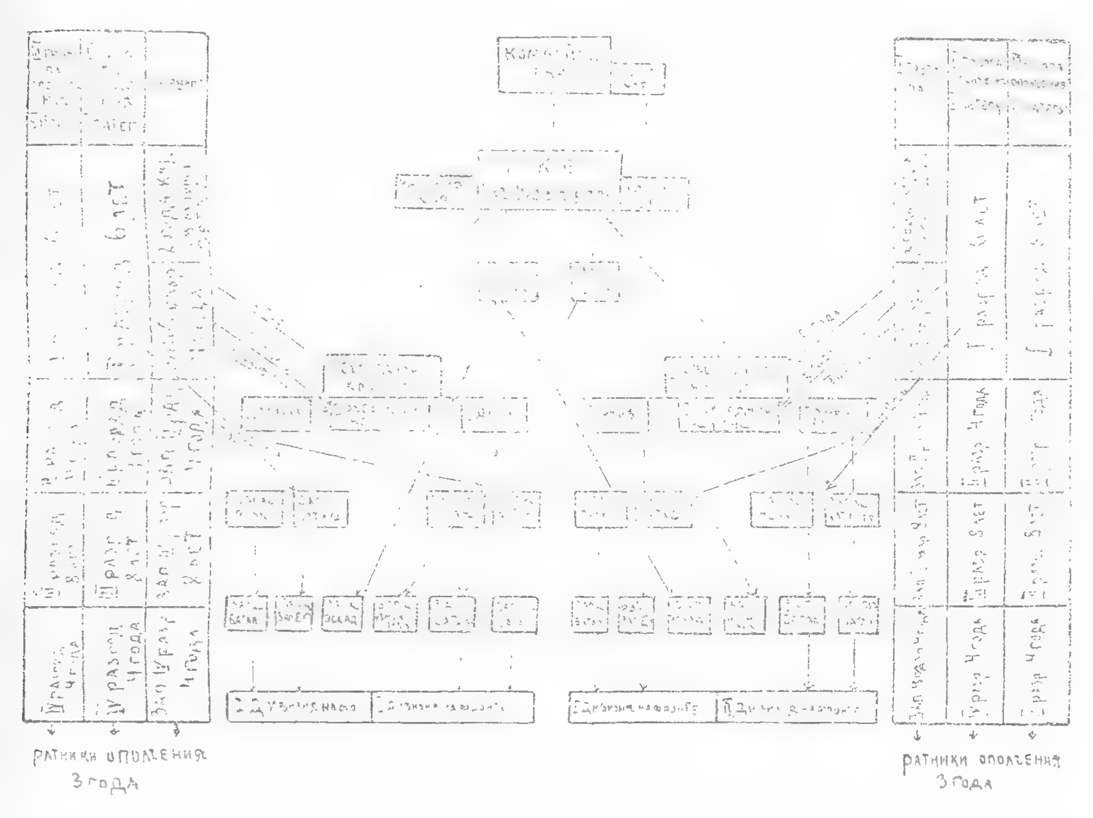
Для того, чтобы построить правильно настоящую систему, необходимы такие сведения, которые составляют государственную тайну. Например, количество дивизий в мирное время, какое количество призывного контингента ежегодно должно быть призвано в войска и т. д. Так как этими сведениями оперировать нет возможности, остается все рассчеты построить на условных данных. Так как система укомплектования во время войны связана тесно с периодом подготовки в мирное время, то приходится начинать с самого, так сказать, корня.

Введение.

Каждая действующая армия должна иметь постоянный источник своего комплектования, как в мирное время, так и военное. Этим источником являются все способные носить оружие граждане Республики. А для того, чтобы не потерять в начальный период войны хорошо подготовленный состав армии, а затем пополнять подготовленными бойцами действующие части, должен существовать определенный порядок использования всех живых средств страны планомерно, дабы, с одной стороны, не нарушить хозяйственной ее жизни, а с другой, постепенно черпать эти живые силы, сразу не содержа их непроизводительно на средства страны. В нужный момент они должны быть всегда готовы. На это и должна быть направлена вся работа мирного времени. Этот порядок мы и назовем системой укомплектования, преследуя принцип с наименьшей затратой средств—достижение наибольших результатов.

В основу настоящей системы прежде всего заложен принцип территориального укомплектования, который в наших русских условиях может иметь такие положительные стороны, как наименьший расход транспорта во время мобилизации армии и необходимую связь частей с населением, и затем спаянность частей, в которых служат люди одной местности. Каждая страна в мирное время имеет ограниченное число бойцов, сообазуясь с тем, чтобы не обременять государство непроизводительными едоками, а поэтому в такой стране, как наша, где весь призывный контингент в мирное время ежегодно не может быть зачислен в армию, необходимо выбирать из них определенный процент, который и составит кадр армии в мирное время. Оставшееся от призыва население, должно быть зачислено в резерв, причем есть такие категории, которые заняты производством для страны и ее обороны, и есть такие, которые по

своему физическому состоянию а также по семейному положению. служить в мирное время не могут. Следовательно, имеется возможность содержать продолжительный срок такой контингент, отсутствие которого в хозяйственной жизни страны не очень отразилось бы на ее производстве. Указанные прежде категории приходится, очевидно, делить еще на две категории, которые могут быть призываемы в начале войны и такие, которых приходится призывать в крайних случаях. Поэтому, если армия наша в мирное время состоит из 800 тысяч бойцов, а срок службы 2 года, и, согласно статистическим данным, призываемых ежегодно 1 миллион, то в армию будет набираться 400 тыс. человек ежегодно, а остальные 600 тыс. человек. расчленяются и зачисляются в определенную одну из двух категорий. Таким образом у нас получается две категории (см. сх.): I-я,

которая будет состоять из прошедших через войска в мирное время, отслужа установленный срок. Эту назовем запасом. 2-я категория состоит из подлежащих мобилизации с началом войны и в нее войдут те, которые, в виду малочисленности армии в мирное время, не могут быть приняты в нее. Эту назовем ополчением 1 категории, а состоящую из квалифицированных спецов тех промышленностей, которые, в случае крайнего напряжения страны, частью приостановят свою деятельность, назовем ополчением второй категории.

Дислокация должна соответствовать административному делению страны, а части, за исключением находящихся сосредоточенными на

стратегических направлениях, располагаются в таком количестве, чтобы население было бы призываемо равномерно, как и в остальных районах. Таким районом возьмем условно округ, в котором располагаются два современных корпуса по две дивизии, а с объявлением войны, формируются еще два корпуса.

Следовательно, если мы возьмем за правило строгую территориальную систему укомплектования, то придется территорию округа разделить на две равные по народонаселению половины, и каждый корпус будет комплектоваться из своего корпусного района, за исключением кавалерии и технических войск, которые комплектуются с территории всего округа. В таком же порядке комплектуется и вторые очередные корпуса.

Подготовка ополчения. Все население, состоящее в первой и второй категориях ополчения, должно проходить строевое образование в такой же мере, как сверстники их, находящиеся на действительной службе. Для этого, несомненно, можно было бы использовать аппарат Всевобуча, который ежегодно обучает в определенный срок сверстников призванных, при чем получившие строевое образование ополченцы обоих категорий зачисляются в ополчение 1-го разряда, каждый по своей категории. Дальнейшая же подготовка запаса и ополчения весьма необходима в составе войсковых соединений и мыслится в следующем порядке: ополченцы как 1-й, так и II категории должны состоять каждый в своем районе территориально, в частях, построенных по структуре территориальных частей, в которые они созываются периодически (не предрешая через какое время) в наиболее удобное для населения данной местности время. Однако и здесь необходимо установить такой порядок, чтобы сборы производились по разрядам, т.-е. в каждый сбор один разряд, который в составе территориальных войсковых соединений проходит и дальнейшее военное образование в виде маневров и т. д. Запас, несомненно, должен периодически созываться в таком же порядке, как выше указано, имея задачей: 1) возобновление в памяти полученных знаний на службе и 2) ознакомление со всеми нововведениями в области тактики и техники.

Расчленение категорий по возрастам и порядок постепенности призывов.

Каждый гражданин от 20 до 45 лет есть военнообязанный. Отслуживши 2 года действительной службы, он выходит в запас, где зачисляется в 1-й разряд, состоя в нем 4 года, затем переходит в запас II-го разряда, состоя в нем тоже 4 года, а затем в запас III-го разряда, в котором состоит 8 лет, и наконец в запас IV-го разряда, состоя в нем 4 года. Ополчение расчленяется таким же порядком, состоя лишь в I разряде по 6 лет. При этих распределениях имелось в виду, что, при объявлении войны, на театр воен-

ных действий должны уйти, в первую голову, части первой очереди, которые и пополнятся до штата военного времени в срочном порядке, т.-е., увеличатся в два раза, для чего понадобятся еще два призывных возраста запаса. А так как запас первого разряда состоит из 4 возрастов, то, с объявлением войны, они должны призываться немедленно. Два возраста пополняют первоочередные, а два идут на немедленное развертывание частей второй очереди. Одновременно с отправлением со сборных пунктов запаса I-го разряда, призывают немедленно ополчение 1-й категории I-го разряда, т.-е. 6 призывных возрастов, из которых два возраста идут на немедленное укомплектование второочередных частей, а четыре возраста остаются в запасе, будучи равномерно распределены между выделенными из состава каждой дивизии по одному запасному полку, одной запасной батарее и одному кавдивизиону на корпус и одной запасной инженерной роте на корпус.

Организация запасных частей.

Полевые части должны выделить в запасчасти наилучший комсостав, так как от их уменья подготовить бойцов будет зависить качество тех частей, которые их выделяют, т. к. каждая дивизия выделяет один запасный полк, артиллерийский дивизион и одну батарею, которые искючительно пополняют те войска, которые их выделяют. Специальные войска, как-то: кавалерия и технические, сводятся в округе: 1) в кавполк, 2) инжбаты, и пополняют все войска округа. Те части, которые в мирное время по стратегическим соображениям сосредоточены в каком-либо направлении, причисляются к одному из военных округов и комплектуются в таком же порядке. При этом части, вышедшие после мобилизации на театр военных действий из очень отдаленных округов, причисляются к округам, не столь отдаленным от театра военных действий и, безусловно, в такие, где призываемого народонаселения больше, чем потребно для находящихся там войск. Однако, в отдаленных округах должны быть резервы призывного контингента в руках высшего командования, объединение которых и организация будет изложена ниже. Каждая дивизия, за выделением запасных частей на театр военных действий, забирает с собой из запасчастей по одному батальону пехоты и одному взводу запбатареи, а корпус от кавдива и запинжроты один эскадрон и один взвод последней, в котором должны быть отделения всех специальностей.

В каждой взятой запединице должен быть полный штат переменного состава с тем, чтобы часть, понеся потери, не ожидала бы подолгу маршпополнений с тыла, а пополнялась бы немедленно, одновременно, требуя от своих запчастей пополнение взятое из фронтового отделения тылзапчастей. В фронтзапчастях запас пополнения должен быть полностью. Однако, надо иметь в виду,

что начальники дивизий могут быть слишком щедры на расходование людей с одной стороны и эксплоатацию не по назначению, как напр., на работы и пр., с другой стороны. Поэтому запасчасти будет правильно свести для административного объединения в одних руках. Кто этим будет ведать не приходится сейчас предрешать. Начальники дивизии несомненно должны требовать пополнение у штаба корпуса, а штаб корпуса, расходуя находящийся для дивизии запас, пополняет его через округ. Находящиеся в объединении при корпусах запчасти должны вести занятия во все свободное время под наблюдением соответствующих инспекторов по определенной для всей Республике программе.

Тоже самое проделывается и с запчастями и округах. В запполках каждой дивизии должны быть команды всех специальностей, куда поступают уже ранее подготовленные специалисты, с которыми здесь лишь продолжают занятия, повторяя его и т. д.

Организация укомплектования специальных технических войск.

Относительно же специальных технических войск, как - то: всевозможной связи, бронесил, авиации и пр., приходится сказать, что для их пополнения во время войны будет требоваться слишком мало, т. к. они не в значительной мере выбывают из строя (за исключением телефонистов, которых каждая часть подготовляет сама). А так как содержание этих запасчастей будет дорого стоить, то очевидно, целесообразно иметь для них запчасти, которые будут укомплектовывать их в масштабе всей армии.

Специальные запчасти в руках Высшего Командования.

Все расчеты строятся в мирное время, а потому в определенных округах, как много населенных, так и в отдаленных от театра военных действий, должны формироваться запасные части всех родов оружия, для того, чтобы командование, если необходимо, срочно могло бы перебросить, или сосредоточить на определенном фронте пополнения, не беря из округов, в которых запчасти обслуживают определенную дивизию или корпус.

Укомплектование комсоставом.

Укомплектование пехотных частей всего округа можно, несомненно, производить из молодежи того же округа, причем, высчитав нормальную потребность комсостава в пехоте, ежегодно избирают молодых красноармейцев из числа прослуживших один год и отвечающих всем требованиям. Из них изъявившие на то свое согласие отправляются в школы. Комсостав специальных родов оружия комплектуется в таком же порядке.

Подготовка комсостава запаса производится из остальных соответствующих быть комсоставом и в принудительном порядке по прослужении их не менее одного года в войсках. Из них выбирают кандидатов на специальные курсы одногодичные при округе.

По окончанию курсов, краскомы запаса причисляются на некорое время к войскам, а затем увольняются в запас. Ежегодно они призываются для обучения ополчения и совместно с ним проходят службу в определенных частях ополчения во время учебных сборов. Лишь таким путем мыслимо созидание в мирное время запаса комсостава, даже для самой затяжной войны. Было бы весьма целесообразно, если бы комсостав, выйдя в запас и находясь где бы то ни было, с объявлением войны, прибывал в свои округа. В таком лишь случае возможен постоянный учет и комплектование нужного комсостава.

В противном случае, в центрах всегда будет масса этого комсостава, так как он будет, очевидно, состоять из учащихся. Таким образом, каждая маршевая рота с момента ее формирования будет иметь полностью комсостав, с которым совместно она обучается и совместно убудет на фронт. Необходимо отметить, какую колоссальную роль играет, если раненых и больных, которые подлежат эвакуации в глубокий тыл, эвакуировать бы в места мирных квартир их частей и, по выздоровлении, направлять в так называемые роты эвакуированных с фронта. В каждом запполку одна рота должна принимать всех возвращающихся по выздоровлению для следования в свои части, как комсостав, так и красноармейцев.

Как только начнется формирование маршроты, ротный командир подбирает из эвакуированных своего полка младший комсостав, комвзводов и отделенных и обучает с ними роту, затем отправляется на пополнение своей части. В таком случае, красноармейцы, не бывшие еще в части, в которую они предназначены, начинают ее знать и любить заранее, да притом и подготовка этой роты не может сравниться с другими.

Подготовка младшего комсостава во время войны.

Во время войны лучшим младшим комсоставом являются эвакуированные красноармейцы, бывшие в сражениях. Их следует лишь пропускать в запполках ускоренно через полковые школы; средний же комсостав, безусловно, должен усиленно подготовляться в округах, чтобы не делать тех ошибок, какие имели место прежде, когда выпущенные из командных курсов и школ отправлялись в части в качестве рядового и, проходя должности с отделенного, удостаивались высшим своим начальством звания краскома. Повторяю, что надобности в скороспелых командирах не будет.

Объединение органов укомплектования в округах.

В каждом округе должны быть учреждения, ведающие, как мобилизацией, так и принятием, мобилизованных, т.-е. запасные части, а также органы в.-у. з., ведающие подготовкой для укомплектования армии комсоставом. Эти учреждения, не имевшие в прошлом между собой никакой связи, очень крепко сцеплены друг с другом, одним и тем же вопросом. Казалось бы, что для урегулирования работы этих учреждений, должно быть одно лицо, у которого и сосредотачивались бы все требования пополнений с фронтов. Такое лицо должно обнимать весь вопрос и координировать всю сложную работу. Кто же должен быть этим лицом? Я бы его назвал начальником укомплектования, но необходимо принять во внимание, что он должен быть авторитетным и правомочным лицом, т.-к. объединить работу учреждений, которые возглавляются лицами, пользующимися правами командармов, могут только помкомвойск.

Заключение.

Теперь остается сказать только, что современных демобилизованных красноармейцев необходимо расчленить по категориям, иначе в будущих войнах у нас будет одна безкатегорная группа, с которой будет также трудно управиться, как и в гражданскую войну. Расчленить их—это работа колоссальная и весьма необходимая. Если скажут, что все это отлично, но возможно лишь в далеком будущем, а теперь нельзя проделать это расчленение, да при том введут такой аргумент: „за отсутствием бумаги“, то придется только развести руками.

Подскробко.

Устройство тыла и связь его с фронтом.

Характер и значение современных войн. Если проследить официальную литературу последнего десятилетия, предшествующего империалистической войне, то можно вывести заключение, что будущие войны вызовут к жизни многомиллионные армии. К этому будущему столкновению все европейские государства готовились и строили соответствующие организации, стремясь определить характер будущих войн и материальную потребность в целях наилучшего использования своих живых сил. Большинство военных авторитетов предполагало, что массовые армии только расширят масштаб стратегического и тактического применения их. Организация питания и подсобные технические средства не изменятся, но также возрастут в соответствии с количеством живых сил.

Последовавшая империалистическая война потребовала значительно больших усилий, чем предполагалось, т. к. масштаб войны вылился до пределов физической мощи государства.

Гибель миллионов людей, сотен миллионов ценностей и условия мира, в роде Версальского, показали нам, что современные войны, есть войны на абсолютное поражение. Пережитая нами гражданская война это поражение еще резче подчеркнуло и зафиксировало в нашем сознании. Таковая перспектива заставляет всю страну принять участие в вооруженной борьбе всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

Понятие и определение тыла. Наши взоры всегда, в особенности в период империалистической войны, были обращены в сторону Германии, которая с большой дальновидностью предвидела масштаб войны и сумела рационально использовать все свои ресурсы. Какие условия заставили ее предвидеть, а нас русских отдалиться в этом предвидении?

Если мы взглянем на карту, то увидим, что Германия по своему географическому положению находилась во вражеском окружении. Территория, занимаемая ею, фигурально выражаясь, была на пятачке.

Все действия ее происходили по внутренним операционным линиям, и территориального, понятия о тыле, отдаленном от передовых линий, у нея не было. Если управление армиями исходило из центра и было радиальное, то питание их всем необходимым шло не из внутренних округов, а по всей территории по разным направлениям, подчас обратно ближайшему фронту.

Потеря одного района больно затрогивала не только местное население, которое чудовищно насиловалось по праву войны, а главным образом, всю армию, всю страну. Такое невыгодное внешнее положение толкало немцев к тщательному учету всех ресурсов страны и наводило на мысль, что никакого твердого территориального понятия „тыл—фронт“ в природе их стратегии не имеется. Таким образом, мы видим, что, несмотря на богатство страны, дающее благоприятные условия децентрализации, управление у них было сугубо централизовано. Обратное у нас. В период этой войны русская армия действовала по внешним операционным линиям и имела за собой территорию в тысячах верст. Не будучи подхлестываема необходимостью дорожить местными средствами, варварски их эксплоатировала и надежды возлагала на внутренние округа, откуда мыслился без всяких задержек подвоз всего необходимого.

Отсюда понятие и деление на фронт и тыл, как исключающее одно другое. Таким образом у нас система децентралистична, т. к. разъединяла управление на две части: в пределах фронта и в пределах тыла, и это несмотря на то, что мы были гораздо слабее экономически, не в абсолютных цифрах, а в % отношении.

В процессе войны российская армия под ударами немцев отходила в глубь страны. Недостаток в вооружении и снабжении огнеприпасами, а также и интендантского довольствия заставил нас взять на учет все ресурсы страны и наспех кустарно принимать соответствующие меры противодействия германскому вторжению. Армия же, нуждаясь в технике, непроизводительно тратила живые силы и втягивала в орбиту кровавого участия большинство мужского населения. Недостаток средств питания и неучет ресурсов страны потребовали создание их в период войны, что отвлекало большую часть населения от производительного труда и действующей армии и создали больное соотношение 1 бойца к 12 его обслуживающим.

В период гражданской войны, мы находились в капиталистическом окружении. Площадь, занимаемая нами, все время видоизменялась, и наше положение стало схожим с положением Германии. Мы вступили в эту войну непосредственно после империалистической, без учета ресурсов страны, ее районов, мы также варварски эксплоатировали страну и ее местные средства, но, по мере организации, в процессе боев мы создавали систему централистическую.

Постольку, поскольку мы вели классовую войну, фронты создавались и внутри страны; последнее условие понятия „тыл—фронт“ стало стираться. Гражданская война заставила откинуть понятие

„тыл—фронт“, как территориальное и перенесло его в плоскость экономическую. Таким образом, определение мыслится в следующем виде: совокупность элементов народного хозяйства, как-то: сельское хозяйство, промышленность и финансы, находящиеся на территории данного государства, ведущего вооруженную борьбу, называется тылом.

Значение тыла. Перенося центр тяжести понятия тыла в плоскость экономическую, мы тем самым предопределяем мощь, характер и возможность армейских достижений. Без мощного народного хозяйства, не мыслится мощной армии. Империалистическая и гражданская войны тому свидетели. Каждая стратегическая и тактическая операция, задуманная командованием, всегда имеет в своем осуществлении экономический базис. Отсутствие снарядов, патронов, желдорлиний и прочее не раз заставляло нас не только отказаться от использования благоприятно слагающейся обстановки, но подчас и нести поражение, когда все остальные предпосылки для победы имелись. Перечислять эти случаи—писать историю войны.

Подготовка тыла. Как уже сказано выше, народное хозяйство слагается из следующих элементов: сельское хозяйство, промышленность и финансы, но многогранность современной жизни выдвинула до степени самостоятельных элементов железные дороги, связь, и проч. Гражданская война добавила к этому циклу также политическую и культурную работу, как средства осознания целей и смысла борьбы.

В природе большинства элементов лежит учет. Без учета немыслимо рациональное их использование. Использование и заготовка этих элементов распадаются на две природы мирного и военного времени. Причины, влияющие на подготовку, суть фискальные и технические.

Использование их в военное время определяется системой управления и органами, возглавляющими управление.

Управление в военное время.

Административные районы. В государственном объединении для удобства управления и наилучшего использования всех ресурсов страны, вся территория делится на районы по признакам, исторически сложившимся национальным и производственным В мирное время вся страна делится на военные округа по принципу нацеливания и мобилизационной потребности имеющих развернуться армий, В военное время она делится на районы. Внешним признаком, определяющим наименование района, служат существующие деления которые суть: дивизионные, армейские, фронтовые и главнокомандования.

Театр военных действий. Положение о полевом управлении 1914 года предусматривает статьей 8 объединение дивизионных, армейских и фронтовых районов в один общий, с наименованием театра военных действий и в подлинике гласит следующее: „Терри-

тория, предназначенная для развертывания и действия вооруженных сил, а равно для расположения всех их тыловых учреждений, составляет театр военных действий. Каждый из районов театра военных действий называется войсковым районом данного соединения“ и нарезывается распоряжением высшего командования.

„Войсковые районы всегда находятся на военном положении, и местные средства их предназначаются для использования их непосредственно войсками“. Анализируя, мы замечаем, что настоящая формулировка слагается из следующих предпосылок: 1) оперативных—это развертывание действий и расположения тыловых учреждений, 2) административных делений на районы и взаимоотношений с местным населением, 3) снабженческих—использования местных средств. Рассмотрим в отдельности. Для того, чтобы действовать, необходим какой-то начальный этап. Таким начальным этапом и служит развертывание, для которого необходима территория, слагающаяся из расположения войск как по фронту, так и в глубину. Пределом расположения по фронту служит граница воюющей стороны. Пределом расположения в глубину служит только условная линия, включающая расположение фронтового резерва. Расположение резерва предопределяется целью и характером местности предстоящих боев, предусмотренных оперативным планом главного командования. Средством нацеливания, а следовательно, и одним из средств управления для последнего, служит определение границ между фронтами и армиями как по фронту, так и в глубину, с целью ограничить широкое толкование имеющегося задания. Совокупность фронтовых районов, как средства управления, называется театром военных действий. Естественное стремление каждого войскового соединения иметь в своем непосредственном распоряжении и близости учреждения расширяет эту условную линию. Таков же признак и для войсковых райнов. Чем ниже войсковое соединение,тем оперативная ценность определенного района находится под большим сомнением, так как служит ограничением маневренности.

Кроме оперативных предпосылок, которые являются первенствующими, имеется целый ряд других, которые как в гражданской, так и в империалистической войне заставляли расширить границы театров военных действий.

Железные дороги в частности и вообще пути сообщения играют большое значение при определении площади района.

Коль скоро путей сообщения достаточно примерно для армейского соединения, армия начинает жить более самостоятельной жизнью, тем более она сможет оторваться от местных средств. Прокормление же местными средствами требует достаточной территории дла данного войскового соединения. Бедность в продуктах широкого потребления питающего района требует большей территории, нежели богатой. Расположение питающих центров влияет на построение района как по фронту, так и в глубину.

Этот неполный перечень тыловых предпосылок, а также и оперативные предпосылки, требуют большой предварительной работы и изучения. До империалистической войны эту работу выполнял Генеральный Штаб, который проделал эту работу на ближайший период войны, не учитывая изменчивости и длительности ее.

В наше время эту предварительную подготовку осуществляет Штаб Р.-К. К. А. В процессе войны изменение границ театра военных действий и фронтовых районов осуществляется властью главного командования, на основании материала, подготовленного еще в мирное время и исправляемого текущими данными. Таковые же права и условия предоставляются и высшим соединениям властью непосредственного командования.

Местные средства. Предоставление местных средств в непосредственное использование войсками не может быть допущено, так как нарушает систему рационального использования, о которой говорится выше и нарушает плановое снабжение населения. Как средство регулирования ресурсов страны, его потребления гражданским населением, нужно признать удачной карточную систему.

Последнее является заботой исключительно закона военного времени.

Взаимоотношения армии и населения в военное время. В период войны страна живет исключительно интересами войны, и безопасность армии и ее органов в целом и является главнейшей заботой населения. Но принимая во внимание классовую структуру нашей армии, нет уверенности в том, что интересы армии и отдельных ее членов не могут быть нарушены классовыми врагами внутри самой страны, что потребует вмешательства вооруженной силы.

Ввиду того, что в период войны экономические тяготы ложатся тяжелым бременем на население, является необходимость регламентации в целях избежания злостности и не экономии средствами, а также охранения интересов армии и страны в целом от агентов враждебной армии. Все это требует создания в период войны исключительных законов, предусмотренных еще в мирное время.

Органы полевого управления.

Цель всякой организации—достигнуть наибольших результатов с наименьшей затратой энергии. Внешняя же сторона ее отвечает духу времени, и если подойти с этим мерилом к военной организации периода до империалистической войны, то заметим, что по существу армия того времени представляла из себя самодавлеющий организм, выполнявший все свои потребности самостоятельно.

Заготовка всех продуктов как интендантского, так и технического порядка являлась главнейшей заботой армейских органов

управления. Зависимость от гражданских организаций в отдельности в целом выражалась в требовании ассигновок на удовлетворение своих потребностей.

Все частные, а отчасти общественные и государственные учреждения являлись поставщиками военного ведомства.

Этим выражалась связь с государством, и понятно, что при такой системе военное ведомство не могло быть заинтересовано, каким путем поставщики доставляют требуемые им продукты.

Взгляд на Россию, как на источник изобилия, видимо проник и в военное ведомство. Таков порядок вещей отвечал всему предшествовавшему опыту нашей русской армии и отчасти отвечал и тогдашнему ее состоянию. Сравнительно малая армия вполне могла жить самостоятельной жизнью и находить необходимые продукты внутри самой страны, а последняя безболезненно для себя могла поставить потребное.

В военное время предполагалось, что заготовку потребного довольствия будут выполнять местные военные органы, армейские же соединения будут нести функции заявок, хранения и распределения. Заготовка мыслилась как в мирное, время, через вольных конкурентов, на свободном рынке, без учета.

Как видно, с этой системой мы вышли на войну и в сравнительно короткий срок признали ее несостоятельной. Армейские органы не нашли внутри страны потребных им продуктов в достаточном количестве, поставщики же воспользовались этим случаем и подняли цены. Кроме переплаты военному ведомству пришлось получать товар непринятого интендантского образца, лишь бы кое-как удовлетворить свою нужду.

Так как военные округа являлись поставщиками только одного прикрепленного к ним войскового соединения, то скоро получилось неравномерное удовлетворение таковых соединений: один округ, будучи в богатой местности, в полной мере удовлетворял заявку армейского соединения; другой же округ этого проделать не смог и взамен давал другие продукты, имеющиеся на местном рынке. Для регулирования таковото ненормального явления явилась необходимость создания снабжения при ставке Верховного Главнокомандующего.

По мере того, как потребности увеличивались, а вольный рынок не мог их удовлетворять, отделу снабжения при ставке пришлось возложить на себя функции заготовления. Хищническая эсплоатация всего предшедствующего периода выставила необходимость государственного вмешательства в частную жизнь граждан на предмет ограничения потребных армии продуктов питания. Вторым знаменательным фактом в эволюции взаимоотношений с государственными и общественными организациями было создание Общегородского и Общеземского союза на предмет удовлетворения вещевого довольствия, санитарного материала и вообще обслуживания в санитарном отношении всей действующей армии. Недостаток в предметах во-

оружения и технических средствах повлек за собою создание военно-промышленных комитетов, на кои возлагалось удовлетворение заявок. Обобщая, мы сможем вывести заключение, что армия потеряла свою самодовлеющую организацию передала часть своих функций общегосударственным органам как центрального, так и местного значения, как в части заготовления, так и в части санитарного обслуживания.

Потребность объединения и регулирования заготовления разнородных элементов возникает тогда, когда имеется массовое производство. Коммерческие организации дают нам яркий пример. Когда получалось перепроизводство одного фабриканта, то для того, чтобы его согласовать с потреблением без ущерба для существующих учреждений, являлась необходимость их трестирования, по мере развития трестов, для большей экономии накладных расходов и прочее потребовалось создание картелей, комбинатов. Это является наивысшей формой промышленной организации. В военном ведомстве, в лице его тыловых экономических органов, роль начальника снабжения является наивысшей формой объединения, но при одном условии массового производства составляющих его объединения. Коль скоро таковой предпосылки не имеется, начальник снабжения является излишней инстанцией. Второй обязанностью начальника снабжения являлось регулирование мест стоянок, баз и тыловых учреждений, а также эвакуация, но и эту работу с успехом может проделать оперативный отдел соответствующими приказами по тылу. К концу империалистической войны мы уже имели не самодавлеющую военную организацию, а только разновидность государственного усилия. Органы Полевого Управления в большей части являлись связанными с соответствующими элементами народного хозяйства. Интендантство обнимало функции Министерства Земледелия и Продовольствия и в части фабрикатов сельского хозяйства Министерство Торговли и Промышленности. Инженерное и вообще техническое имущество являлось в зависимости от Министерства Торговли и Промышленности. Полевое Казначейство—от Министерства Финансов и т. д. Причем полевые тыловые экономические органы являлись только потребителями, в то время как государственные органы являлись заготовителями. Для согласования потребностей с наличием имеющихся запасов в стране, военное ведомство пользуется общим статистическим материалом, разработанным, совместно с государственными заготовительными органами в мирное время, и исправляемым в процессе войны. Характерен для империалистической войны и тот факт, что, несмотря на положение о Полевом Управлении 1914 г., санитарная часть была выделена и с компетенцией начальников снабжения фронта передана в ставку специальному органу с почти диктаторскими полномочиями. Это явление указывало на то, что при стихийном массовом явлении, заранее не предусмотренном, выходящим из рамок нормальной жизни, является потребность овладеть этим движением, путем создания исключительного органа с боль-

шими или меньшими правами, смотря по событию. Таковая же участь постигла и вопросы связи, которые выросли до степени самостоятельного органа. Это явление наблюдается с давних времен. Если мы бегло проследим положение 1890 года, то заметим, что функции современных органов укладывались в рамки основных органов правления, как то оперативного, что раньше называлось генерал-квартирмейстера, административного, дежурного генерала и довольствующего начснаба-интендантства.

Каждая война, в частности для нас, являлась жестоким мучителем и указывала, что мы всегда отставали от жизни. Во время войны мы всегда были в состоянии реорганизации, приспособливались к существующим условиям, Так было в Русско-Турецкую войну и Русско-Японскую войну, так было в войну 1914—1918 г.г. Мы никогда не предугадывали размеров имеющих быть войн. Это потому, что мы всегда оперировали на историческом материале, не делая поправок на современность. Несмотря на то, что военный организм развивался, не стремились втиснуть его в рамки прошлого опыта. Здесь уместно провести параллель с нашими государственными формами, которые, несмотря на развитие общественных отношений, были скованы консервативным реакционным верхом, туго поддаваясь духу времени.

Изучать законы, влияющие на формы, которые должны выражать современное состояние данного государства, было не в природе нашего правящего класса. Исторически сложившиеся формы успокаивали чувство ответственности. Противоположное мы наблюдали в гражданскую войну. Формы все время видоизменялись, применяясь к обстановке данного периода, не только в общереспубликанском масштабе, но порой и под влиянием местных специфических условий. Формы штаба фронта и армий севера и востока порой не походили на таковые на юге и западе.

В поисках всеобъемлющих построений импровизирование, в общем, вызывалось необходимостью.

Старый аппарат как на местах, так и в действующей армии мы уничтожили. Уничтожили и старые государственные формы, как оплот враждебного нам порядка, и на их месте начали строить свои органы, отвечающие нашему времени. Ясно, что таковая работа не смогла быть проделана в короткий промежуток времени.

Взмахом пера мы только писали декреты, но в жизнь проходили они с болезненным процессом. Контр-революция все время старалась сорвать нашу работу, и для борьбы с ней мы большое внимание обратили на органы подавления контр-революции, как-то: армию Ч. К. и Трибуналы. Первая вмещала в себе разнородный состав: крестьянство, офицерство, интеллигенция, в складках ее засел контрреволюционный, саботирующий элемент. Поэтому Ч. К. и трибуналы не подчинялись армейскому командованию, а существовали при армиях самостоятельно. Второе условие, диктовавшее необходимость

раздельного существования этих органов, это—массовая их работа среди местного населения при продвижении вперед, где не существовало местных аналогичных органов. Все это требовало централистической системы управления обще-республиканского органа. Для мирного овладения движением родственных нам группировок населения служили политотделы, ведущие работу осознания целей помысла борьбы. Эта работа требовалась как в армии, так и среди местного населения, где не существовало аналогичных местных органов. На требовала специальных навыков, чего не было у других органов и лиц, возглавляющих войсковые соединения, почему последние были также централизованы по своей специальной линии. При продвижении армии эти органы являлись проводниками советских идей.

Многочисленность фронтов, большая территория выделили работу связи, которая получила самостоятельное существование и разрослись до пределов исключительного значения. Наркомпочтель должен был остаться в хвосте, так как не мог охватить всю сложность обстановки и ее темп. Железные дороги имели то же значение, что в войну 1914—18 году; для согласования же с армейскими требованиями остался прежним органом — Упвосо, подчиненный Главкому непосредственно. Слабость местных органов, разруха транспорта поставили армию в исключительные условия, вернув ее к самодовлеющему состоянию.

Армия принуждена была в первый период существования добывать себе средства к существованию, беря из местных средств по возможности все необходимое, вплоть до личного состава, мобилизовать, обучить этот личный состав, а также его продовольствовать. Получилось смешение функций заготовительного характера. Для выполнения этих обязанностей были созданы Упраформы, как самостоятельные органы. Но, по мере укрепления власти, явилась необходимость снять заботу о заготовлении с действующей армии, для чего Упраформы были упразднены и созданы запасные армии, подчиненные непосредственно Главному Командованию.

Продовольственный кризис заставил обратить на себя внимание государственной власти, и Наркомпрод взял на себя заботу о заготовке продуктов для армии создав свои ячейки, независимые только оперативно от войсковых соединений. Это был первый этап разделения функций Красной армии, с государственными органами. Вторым этапом разделения функций было создание ЧУСО, органа ВСНХ который принял заботу заготовления как вещевого довольствия. так и части обозного и технического имущества.

Если это были несовершенные органы, половинчатые, которые не являлись стационарными представителями государственных экономических органов, прикрепленными к полевым частям, то в нашей действительности, при большой маневренности, слабости местных стационарных учреждений, транспортной разрухи,—они были со-

вершенными органами, сыгравшими свою историческую роль. По мере того, как мы укреплялись, власть и ее органы пустили глубокие корни. Эти органы отмирали и прекратили свое существование к концу гражданской войны, оставив в наследство опыт и идею разделения обязанностей. Опыт говорил: иметь в гражданских экономических органах военных представителей или ячейки, которые смогли бы в экстренных случаях развернуть работу до предела потребностей, вызываемых обстановкой.

Исключительное значение получил также орган полевого контроля в лице Р. К. И. Гражданская война породила небрежное отношение не только к общереспубликанскому имуществу, но и к казенному, потребовала, защитить достояния Республики от расхищения, призывая к жизни общереспубликанский орган Р. К. И. с распространением исключительных прав и на военное ведомство.

Суммируя, мы замечаем многочисленность полевых органов как подчиненных камандованию, так и параллельных. К концу гражданской войны эти органы совершенно перегрузили войсковые соединения, ограничив их подвижность, а также увеличили соотношения обслуживающего элемента к числу непосредственных бойцов, создав обоз—армию, в несколько раз превосходившую численностью действующую армию.

Необходимо дополнить, что многочисленность органов потребовала для их обслуживания большое число квалифицированных работников, которых в наличии не имелось. Получался заколдованный круг: чтобы обслужить эти органы приходилось или создавать новые, или увеличивать существующие. Громоздкость аппаратов, многочисленность их требовали объединения для согласования целей, по по существу ни один из существующих органов не мог взять на себя этой обязанности. Каждому органу под силу было только справиться со своей непосредственной работой.

Проектировалось создать возглавляющий орган в лице начальника тыла, но это не было разрешением вопроса, а только углублением волокиты и наростом на живом организме армии.

По мере того, как страсти, вызванные гражданской войной, утихнут, жизнь государства войдет в колею, явится возможность исключительные органы или ликвидировать, или влить их в основные органы как-то: оперативные, административные и интендантские.

При сокращении или слитии аппаратов увеличится и квалификация.

В этом направлении должна быть проделана большая работа в наш период, период затишья.

Несмотря на то, что гражданская война смела все чинопоклонство, оно все же имеет и сейчас значение, с которым приходится считаться У нас, в Красной армии, иерархическая лестница такова, что начальник штаба равен ниже стоящему начальнику войскового соединения, что загромождает работу первого. В отношении параллель-

ных органов они равны, что опять приводит к ненормальному положению, так как является необходимость разрешать частые споры или недоразумения начальнику части. Для освобождения последнего от большой работы по разрешению вопроса тылового порядка, а также для того, чтобы дать ему возможность иметь дело с ограниченным числом лиц, я полагаю необходимой следующую иерархию. Начальник управления должен быть выше по положению нижестоящих войсковых соединений и равен параллельно военному начальнику. При такой системе центр тяжести работы ляжет на начальников основных управлений. Начальник же штаба будет объединять уже ограниченное число учреждений, освободив начальника для оперативных замыслов и общего наблюдения. При прохождении службы необходимо строго придерживаться этой иерархии, тогда не будет иметь место болезненное отношение к вопросу соподчинения.

Разделение на административно-хозяйственный и строевой состав ведет только к антагонизму между этими делениями, а таковой антагонизм имеет место в Красной армии. Начальники управлений были скромными исполнителями черновой работы начальника штаба, были в той же неизвестности, как и сам начальник штаба. Последние были известны небольшому кругу лиц. Работу их надо поднять в глазах войск, отказаться от делений на административно-хозяйственный и строевой состав, что понижает первых в глазах второго. Характерно, что в Германии во главе Оперативного Управления стоял Людендорф, лицо известное и авторитетное для всей армии.

Вся наша работа должна вестись в этом направлении.

По моему, разделение труда может быть проведено только в технических войсках, да и то дробление мыслится только на низших ступенях чернового исполнения.

Лицо, объединяющее инженеров, обладает высшей квалификацией, обнимающей в себе всю совокупность произведенной отрасли, доводящей его до степени широкого кругозора. Военное же дело требует больших работников, а начальник управления армий, фронтов, начальник отделов дивизии, бригад должны быть с широким военным кругозором, могущие разобраться в обстановке, принятии решений, иначе они не годятся и для омысленной черновой работы.

Дабы объединить существующий громоздкий аппарат, а также сократить его, работа должна вестись в этом направлении. Другого выхода не имеется. Управление должно быть сугубо централизовано.

О том, какие полевые органы нам надо иметь в будущем, ответить чрезвычайно трудно, т. к. для этого необходимы статистические данные, рисующие как экономическое состояние всей страны в целом, так и будущего театра войны, а также и степень внедрения советской власти в целом. Например, в вопросе, необходимы ли комдезы, надо знать, справится ли милиция с этим делом, и если

нет, то комдезы нужны. Каков же объем работы и аппарат этого органа, необходимо знать, что им нужно, чем они слабы, силой или наблюдением. Вторым вопросом, какое количество мы можем наблюдать дезертиров в будущей войне и где они будут группироваться. Для этого необходимо знать, как внедрилась идея советской власти в сознание масс и каков характер будущих войн. О вопросе, необходимы ли Опродкомы, тоже нельзя ничего сказать. Для этого необходимо знать театр военных действий, провозоспособность жел. дороги, характер будущих боев, богатство местными средствами и т. д. Для всей работы необходимы статистические материалы и предварительное изучение.

Снабжение действующей армии.

Выше сказано, что во всех операциях, задуманных командованием, при их осуществлении заложен экономический базис. Не раз войска не смогли выполнить поставленной задачи из-за отсутствия патронов, а также недостатка в интендантском снабжении. „Забота о систематическом питании ложится на командование и через него на его штаб и интенданство, которые должны учитывать всю сложность обстановки, не упуская и питание“.*) В этом отношении существует известная законченность, определяемая системой довольствия, принятой данной страной.

Системы довольствия. К концу империалистической войны обрисовались три системы довольствия: а) довольствие местными средствами, б) базисная система, в) смешанная.

Довольствие местными средствами. Широкое применение пользования местными средствами получило развитие в эпоху Наполеоновских войн. Наполеон оперируя сравнительно небольшими армиями по всей территории Европы, не смог бы опираться на свою страну, от которой его подчас был на много сотен верст. Вторым условием, заставлявшим прибегать к такой системе, это беспрерывность войн и разорение Франции, имевшие место после революции. Франция того времени не в силах была прокормить свою армию, и Наполеон принужден был перенести довольствие на территорию враждебной страны. В виду того, что армии были сравнительно не велики, для их прокормления требовалось относительно небольшая территория данной страны. Большая подвижность Наполеоновских армий не требовала продолжительного пребывания в одном пункте. Там же, где предполагалось находиться большой промежуток времени, прибегали к системе запасов, подвозимых извне. Для увеличения маневренности, наполеоновския армии пользовались поставками местных властей. Этим достигалось сокращение собственных

*) Бернгарди. „Современная война“, стр. 151.

обозов и лиц, потребных для операций заготовления. К заготовлению же собственным попечением прибегали в исключительных случаях.

В войну 1870—71 г.г. применялась та же система. Для прокормления армии прибегали к местным средствам, возлагая таковое на квартирохозяев, или добывали продовольствие, путем реквизиций. Так как война и в частности тактические операции носили скоротечный характер, то таковая система еще могла существовать. Во время продолжительных остановок переходили к системе довольствия из баз, пополняемых поставками или реквизицией. Существенных различий с наполеоновской эпохой не имелось. Ограниченность территории и сравнительно крупные войсковые массы только заставляли чаще прибегать к системе питания из магазинов. Магазины служили здесь, повидимому, средством экономного пользования имеющих запасов в завоеванной стране, т. к. иначе войска, хищнически эксплоатируя, отвлекались бы от оперативных замыслов и принуждены были бы голодать. Германскому командованию пришлось бы констатировать распущенность войск, или обратиться за продуктами питания к собственной стране. Продлись война на больший промежуток времени, средств бы территорий завоеванной по праву войны не хватило, и германское командование принуждено было-бы постепенно перенести центр тяжести питания на свою страну, Наполеон погиб, применяя такую систему, и это было главной причиной отступления из России, где он не нашел достаточного количества продовольствия и растянув коммуникацию, принужден был большую часть своей армии посадить на ее охрану.

Германия же воспользовалась скорым окончанием войны и не вкусила прелестей, испытанных нашей армией в империалистическую войну.

В империалистическую войну мы выступили с системой, принятой Германией в 1870—71 г.г., с надеждой на месте найти большую часть продуктов широкого потребления, с учетом все же количества могущих развернуться армий. Доказательством тому может служить, что заботу питания армий мы возлагали на начальника снабжений фронта. Этим актом мы ограничивали линию, понимаемую как территорию, предназначенную для эксплоатации непосредственно войсками, питающимися по системе германцев в 1870—71 г.г. Поправкой к таковому порядку служила Русско-Японская война, где, при ограниченности территорий занимаемых войсками и их многочисленности, мы отвели ближайшие к театру военных действий районы для эксплоатации.

Война началась, мы немедленно приступили к реализации нашего плана в сравнительно короткий срок использовали местные средства, находящиеся на территории театра военных действий и перенесли центр тяжести на округа, подчиненные фронтам. Война продолжалась, средства округов стали иссякать. Недостающие продукты заменяются другим видом, имеющимся в данном округе

Получалась картина хищничества. Войска поставлены в неравные условия. Начинаются брожения и, дабы положить предел такому положению, не очутиться перед совершившимся фактом, командование останавливается на полумере и передает регулировку заготовления в округах начальнику снабжения ставки, специально на то назначенному. Жизнь все же дает себя знать, и продукты стали поступать со всей страны постепенно, а к концу империалистической войны и абсолютно.

Таким образом, к концу ее, чистую систему, основанную на питание из баз, пополняемых республиканскими средствами, пришлось отвергнуть. Вся страна приняла участие в питании армии, т. к. была ограничена в собственном потреблении карточной системой. Таков порядок питания необходимо объединить с общегосударственной системой.

К концу империалистической войны мы имели множество коммуникаций, с большим протяжением в глубину. В большинстве это были жел.-дорожные линии, которые не смогли подвозить регулярно продукты питания и, для обеспечения могущих быть задержек по линии коммуникаций, закладывались базы пополнения как средствами, находящимися в окружности, так и изнутри страны.

По мере расширения радиуса территории и увеличения на ней количества войск, прибегали к системе магазинов, цель которых сэкономить местные средства и продолжить их на больший промежуток времени. Даже по мере того, как прибегали к получению продуктов извне, они служили уже передаточными линиями и вытянулись в направлении питающего центра. В то время, как ранее пользовались исключительно живой тягой, система ограничивала маневр, но с развитием жел. дор. имеется возможность уже не считаться с количеством переходов. Жел. дороги покорили пространство.

Расположение баз и их удаленность имеет другую почву под собой. Как у нас говорилось, это—техническая причина, вторая уязвимость от вражеского нападения. Рассмотрим в отдельности.

1) С началом войны жел. дороги отказывают в массовых подвозах продуктов питания, т. к. заняты переброской исключительно войсковых соединений к будущему театру военных действий. Для их прокормления на этот промежуток времени задолго до войны закладываются базы, имеющие запас продовольствия до момента регулярного подвоза к войсковым соединениям.

2) Коль скоро провозоспособность жел. дорог не велика, а армии значительны,—базы располагаются недалеко друг от друга с большим запасом, может быть, даже заготовленным еще в мирное время, иначе войска могут очутиться в катастрофическом положении.

3) Непредвиденные обстоятельства задержек, как-то крушения поезда на одном участке, требуют расположения большей части таковых баз по линии ж. д.

4) Богатство местной страны влияет на сеть таковых баз, коль скоро страна богатая и, в частности, район, прилегающий к жел дорогам, базы могут располагаться реже, т. к. могут пополняться из окружного района. Страна бедная, довольствие идет извне,— сеть баз увеличивается.

5) Предстоящие действия и количество войск, предназначенным к этому, уязвимость коммуникаций влияет на расположение и содержимые запасы в обратном направлении. Забота согласования этих противоречивых факторов ложится на полевое командование и органы снабжения.

Существует система подвижных запасов как возимых в собственных обозах, так и носимых. Размеры таковых определяются сетью жел. дорог данного района и количеством войск. Слабо развитая сеть заставляет иметь таковые в большем числе, дабы не быть прикованными к базам. Большое же число ведет к другой ненормальности. Войска могут превратиться в обозников. Перегрузить стрелка, дать ему большой запас не имеет смысла, т. к. можно свести его к роли вьючного животного. К активним действиям и маршам он будет неспособен.

Возимые и носимые запасы непосредственно войсками является последним видом регулирования могущих быть задержек в систематичном питании.

Многомиллионные армии, пользуясь базами и подвозом запасов, все же зачастую принуждены ограничивать свои потребности. Причиной тому служат: 1) недостаток продуктов в государстве и техническая невозможность заготовить их в мирное время, как, например, мясо, жиры, хлеб и проч.; 2) слабость жел. дорог. Здесь на очереди стоит новая проблема, которая имеется в наличии, но не получила господствующего положения. Это консервирование всех видов продуктов питания, с увеличением калорийности их за счет количества или веса. Настоящая проблема становится доминирующей при бедности нашей в транспорте, т. к значительно ограничит работу и позволит сосредоточить таковые продукты задолго до войны.

Нашей заботой должно быть углублением настоящей проблемы дать ей реальное осуществление. Так как в этом заинтересовано военное ведомство, то оно и должно первое вступить на этот путь. При нашей хозяйственной академии должен быть учрежден соответствующий аппарат, выпускающий из своих стен специалистов инженер-интендантов. К таковой работе должны быть привлечены и все научные силы.

Наступила гражданская война. В ее процессе погибло много ценностей; подорвалось экономическое состояние без того разоренного государства. И если мы в первый ее период пользовались сестемой снабжения местными средствами, района, на котором непосредственно расположились войска, и аппаратом по преиму-

ществу войсковым, то в последующие периоды мы от этого решительно отказываемся и постепенно переходим к общегосударственной системе с передачей заботы заготовки экономическим органам государства.

К этому имеются объективные предпосылки. Наша государственная система в период войны зиждилась на совокупности всех ценностей находящихся на ее территории. Фабрики, заводы, земля были национализированы, и продукты поступали непосредственно в государственное пользование. На продукты земли была введена продразверстка. Поступление находилось в государственных магазинах, откуда и черпали потребное войсковые соединения. Также был разрешен вопрос и с другими видами довольствия. Государство заготовляло, армия пользовалась. Переход к новым формам государственного строительства прошел в болезненных процессах, а это не могло не отразиться на армии. Недостатки в ее питании зависели не от системы, а от степени разорения страны.

С. М. Пугачевский.

Командный состав Рабоче-Крестьянской Красной армии, его подготовка и сохранение (как идеал).

ВСТУПЛЕНИЕ.

Цель настоящего доклада обрисовать идеал красного командира, к которому мы должны стремиться, наметить способы проведения в жизнь этого идеала, а затем указать ряд мер, необходимых для сохранения лучшего комсостава в рядах Красной Армии как в мирное, так и военное время.

Прежде всего необходимо отметить, что в огромном большинстве своем комсостав РККА вышел из недр рабочих и крестьян, выдвинулся во время революции, из среды серой солдатской массы.

Толкаемый классовой ненавистью и сознанием необходимости вести борьбу за свое освобождение, этот комсостав прошел тяжелую школу трудовой жизни, жизни полной лишений, и впоследствии, пройдя не менее тяжелую школу военной науки на многочисленных фронтах Советской Республики, блестяще выдержал экзамен на звание красного командира.

Однако, для окончательной его подготовки, усовершенствования теоретических и технических знаний и сохранения его в рядах армии, необходимо наметить и провести в жизнь некоторую реорганизацию как во взглядах на военное дело, так и в применении их при обучении войск, исходя из опыта минувшей гражданской войны.

Насколько трудна задача, стоящая перед Республикой, по созданию мощной Красной армии, а прежде всего ее командного состава, видно хотя бы из того, что до сих пор не было в истории случая создания армии с таким, как наш, комсоставом. В революционных армиях Кромвеля, французской революции, Наполеона, Вашингтона—все почти командные должности занимались людьми военными по профессии, с юных лет втянутыми в эту лямку; все они раньше служили в старых армиях, а в период революции приспособлялись к новым порядкам, и только весьма незначительная часть состояла из постороннего элемента, самородков в военном деле, вносящих новые веяния в схоластику старых спецов.

В королевских, имперских и т. п. армиях доступ на командные должности для лиц, происходящих не из господствующего дворянского класса, был весьма труден. Дворяне ревниво оберегали свои права на командование, сделав их почти наследственными.

Правда, иногда и низшему сословию за „особые заслуги" всемилостивейше разрешалось определить сына в кадетский корпус, но это —редкие случаи. Даже во время войны 14—18 годов, когда призывался весь народ на защиту границ „возлюбленной нами родины", тайно писались приказы: „кухаркиных сынов в школы прапоров не допускать".

Безусловно, система такого натурального подбора сыграла огромную роль в истории русских войн.

Имея прекрасные войска, но высший командный состав далеко не на высоте своего призвания, Россия проигрывала одну за другой кампании или „побеждала", но ценой такой крови, что перед этим блекнет всякое поражение.

В Красной армии дело обстоит по другому. Здесь, по приблизительному подсчету, до 75% командного состава выдвинуто на должности революцией. Весь этот комсостав—из армии рабочих разных специальностей и крестьян-хлеборобов. Только теперь, учитывая положение Республики, окруженной враждебно настроенными соседями, они стали профессиональными командирами.

Красная армия строилась в очень тяжелых условиях. Деморализованная Керенщиной, царская армия, после демобилизации, дала из своей среды лучший элемент, элемент революционный, сознающий всю необходимость борьбы за свое освобождение. Другая часть стала под красные знамена от станков фабрик и заводов.

Вся эта масса, однородная по своей идеологии, сильная ненавистью к классовому врагу, была первым камнем в фундаменте Красной армии.

Из нее-то и выдвинулись командиры-вожди, в большинстве случаев до этого времени бывшие не более как „пушечным мясом".

Безусловно, что у новых командиров запаса специально военных знаний было не много, но их заменяло решение—победить или умереть.

С течением времени новый комсостав, учась на своих победах и ошибках, расширял свой военный кругозор. Но сильная вражда ко всему старому, наша классовая ненависть, особенно сильно выразившаяся в периоде чисто гражданской войны, мешала нам здраво разобраться в старом и, откинув вредное, безусловно принять полезное.

Эта ненависть к старому, которая заставила французов переименовать свои полки в полубригады, чувствуется у нас и до сих пор, но нам необходимо ее изжить и, изменив ненавистные нам названия, применять старые принципы, соответственно духу Красной армии.

Ведь без этого нет возможности создать мощную армию.

Я здесь коснусь всех тех главных понятий, которые до сих пор волнуют командный состав.

Я не пытаюсь найти здесь единую военную доктрину, ибо, правду сказать, в существование таковой не особенно склонен верить. Создание ряда однообразных понятий о пользе и вреде различных явлений и однородности действий при одинаковых условиях, проведенных сверху донизу всей Кр. армии, должно заменить, по моему мнению, пресловутое изобретение немцев, неуловимую для нас „единую военную доктрину“.

Возведение же тех или иных принципов в сан единой военной доктрины определения по существу не говорящие ничего ни уму ни сердцу красного командира, по моему, только вносят хаос во многие понятия.

Почему, например, наступление или оборону составляющие форму действий войск возводят в сан этой самой доктрины, а разведка и сдваивание рядов не удостаиваются этой чести?

Немецкая единая военная доктрина, это не что иное, как самовозведение военной касты на высоту современного Олимпа и признание этого превосходства остальной нацией, воспитанной в шовинистически-национальном духе.

Весь немецкий народ, проникнутый величием своих „культуртрегеровских“ заданий, боготворил военную касту, как выразительницу и защитницу нации. Это давало возможность существования единого взгляда на военное дело у всего народа, начиная с монархистов и кончая социалистами.

Но это отнюдь не та военная доктрина, которую пытаются насаждать в Красной армии.

Главное в военном искусстве. это правильное понимание существа дела и точная, а вместе с тем и простая формулировка как в приказах сверху, так и в донесениях снизу.

Чем проще, короче и яснее приказ, тем он ценнее с военной точки зрения. Клаузевиц говорил: „Простота, это гениальность“.

Это прежде всего нужно проводить в жизнь, не увлекаясь отвлеченными философскими теориями.

I. Подготовка.

1. Основание и принципы.

Красный командир должен твердо усвоить, что он призван быть руководителем и наставником всех подчиненных ему лиц как по военным, так и по политическим вопросам.

А посему командир должен иметь соответственный запас знаний и умение передачи их подчиненным.

При этом командир должен иметь определенные полномочия, на основании которых он, командуя, мог бы регулировать все проявления военной жизни, стремясь к конечной цели—объединению пролетариата всего мира.

Исходя из этого, каждый командир должен быть вполне уверен в своем праве командовать и гордиться этим правом, рассматривая его как путь приближения к идеалам, за которые борется пролетариат.

Лицо, посвятившее себя служению великим идеалам человечества, с оружием в руках добивающееся осуществления их, должно быть всегда примером выполнения своего долга перед революцией и пролетариатом и выработать в себе методичность, неутомимость и выдержку как в командовании, так и во всем остальном, связанном с военным делом.

Власть командования основана на иерархии и субординации. Ген. Драгомиров говорил: „Она необходима (субординация) для того, чтобы мысль высшего начальника могла проникнуть через весь организм войска, которым он командует, не упуская ни одной его части. С другой стороны, она необходима для того, чтобы впечатления, полученные той или другой частью под влиянием врага или положения, поднимались до высшего начальника, не пропуская передаточных органов... Долг каждого военного,—это давать сверху вниз приказание, снизу вверх рапорты; это и другое—при посредстве иерархической лестницы, высшие и низшие ступени которой непосредственно с ним соприкасаются".

Обязанность повиноваться и обязанность командовать—два принципа, без которых немыслим военный аппарат.

Повиновение или дисциплина—главнейший фактор в создании мощи армии,—в этом нет у нас двух мнений.

Дисциплина бывает однако разная: так-называемая палочная и сознательная.

Весь вред палочной дисциплины, как с моральной, так и с военной точки зрения, давно учтен не только нами, последователями и учениками Маркса, но даже и представителями буржуазных армий.

Идя по пути индивидуального развития каждого бойца, мы тем самым имеем полную возможность, развивая его интеллектуальные способности, развивая в нем политическое самосознание, развивать в нем сознательную, убежденную дисциплину—дисциплину, во много раз превосходящую всякую другую.

Примером беззаветного долга, проявлением дисциплинированности, прежде всего и должен быть командный состав.

Дисциплина убежденная достигается моральными путями, и нет почти нужды прибегать к наказаниям.

Безусловно, имея в виду различие составных единиц армии, нет возможности утверждать, что можно обойтись совершенно без репрессивных мер.

Но идеалом краскома будет тот, кто добьется исполнения всего требуемого уставами без принудительных мер.

Необходимо раз навсегда отказаться от слепого повиновения, угодливости и безропотности, присущей всем буржуазным армиям, и не убивать свободы мысли, при которой выполнение, может быть, не будет так точно, но более разумно и искренно.

Великий философ Токвиль сказал, что „повиновение заключается в самой воле повинующегося и основывается не только на его инстинкте, но и на разуме. Поэтому оно и вырастает вместе с опасностью".

Мне лично приходилось наблюдать, что в частях, воспитанных под страхом наказаний, во время боев этот страх исчезал перед страхом смерти, и только уверенность в том, что в тылу их ждут пулеметы и заградительные отряды, где гибель неминуема, заставляла такую часть итти вперед.

Итак, необходимо общее стремление к созданию суровой, ненарушимой, но сознательной дисциплины,—дисциплины, основанной на чувстве долга перед революцией и трудящимся пролетариатом всех стран. Такая дисциплина и будет более надежной в минуты опасности, ибо она будет основана не только на инстинкте, но и на разуме.

Создать такую дисциплину может только авторитетный младший начальник, а посему необходимо старшим начальникам всеми силами создавать и укреплять авторитет младших, а отнюдь не ронять его.

У нас до сих пор вопрос об авторитете начальника стоял слабо.

На высокое моральное качество сотрудников в настоящее время обратило внимание Г. П. У. и впредь это должно быть положено в основу создания подобных органов в армии, дабы в первую очередь избежать подрыва авторитета войскового начальника.

Сознательная дисциплина даст возможность проявления всеми самой широкой инициативы.

При этом я хочу указать, что отнюдь нельзя считать инициативой какое-нибудь анархическое действие.

Это не безрассудное самодурство и неисполнение приказа высшего начальника, а разумная приспособляемость, на основании ориентировки на месте, к скорейшему и лучшему выполнению намеченной старшим начальником конечной цели. Инициатива способствует развитию интеллектуальных качеств начальника, тем самым подымая его выше и выше по иерархической лестнице.

В „Принципах войны" ген. Фош говорит: „Военный разум, это тот, который обращается к характеру и также, как то показывает самое слово, к рассудку. Он содержит, следовательно, акт мысли и размышления и отвергает неподвижность ума или отсутствие мысли. Подчиненный начальник должен с теми средствами, которыми он располагает, выполнить мысль своего высшего начальника. Для этого, прежде всего, он должен ее понять и затем из своих средств сделать употребление, наиболее отвечающее данным обстоятельствам, в которых он—единственный судья".

Надо научить людей делать все хорошо, без указки, без вмешательства во все мелочи; пора заставить каждого думать за себя.

Необходимо также напрячь все усилия для поднятия в нас пунктуальности и аккуратности, не опасаясь, что она превратит нас в педантов. В основе славянской души нет зародыша педантизма, а развитие аккуратности было бы большим шагом вперед. Достигнув этого, мы съумеем предотвратить еще одно зло—это „висение“ старшего начальника над младшими.

При прежнем рабском повиновении не могло быть и речи о проявлении своей воли. Теперь, наоборот, при осмысленном добровольном повиновении, где предоставлено право выбора того или другого средства, необходим не только физический, но и умственный труд. В военном деле есть целый ряд функций, могущих быть совершаемыми машинально, по навыку, приобретаемому практикой. Этот навык, эта машинизация действий в старой армии прививались „муштрой“.

Генерал Драгомиров в одной статье говорит следующее: „В этой ничтожной бороздке, именуемой народом, муштра нажила себе неумолимого врага, потому неумолимого, что с ним бороться нельзя, а приходится только поникать головой перед его велениями. Что же велит эта бороздка? Велит признать за солдатом обязанность рассуждать, ибо без этого нынешняя стрельба немыслима. Велит способствовать в нем развитию толкового и честного мышления и обращаться с ним по-человечески, ибо без этого он не может ни спокойно рассуждать, ни лежать сердцем к занятию стрельбой, а это последнее необходимо для успеха. Стрельба—дело совести“.

Муштра царской армии, убивая в солдатах всякую мысль, всякую критику, стремилась к созданию машины, в которой отсутствовал разум.

Насколько муштра сама по себе, без разума и воли, скорее вредна, как орудие пытки людей, виновных лишь в том, что они призваны на военную службу, свидетельствует между прочим следующий факт. В 1805 году командир гвардейского корпуса добился того, что его корпус от Петрограда до Аустерлица шел всю дорогу в ногу. Однако русские войска дрались под Аустерлицем далеко не так стойко и храбро, как прежде, когда еще не были забыты заветы Суворова.

Мы—люди дела, а посему парады для нас имеют только политическое значение, как демонстрация наших сил представителям „дружественных“ стран. Они имеют свое оправдание в Москве, Петрограде, и там-то можно уделить лишний час для производства парада. Но для армии в целом вполне достаточна будет известная стройность в выполнении приемов, не доходящая, однако, до акробатства.

Безусловно, каждый красноармеец должен хорошо исполнять предписываемое уставами, быть выносливым и ловким.

Человек, однако делает лишь то хорошо, что твердо знает и к чему привык.

А чтобы приобрести эту привычку, нужна практика, нужно чаще повторять необходимое.

Для развития выносливости и ловкости применять в возможно широких размерах гимнастику, но опять не ту старую шаблонную, а свободную, веселую, разогревающую кровь и властно зовущую на подвиг,—не муштру, а спорт.

А самое понятие этой военной выучки, благодаря которой простейшие функции военного дела исполнялись бы машинально, оставляя разум свободным для других, более ответственных целей, я бы назвал тренингом, хотя это слово и не русское, но чисто спортивное, близкое к тому, что требуется.

Наполеон приписывал $^3/_4$ успеха в каждом деле моральным силам и только $^1/_4$—остальным факторам.

Влияние моральных сил было особенно ярко в Красной армии.

К развитию этих моральных сил мы и должны напрячь усилие. Знание всеми целей, за что мы боремся и что в результате нашей победы нас ждет, а также яркое представление о той кровавой расправе, которая ждет нас при поражении,—должны быть побудителями непрестанной энергии и подъема духа.

Постоянное общение, тесная связь и выполнение некоторых обязанностей в гражданском правительственном аппарате и рабочих союзах, будут связывающим звеном между армией и лучшей частью населения, служа источником уверенности в общности интересов рабочих и армии, и, с одной стороны, не дадут возможности краскомам обособиться в касту, а с другой дадут энергию и силу к работе в армии, которую готово поддержать все трудовое население. Уверенность же в общей поддержке имеет колоссальное моральное значение.

Красный командир, коему поручено воспитание рабоче-крестьянской Красной армии, для выполнения возложенных на него обязанностей, должен быть прежде всего граждански мужественным.

Выработка личных качеств. Гражданская мужественность, это высоко-альтруистическое чувство, выработанное в достаточной мере в каждом командире, будет первым залогом в покорении сердец своих подчиненных и начальников.

А насколько важна взаимная любовь и уважение друг к другу, в товариществе и в военной среде, говорить не приходится.

Начальнику необходимо:

1) Иметь (выработать) сильную волю.

В здоровом теле сильный дух, а посему первым шагом к приобретению сильной воли будет развитие и физической силы.

Воля, как и все способности, развивается от повторения.

Воля—основание власти.

Ген. Фош говорит: „Воля победить — первое условие победы. Следовательно, первый долг солдата, это решение свыше, которое в случае надобности должно передаваться в душу солдата путем приказания. Отсюда вытекает для армии, которая хочет победить, необхо-

димость величины первого порядка приказания, а для человека, который хочет сражения, необходимость дара приказывать. Думать и хотеть, иметь ум и характер недостаточно. Еще нужен дар передать высшую энергию, которая его воодушевляет, своему оружию, массе людей".

2) Быть решительным.

Насколько решительность имеет доминирующее значение в военной жизни, характеризует хотя бы такая истина: „Лучше одно посредственное решение, но проводимое энергично к исполнению, чем десяток превосходных, но распыляющих наше внимание и силы".

3) Готовым на самопожертвование.

В истории всех войн мы видели, какое огромное моральное значение имело самопожертвование начальников, их беззаветная удаль и храбрость. Однако этого отнюдь не следует смешивать с безрассудным подвержением н—ка опасностям. Жизнь начальника, как ответственного за успех на вверенном ему участке, очень ценна, и ею можно рисковать только в определенных, решительных случаях.

4) Служить личным примером.

Имея возможность подняться на высшую умственную степень развития, благодаря заботам Р.-Кр. Правительства, командный состав должен стараться показать подчиненным не свое превосходство, а своим личным примером, своим поведением быть предметом увлечения, подражания.

Знание подчиненных. При всех этих качествах колоссальное значение имеет в армии знание своих подчиненных.

А посему каждый начальник обязан как выявить свое собственное я перед высшими, так и изучить своих подчиненных. Зная подчиненных, зная их хорошие и плохие стороны, их плюсы и минусы, н—к, комбинируя, может создать требуемое целое.

Но так как н—к требует откровенности у подчиненных, также и он должен быть откровенным и правдивым перед старшими, не боясь открыть и своих слабых сторон, исходя из того, что главной его целью должно быть стремление к созданию мощи Красной армии, и перед этой целью должны отходить на задний план все другие.

2. Главное оружие на всех фронтах жизни это—знание.

К развитию своих знаний, к развитию кругозора своих подчиненных, к возбуждению интереса к приобретению знаний должен стремиться каждый краском.

Методы обучения. Прежде, всего обучение должно быть ясно, кратко, непрерывно и показательно.

Ясно, т.-е. обучающий должен знать настолько предмет, чтобы у него не было никаких неясностей, недоразумений, и свой предмет он должен объяснить для всех понятно, говоря на простом общественном языке, избегая слишком ученых слов и терминов, во избежание отвлечения внимания от главных целей.

Кратко—„краткость достоинство каждого донесения"—стараться употребить на обучение данному приему, делу как можно меньше времени и меньше слов, но тем не менее, повторяя, объясняя преподаваемое до полного усвоения всеми, переходить от более простого к более сложному.

Непрерывно, т.-е. раз заученное не должно заваливаться в глубокий ящик нашего сознания, а постоянно повторяться, чем мы достигнем необходимого автоматического знания.

Лучше всего обучать все на примерах.

Примерах простых, удобозапоминаемых и показательных. Крайне вредно придумывать что-либо особенное: чем проще тем лучше.

Когда-то я слыхал такое двухстишие „Живые примеры обучают умело, солдата же книга не научит делу".

Это крайность, но пример прежде всего.

В настоящее время, благодаря урокам гражданской войны, мы знаем все свои слабые стороны, а потому и должны начать обучение друг друга с изжитием недостатков и приобретением полезных навыков.

Я здесь перечислю те, которые считаю главнейшими:

Что: 1) Убежденная дисциплина и широкая инициатива—дух Красной армии.

2) Промедление—нерешительность—смерти подобно.

3) Принцип частной победы—основной принцип борьбы.

4) В виду постоянного изменения обстоятельств, не указывать деталей, а лишь цель, к которой приказано стремиться.

5) Всегда двигаться врозь, а драться вместе.

6) Взаимная выручка—залог успеха, а посему всегда спешить на выстрел.

7) Войска без разведки, что кот в мешке, а посему разведка, разведка и еще раз разведка.

8) При современной войне, для достижения единства действий, а следовательно, и успеха, необходима теснейшая связь, как по фронту, так и в глубину.

9) Пора бросить надежду на „Николая Чудотворца" и организовывать всегда, как на походе, так и на отдыхе все виды охранения.

10) Для успеха избегать шаблона.

Главное командование Р. К. К. А. учло необходимость серьезной подготовки Красной армии к грядущим боям за свержение ига капитализма во всем мире, и в четвертом и пятом годах учебы мы идем гигантскими шагами к военным познаниям. И как все препятствия рушатся перед сильными волей, так это рухнет пред дружным натиском Р.-К. К. армии.

2. Подготовка низшего комсостава.

Задания, возлагаемые на костяк Красной армии, на ее командный состав, огромны, а поэтому и подготовка его будет значительно труднее, чем в армиях буржуазных, где на обязанности к-ра не лежит политическая подготовка, ибо борьбу с проникновением в армию отголосков социализма политработой считать нельзя.

Лица, избравшие себе военную карьеру, должны обязательно отбыть воинскую повинность в рядах армии, в избранном роде оружия, на равных с прочими гражданами началах, и лишь успешное прохождение таковой дает возможность для поступления в военное учебное заведение для подготовки командира.

Вышедший из в.-у. з'а, молодой краском должен продвигаться по иерархической лестнице, за исключением первой ступени, отделенного командира, где он пробывает строго установленный срок, беспрепятственно, неограниченный никакими сроками командования, по своим знаниям и подготовке. Для назначения на должность комбата, необходимо заслушание шестимесячных—повторительно-показательных курсов, каковые должны быть созданы при округах.

Это—в будущем. А в настоящее время, когда у нас имеется красный боевой командный состав, немного иногда хромающий в знании теории, необходимо восполнить это знание целым рядом повторительных краткосрочных курсов, куда бы посылались действительно лучшие командиры для упорядочения своих знаний, а не те, которые лишние в частях, как это часто практиковалось до сих пор. Высшему комсоставу пора понять желаемость таких курсов и посылать туда лишь лучших людей.

На ряду с этим, в войсках, под личным руководством высших начальников, ведется все время плановая, по ранее выработанной программе, подготовка комсостава. Эта работа должна носить боевой характер, т.-е. вестись систематично и неуклонно, не допуская перерывов в занятиях.

Далее, воспитательной мерой является строжайшее соблюдение устава гарнизонной службы, во всех проявлениях жизни.

Затем—тактические занятия, соответствующие степени познаний краскома, отнюдь не забивающие его головы высокими материями и стратегическими соображениями, исходя из пословицы: „каждому кораблю свое плавание“.

Затем следуют строевые занятия, стрельба и хозяйственная работа. Огромную роль в развитии комсостава будут иметь клубы с организованными при них политическими, военно-научными, историческими, спортивными, стрелковыми и т. п. кружками, где используя свой досуг, краском, незаметно для себя, будет вовлечен целиком в самоусовершенствование. При этом необходимо живейшее участие в этом деле высшего комсостава и правильная постановка дела.

Охота в пехоте, парфорсная в кавалерии имеют тоже огромное воспитательное значение, и введение их в Красной армии в широком масштабе, считаю весьма существенным фактором будущих успехов, как развивающих удаль, сметливость и выносливость—качества, необходимые каждому военачальнику.

3. Подготовка высшего комсостава.

В будущем, следуя по намеченной мною программе, ясно, что Красная армия будет обеспечена квалифицированным комсоставом.

Высший комсостав необходимо будет, для тесной связи, выработки общих взглядов на обучение и прочее, созывать на кратковременные сборы, имеющие также целью обновление познаний.

Такие сборы, заканчиваемые военной игрою или широко поставленными полевыми поездками,—организованные в центре, дадут возможность держать армию на должной высоте.

В настоящее время, когда в Республике большинство высших должностей занято людьми, добившимися этого положения своею боевой деятельностью, но не имеющими достаточной теоретической подготовки, является насущная потребность в создании целого ряда повторительных курсов, с программой не менее 8—12 месяцев, для устранения этих пробелов.

Высший комсостав собирается в центре от поры до времени, дней на 30—60 для обсуждения текущих военных вопросов, подробного ознакомления с нововведениями и т. д.

Что же касается саморазвития высшего комсостава на местах, то таковое приобретается работой, точно говоря, руководительством тех проектированных мною кружков самообразования, которые должны быть при клубах.

Рефераты, доклады, сообщения и широкое обсуждение таковых, весьма полезны как гимнастика ума и в то же время предотвращают от ретроградства. Широкий доступ командного состава для сотрудничества в военных журналах также весьма существенно содействует развитию военной мысли.

II. Сохранение комсостава.

1) В мирное время.

Подбор и подготовка командного состава требуют огромных материальных средств. И действительно, Республика, имея густую сеть учебных заведений по всем своим уголкам, тратит на подготовку массу денег.

Если окончивший то или иное заведение краском остается в рядах Красной армии, то такая трата не будет бесполезна, но если он уходит из армии и станет работать в другой отрасли, то ясно, что это напрасная потеря денег, времени и труда.

В настоящее время наблюдается именно такое стремление к уходу из рядов армии и, к сожалению, массовому уходу, чему способствует демобилизация.

Казалось бы это все в порядке. Уходят нежелающие служить,—и ладно. Какой толк в службе тех, кто не желает служить? Пусть остаются лишь желающие. Так, да не совсем так.

Здесь надо разобраться в причинах ухода из армии, и принять соответствующие меры, дабы не остаться без действительно нужного комсостава. Ведь ни на минуту не следует забывать, что командный состав Красной армии, как я уже отметил в первой части своего доклада, это бывшие работники в других отраслях труда. Уходят из армии по своему желанию, именно те лучшие, более талантливые и энергичные, которые везде желательные сотрудники.

А происходит это по:

1) отсутствию реальной, осязаемой опасности для Республики,
2) утомлению военной службой и
3) весьма необеспеченному положению краскома.

Первые две причины не имеют такого огромного влияния и служат скорее „фиговым листком", при мотивировках ухода, между тем как третья причина—главная и имеет доминирующее значение.

Материальная необеспеченность командного состава Красной армии, сражавшегося за идею и не заботившегося о приобретении материальных благ, не в пример гражданским деятелям, широко запасшимся всеми благами мирного существования, настолько велика, что не только не дает возможности плодотворно работать, но даже роняет их в глазах массы и войск.

Как иначе можно назвать такое явление, когда командир Красной армии, или член его семьи, вынужден продавать по базарам последнее, дабы не околеть с голоду. Где тут будет авторитет краскома? Где желание работать?

Красный командир, находясь на фронте и сражаясь против буржуазных порядков, не требовали многого. Семьи большинства голодали, но в порыве к победе, вдали от семейства, ему некогда было вникать во все мелочи личной жизни.

Да и вся жизнь кругом была тяжелая. И если какой-нибудь казнокрад в тылу и проявлялся, то быстро попадал на учет всевидящей В. Ч. К. и—„списывался с довольствия".

Р. С. Ф. С. Р. принимаются энергичные меры для обеспечения в первую очередь командного состава.

Это тормозится вследствие общей неналаженности хозяйственного аппарата Республики.

Примеров так много, и один показательнее другого, что не знаешь, с какого начать. Возьмем хотя бы следующий. Семьи высшего комсостава лиц, призванных на В. А. К., несмотря на целый ряд общих приказов и приказаний и выдачу персональных удостоверений выс-

шими начальниками в Республике, многие даже здесь, в Московском округе не обеспечены пайком по сие время.

Возьмем коммунальные услуги. Их приказано оплачивать. Денег на этот предмет однако не отпускают, или отпускают так мало, что не хватает и на самую ничтожную часть расходов.

Следует выселение из квартир, благо первое мая прошло, а с ним и запрет об невыселении.

Здесь следует обуздать непомерные аппетиты „нэпманов“ и заставить, для примера, „отдохнуть“ в Г. П. У.

Безусловно, такое положение вещей не может поднять работу комсостава Крармии на должную высоту. Всякие же побочные доходы, нелегальное получение фунта сахару или мяса, за счет бедного красноармейца, не говоря уже об моральном упадке данного командира, роняют весь комсостав в глазах массы.

Даже самый легальный и честный, т. н. „отхожий промысел“, как распыляющий и отвлекающий внимание и энергию краскома от главного его дела воспитания Крармии и себя, считаю недопустимым.

Чтобы иметь хороший командный состав, нужно обеспечить комсостав от забот о насущном куске хлеба, от мелких хозяйственных забот, дать возможность воспитания детей, обеспечить будущее. Это необходимо сделать в первую голову, ударным порядком — ибо при недостатке в удовлетворении жизненных потребностей, является упадок как энергии, так и охоты к работе. Необходимы самые решительные меры, решительная помощь красному командиру!

Когда это будет действительно сделано, то нам нечего будет бояться, что лучшие из нас уйдут. Даже если наше положение будет не так блестяще, как других, то та цель, та идея, для которой мы работаем, скрасит нам это существование.

Улучшение материального положения краскома будет тем фундаментом, на котором можно строить в дальнейшем мощь Красной армии. Наряду с этим злом есть еще два. Это постоянная смена командного состава и бесконечные ревизии, комиссии и т. п. в частях.

Разберем первое: почему-то до сих пор практикуется, бесцельное на мой взгляд и безусловно вредное, перемещение командного состава, особенно высшего, с места на место—почему и зачем? В большинстве случаев это военная тайна, никому неизвестная, а меньше всего переводимому.

Не успел переводимый оглядеться на новом месте, как уже его погнали дальше и без конца.

Хотите примеров? Возьмите любой послужной список, и вы там увидите документальные данные.

А насколько это вредно, как это отражается на частях, на их обучении, особенно у нас, где еще не вполне установлено единство взглядов на все вопросы военной жизни, доказывать не приходится.

Пример плачевного конца такой „чехарды“ мы видим в армии Гучкова и Керенского.

Такой же вред Крармии приносят (по крайней мере приносили) все различные уполномоченные, чрезвыч. и т. п. комиссии.

Поведение этих многочисленных комиссий на местах заставляет также желать много лучшего; работа их из кулька в рогожку, сомнения хоть отбавляй, а главная цель (что таить грех) это—запастись продуктишками.

Я говорю о том, что было до июля месяца прошлого года—теперь не знаю как.

Командир части является ответственным лицом за состояние своей части, за ее обучение и воспитание.

Дайте ему возможность лично ознакомиться с людьми, выбрать из них подходящих слабых подготовить или отослать для подлежащей подготовки, или в конце концов отправить в округ, где должна быть высоко квалифицированная аттестационная комиссия, которая, разобравшись в представленных начальником части документах и проэкзаменовав присланного, даст свое компетентное и окончательное решение.

Самый способ аттестации к-ра должен быть в корне изменен. В настоящее время аттестация производится секретным образом и аттестуемому она неизвестна совсем.

А между тем, было бы гораздо полезнее, как для аттестующих, так и для всего дела, чтобы аттестация происходила гласно. Это во-первых, исключает возможность всякой неправильности, пристрастия и т. п., а во-вторых, заставит краскома или исправить свои ошибки и недочеты, или взяться за работу на другом поприще.

Даже в царской армии была попытка в некоторых частях аттестовать на высшую должность своих сотоварищей. Результаты сказались весьма быстро, но к сожалению в полной мере там этого провести было нельзя.

Нам необходимо производить аттестацию на основании отзывов сослуживцев, сбросив буржуазный предрассудок, иметь мужество, обсуждать кандидатуру каждого открыто, даже лучше в его присутствии.

Все остальные способы аттестования через высших начальников—келейная аттестация, по моему, огромное зло.

Примеров не наберешься. В глазах вас хвалят, а за глаза бранят и пакостят.

Надо выжечь из Красной армии эту гадость, пережиток старины!!

При гласной аттестации окружные аттестаткомиссии будут лишь из ряда представленных избирать более подходящих.

Нынешние же аттестаткомиссии, это ни что иное как удобная лазейка, через которую уходят нежелающие служить в армии. Самая система „экзамена“ весьма сомнительна, задаваемые вопросы из ряда Суворовских „огорошин“. В своем большинстве они действительного знания не обнаруживают, а лишь сводятся к „зарезу“.

Постановка дела указанным мною образом сразу сократит число всяких комиссий на $^{3}/_{4}$, а остальная четверть со временем сведется до минимума.

Общие поверки, инспекции должны производиться в строго определенное время раз, много два раза в год. К таким инспекциям, разумеется не плац-парадного характера, надо готовиться постепенно целый год или пол. года. И тогда-то выяснится характер и степень подготовки части.

Такие инспекции весьма желательны и полезны. К моменту их все будет подготовлено. Никто не будет отрываться от дела, и оно пойдет обычным порядком. Это, однако, не исключает возможности послать по разрешению Р. В. С. Р. округу или равному ему учреждению и внезапную ревизию в те части, о благополучном состоянии которых поступят серьезные данные.

Работа в частях, где до десятка ревизий и комиссий в месяц, не мыслима, и ни один начальник не в состоянии вести таковой. Недовольствие, вырастающее на этой почве, приводит к атрофии импульса работы и в конце концов выражается в желание уйти во что бы то ни стало из армии.

Резюмируя вышесказанное, приходим к выводу, что для удержания в рядах Красной армии лучших более подготовленных и развитых пролетарских начальников, необходимо: 1) обеспечить безбедное существование командира, 2) установить несменяемость начальствующих лиц и 3) сократить число ревизий и всяких комиссий, до сих пор тяжелым бременем ложащихся на военный бюджет Республики. Проведение всего этого в ближайшем будущем даст нам возможность иметь высокую качеством Красную армию, как в мирное так и в военное время, обеспечивая ей достаточный контингент высоко квалифицированных начальников-командиров.

2. В военное время.

Самые дисциплинированные и в высокой степени вышколенные, отлично снабженные армии, потеряв даже не весь, но большую часть комсостава, теряют свои лучшие качества и дезорганизуются.

Свойство это присуще всем войсковым соединениям, а посему всеми государствами принимаются героические меры для сохранения кадра.

В минувшую европейскую войню, Россия в первых боях в Восточной Пруссии, а за тем и по всему фронту, потеряла лучшие кадры. Это роковым образом отразилось на качестве вторых и третьих очередных частей, которые заставляли желать много лучшего.

В этих частях все было второсортным, если не третьесортным.

Нам в Красной армии следует избежать этой ошибки.

Избежать, по моему, можно двумя способами. Это или держать и в мирное время достаточно сильную армию, не жалея на нее рас-

ходов, помня, что мы черезчур бедны чтобы держать маленькую армию, или в сокращенных до минимума частях иметь двойной комплект командного состава, располагать которым можно будет при развертывании армий в военное время.

Затем следует использование командного состава на поле брани.

До сих пор наблюдалось что командный состав, за исключением редких случаев действительной необходимости, бесцельно рискует своей жизнью. Было много случаев, когда блестяще проводимая операция срывалась лишь только благодаря выбытию из строя начальника.

С таким безрассудным самоубийством командного состава необходимо бороться, указав всю несостоятельность подобной затеи и вред, приносимый общему делу.

На ряду с этим командный состав обрекает себя на верную гибель благодаря рутине, выразившейся в следующем: к-р. роты, отдавая приказание, обыкновенно добавляет: „я буду у большого дерева или под одинокой сосной“ и т. п. К-р бригады или полка—„у мельницы“, „на окраине деревни“. Как противник, так и мы знаем эти привычки и обыкновенно ведем прежде всего обстрел более заметных предметов на местности окраин и возвышенностей, рассчитывая на выходы из строя командного состава, и это удается в большинстве случаев. А поэтому необходимо приучить командный состав находить себе менее предательское место в бою, с которого можно было бы все видеть, не навлекая на себя исключительно сильного огня противника, и достаточно удобно руководить боем.

Указав на эти главнейшие причины, я не буду касаться целого ряда других—второстепенных, но и указанного будет достаточно, чтобы армия не терпела поражений из за недостатка командного состава.

Боевые действия 1-й бригады 26-й стрелковой дивизии за обладание дер. Требушинная в ночь на 9-е сентября 1919 года.

Описываемый эпизод разыгрался в районе между Курганом и Петропавловском (зап. сиб.) и относится к периоду первой Петропавловской операции, когда V-ая Кр. армия, потерпев поражение на линии п. Ново-Рыбинский—ст. Петухово—оз. Медвежье, под давлением противника вынуждена была отходить по всему фронту.

Белыми был предпринят охват правого фланга этой армии с попыткой выйти в ее тыл группой войск в составе 7-й и 11-й Уральских дивизий и значительного количества казачьих частей.

Охват противнику удался и 2-ой бригаде 26-й дивизии, находившейся на фланге армии, был нанесен большой урон, попытка же пройти по тылам этой армии обошлась противнику слишком дорого: 7-ая Уральская его дивизия, вышедшая в тыл 26-й стрелковой дивизии, расположилась на ночлег (схема № 1) в д. Чебаковская и в ночь 5.6 сентября подверглась нападению со стороны прорывавшейся из окружения 1-й бригады 26-й стрелковой дивизии, в результате чего последняя захватила до 600 человек пленных, 17 орудий, около 40 пулеметов и много других трофеев. На рассвете 6 сентября эта же бригада сбила авангардный полк 11-ой Уральской дивизии в д. Сетовская и отбросила его на юг. Несмотря на эти успехи 1-ая бригада все же должна была продолжать отход вследствие общей обстановки на фронте армии, и к вечеру 7-го сентября сосредоточилась в с. Лопатинском, где и заночевала.

Постепенно тесня части V-й армии, противник к вечеру 7/IX овладел линией д. д.: Кривинское—Требушинная—Пеганы—Куреинская. Силы и наименование частей противника не были известны и частично выяснились лишь на другой день, после занятия 1-й бригадой д. Требушинная.

К полудню 8/IX был получен приказ Начдива 26, по которому 1-й бригаде была поставлена задача овладеть д. д. Пеганы и Серебряная; 2-й бригаде д. Прудо-Золотая, Мал. Умрешова; 3-й бригаде занять д. Кривинская. 1-ая бригада 5-й дивизии должна была занять д. Куренская.

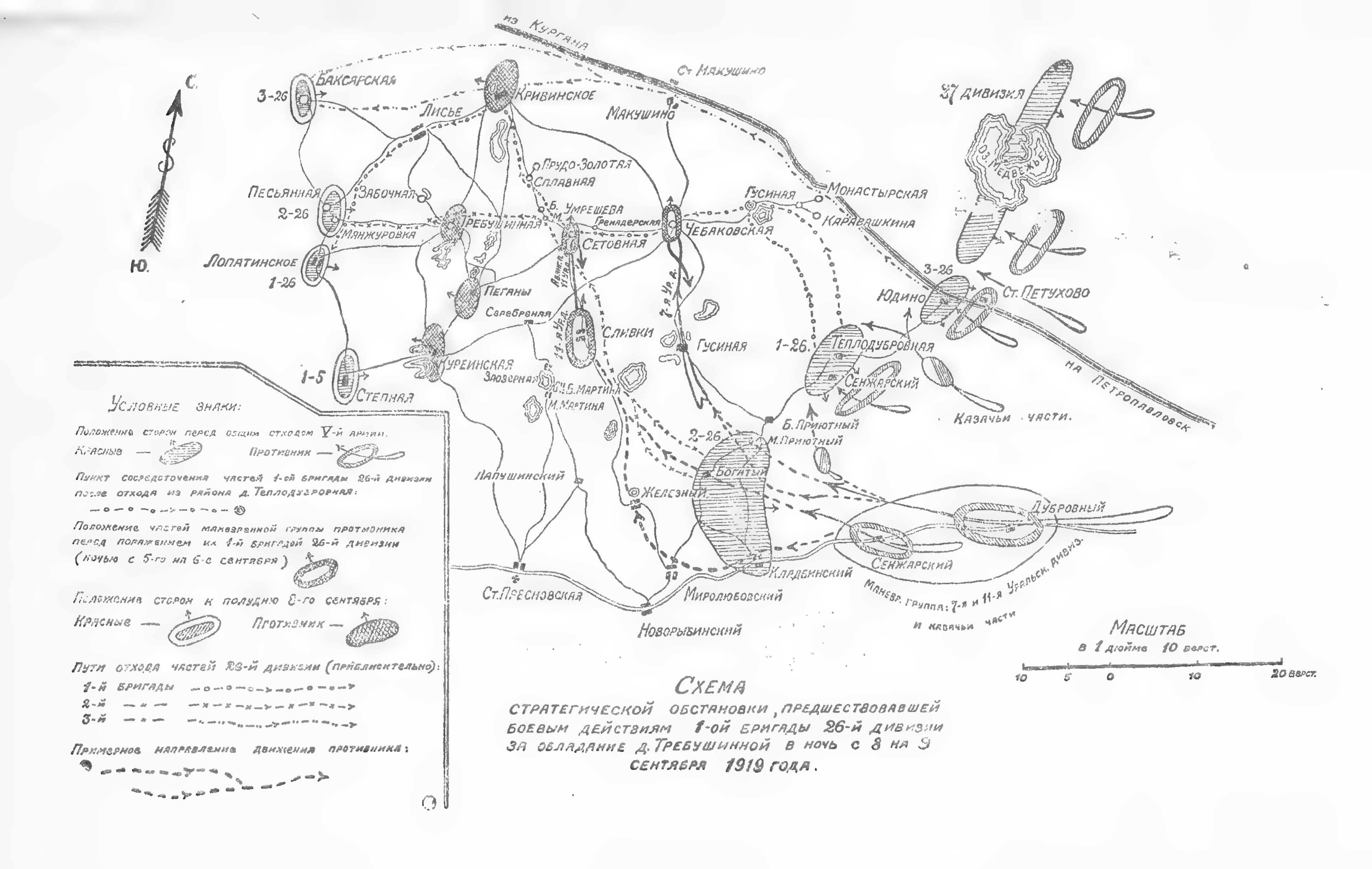

Схема
стратегической обстановки, предшествовавшей боевым действиям 1-ой бригады 26-й дивизии за обладание д. Требушинной в ночь с 8 на 9 сентября 1919 года.

В 1-й бригаде 26-й дивизии насчитывалось до 1500 шт., около 100 пулеметов и 2 легкие батареи. 11-ая бригада имела около 600 штыков, незначительное количество пулеметов и одну батарею.

Прежде чем перейти к изложению дальнейших событий необходимо остановиться на краткой характеристике сторон.

У белых, несмотря на общий успех, в частях наблюдались две характерные отрицательные особенности: 1) нерешительность и боязнь риска в то время, когда нужно было проявить максимум инициативы и развивать достигнутый успех, и 2) полная небрежность в отношении разведки и охранения, когда части находились на месте. Эти особенности не были секретом для командования красных, в частности для Комбрига 1—26. Последний учитывал также разгром 7-й Уральской дивизии противника, что, по его мнению, не могло не отразиться на соседних частях белых. Также нельзя забывать еще об одном важном факторе, оказывавшем влияние на разложение рядов противника, это—незаинтересованность солдатской массы и низшего комсостава в осуществлении планов Колчака. В рядах его войск отсутствовали внутренняя спайка, общность интересов и вера в успех.

Красные части 1-й бр. 26 див., несмотря на чрезвычайное физическое переутомление вследствие больших дневных и ночных переходов, сопровождаемых упорными боями и разного рода лишениями, были настроены бодро и желали боя. Такое настроение являлось результатом того, что бригада в своем прошлом имела непрерывный ряд удачных боевых действий, из которых бой в ночь с 5 на 6 сентября оставил особенно сильное и благоприятное впечатление, укрепив в рядовых бойцах и в командном составе веру в себя.

Не так благополучно обстояло дело во 2-й бригаде, где к физическому переутомлению еще прибавился упадок духа, явившийся результатом тяжелых моральных потрясений, во время понесенных поражений в боях 3 и 4 сентября. Такое моральное состояние частей даже без наличия реальной опасности порождало склонность к неустойчивости и панике.

Для полноты характеристики необходимо отметить еще один важный фактор,—это наличие в Красных частях общности интересов и понимание цели борьбы. Этот фактор создавал необходимую спайку между бойцами и командным составом и поддерживал между ними взаимное доверие [1]). Благодаря этому, даже в случаях, когда красные части подвергались тяжелым поражениям, они не разваливались окончательно, а сохраняли жизненность и боеспособность их быстро восстанавливалась. Части же их, не потрясенные неудачами, постоянно искали столкновения с врагом, пренебрегая явной опасностью и совершая зачастую такие дерзкие и рискованные шаги, возможность совершения которых командование белых не допускало.

---

[1]) В данном случае идет речь о частях, действовавших на востфронте, где измена и добровольная сдача в плен были весьма редкими и даже исключительными явлениями.

Возложенную на 1-ю бригаду задачу—атака д. д. Пеганы и Серебряная—комбриг решил выполнить следующим образом: ночным ударом овладеть дер. Требушинная, (схема № 1) а утром распространить этот удар в южном и юго-восточном направлениях. Было достигнуто соглашение с комбригом 2—26, выразившееся в том, что по овладении д. Требушинная 1-й бригадой, его части займут последнюю и будут развивать наступление далее на восток, обеспечивая тем самым операцию 1-й бригады 26 дивизии слева. Хотя такой маневр по существу и является не совсем выгодным для комбрига 1—26, тем не менее этим значительно облегчались действия 2-й бригады, которая по мнению комбрига 1—26 не была бы в силах самостоятельно выполнить поставленную ей задачу. Достигнуть же успеха без продвижения 2-й бригады он также не надеялся, ибо в таком случае пришлось бы действовать с открытыми флангами, что, при наличии у противника значительного количества кавалерии, составляло серьезную опасность. Но такой маневр позволил действовать сосредоточенными силами, бок о бок с пострадавшей 2-й бригадой, у которой, в случае успеха 1-й бригады, естественно поднялся бы боевой дух.

В 14 час. 8/IX бр-да выступила из с. Лопатинского с тем, чтобы, пройдя 5—6 верст, сделать большой привал. В виду того, что для производства тщательной предварительной рекогносцировки подступов, к д. Требушинная не хватало времени, то по пути из хутора Манжуровки по требованию комбрига привели крестьянина, хорошо знавшего окрестности д. Требушинной.

План овладения деревней в главных чертах состоял в следующем один полк, должен был лесом с севера обойти д. Требушинную и пересечь пути отхода пр-ку на восток; остальные два полка, по условному сигналу обходившего, должныбыли атаковать деревню с запада, т. е. с фронта. А т. к. к югу и к северу от деревни расположены озера и болота, то при удачном выполнении задуманного плана противник должен был оказаться в мешке.

Как только начало темнеть комбриг поднял все части с привалов и двинул их вперед. Колонна следовала походным порядком со всеми мерами охранения, только на сближенных расстояниях.

Приблизившись к деревне версты на 4 (см. схема № 2), комбриг остановил колонну, приказал 227-му полку приступить к выпонению обхода, а 226-му и 228 полкам занять исходное положение, развернувшись в боевой порядок по сторонам дороги. Для определения линии сторожевого охранения пр-ка от полков была выслана разведка. Чтобы обеспечить операцию со стороны д. Куреинское, в этом направлении был выставлен заслон силою в один батальон 228 полка.

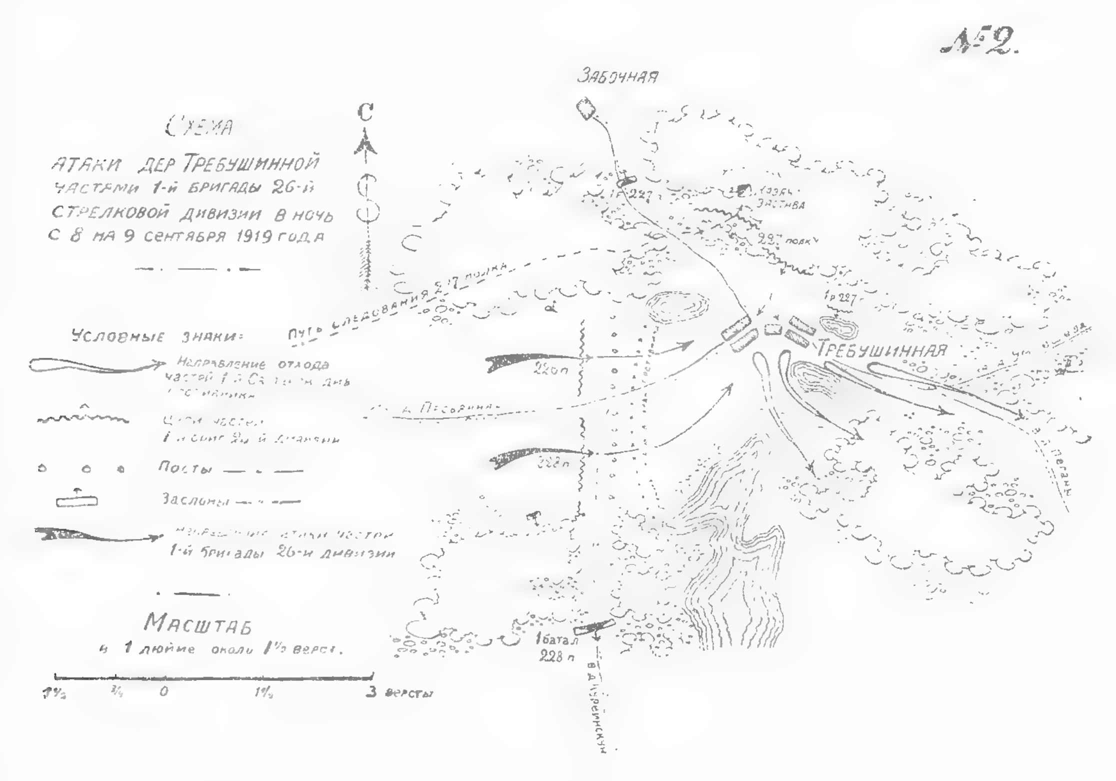
С момента выступления 227-го полка прошло около 2—3 часов; часть высланных вперед разведчиков вернулась для доклада о результатах разведки, другая часть осталась перед фронтом сторожевого охранения пр-ка для наблюдения за последним до подхода своих полков.

В это же время в лесу, куда направлялся 227 полк, произошла короткая перестрелка, длившаяся не больше 2—3 минут.

226 и 228 полкам был отдан приказ сблизится с пр-ком; цепи этих полков стали продвигаться вперед и незамеченными подошли почти вплотную к сторожевому охранению пр-ка, где и остановились в ожидании приказа о переходе в атаку.

Спустя приблизительно два часа после упомянутой выше перестрелки показался небольшой разъезд пр-ка, очевидно с целью ближайшей разведки. Пройдя линию своего сторожевого охранения, разъезд наткнулся на один из передовых постов 228 полка и, будучи обстрелян им, повернул обратно.

№2.

По расчету времени комбриг полагал, что обходящий 227-й полк должен быть уже на месте, и с нетерпением ждал с его стороны условного сигнала. Когда же комбриг получил сведение, что обнаружено стягивание противником своего сторожевого охранения к деревне, комбриг приказал, не дожидаясь сигнала, немедленно атаковать деревню, что и было исполнено.

Впоследствии выяснились причины, вызвавшие перестрелку в лесу. Следовавший по лесу в голове 227 полка командир его заметил впереди костер. Остановив полк и взяв с собою несколько человек, он приблизился к костру. У костра сидели казаки. Желая бесшумно захватить их в плен, комполка 227 направил для этого 20 красноармейцев. Однако, их движение было обнаружено казаками, открывшими по ним огонь. Некоторые из кр-цев, не удержавшись, в свою очередь ответили огнем. В бойцах, оставленных позади, нервное напряжение,

13*

обычное при ночных действиях, вызвало самостоятельные действия: не ожидая приказаний, кр-цы бросились с криком „ура“ по направлению выстрелов. Казаки скрылись, а полк, сильно перемешавшись, оказался спиною к деревне Требушинная. Больших усилий стоило командиру полка привести в порядок полк и повернуть фронтом на указанную деревню. Достигнув этого, компполка двинул полк в атаку на деревню и ворвался в нее.

Совершенно случайно атака 227-го полка совпала с атакой с фронта, предпринятой 226 и 228 полками, однако вся атака свелась к удару почти по пустому месту, т. к. встревоженный еще раньше стрельбой и криками „ура“ пр-к большей частью успел уйти из деревни.

В результате этой ночной операции в наши руки попало около полутораста человек пленных, несколько канцелярий, часть оперативного отделения штаба 1-й Самарской дивизии. Также выяснилось, что в деревне была сосредоточена вся названная дивизия в составе трех пех. полков, егерского б-на, при неустановленном числе б-рей: пленные показывали, что вечером 7/IX в деревню прибыли еще какие то части, но какие именно указать не могли.

В болоте пр-ком была брошена 3 - дюймовая б-рея в составе 3-х орудий и одно траншейное орудие и „Гочкиса“, все совершенно не поврежденные; здесь же было обнаружено 5—6 пулеметов, частью без замков, затем больше 15 пароконных повозок и прочие трофеи.

Деревня была нами занята в 3 часа.

По условию с комбригом 2—26 с момента занятия деревни преследование пр-ка должно было лечь на части его бр-ды, однако назначенный для этой цели 230 полк упрямо задерживался, что заставило комбрига 1—26 преследование пр-ка возложить на свои части. Для чего от 228 полка был назначен один б-н, который, продвинувшись вслед за отошедшим пр-ком версты на 3, остановился и принял на себя роль сторожевого отряда. Остальным частям по приведении их в порядок, был разрешен отдых, до прихода полка второй бр-ды. Последний прибыл только в 7 часов. Передав ему охрану дер. Требушинной—комбриг 1—26 приступил к выполнению возложенной на него задачи овладения дер. Пеганы. Вскоре было получено новое распоряжение начдива 26, по которому из состава 1-й бр-ды необходимо было выделить часть сил для наступления на д. Лисье, с целью облегчить движения 2-й и 3-й бригадам, встречавшим упорное сопротивление пр-ка.

К 12 час. д. Пеганы была уже занята 1-й бр-дой. Наступление на д. Серебрянную, в виду неблагоприятной обстановки на флангах, а также полученного дополнительного распоряжения начдива, до конца доведено не было.

Несмотря на то, что задача, возложенная на 1-ю бр-ду, была выполнена, причем захвачены были довольно ценные трофеи, в душе каждого, от стрелка до комбрига, осталась горькая досада на не вполне удавшуюся ночную операцию.

Я. П. Гайлит.

ОГЛАВЛЕНИЕ III ТОМА.

ИЗДАНИЯ
Высшего Военного Редакционного Совета

Белухин.—„Мина Уайтхеда".

Блинов.—„Взрывчатые вещества".

Брикс.—„Паральная теория гребного винта", часть I.

„Описание морских предост. знаков по Северно-Ледовитому океану и Белому морю".

Белухин.—„Описание устройства приборов Обри".

Зингер.—„Следствие и суд в Балтийском флоте после Октябрьской революции".

„Труды I-го Всероссийского съезда библиотечных работников Красной армии и флота".

Михеев и Свенцицкий.—„Учебник топографии".

„Пособие для практического ведения специальных занятий с младш. комсоставом артиллер.".

Сулейман.—„Конспект 2-й части курса. Устройство тыла и тактики снабжения в действующей армии".

„Изменение в инструкции для приема 3-хлин. винтовки обр. 1891 г. при изготовлении винтовок в ненормальных условиях".

Коваленко.—„Элементарный курс авиационного радиотелеграфа", ч. I.

„Временные правила о порядке выполнения и учета воинских перевозок".

Асин.—„Действия в горах".

Башинский.—„Подготовка артиллерийской стрельбы".

„Руковод. службы полевой тяжелой артиллерии 107 м./м. 42-лин. скорострельной пушки". Отд. V. Боевые припасы.

„Постановления и резолюции XI Съезда РКП".

Каменев.—„Стрелковый бой".

Ефремин.—„Опыт методики политграмоты", ч. I, изд. II.

Дейч.—„Программа краткого курса воен. хоз. для старшего курса Воен. Академии".

Трунов.—„Наставления для стрельбы по воздушным целям".

Трунов.—„О стрельбе по кораблям воздушного флота".

Яцук.—„Стратегическая маскировка".

Свечин.—„История военного искусства", ч. I.

„Руковод. службы тяжелой артиллерии". Отд. V.

Столбин.—„Современная артиллерия".

Городецкий.—„Пан жупан, долой обман".

„ „Знай Боярскую Румынию".

Базаревский.—„Руковод для ведения военной игры".

Белицер.—„Руковод. к распознаванию и лечению пироплазмоза лошадей".

„Основные принципы военно-учебного строительства".

Ростовский.—„Прибор Пантограф".

Козьма Бессребречник.—„Сказка про Фоку".

Маниковский.—„Боевое снабжение русской армии".

„Действительность артиллерийского огня".

Унтилов.—„Руководство по всем видам личного и денежного довольствия", вып. II.

Гусев.—„Краткое руководство службы связи".

Огородников.—„Боевое обучение мелких частей польской армии".

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ.
МОСКВА
1922 г.